

ДЭВИД ГЕРБЕРТ
ЛОУРЕНС

✧
Влюбленные женщины
✧

✧ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✧

Зарубежная классика (АСТ)

Дэвид Герберт Лоуренс
Влюбленные женщины

«Издательство АСТ»

1920

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Лоуренс Д.

Влюбленные женщины / Д. Лоуренс — «Издательство АСТ»,
1920 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-159210-3

Самый скандальный роман Лоуренса, для которого не нашлось издателя – и автору пришлось его публиковать за собственный счет. Роман, который привел автора на скамью подсудимых – за нарушение норм общественной морали. Времена меняются – и теперь в истории двух сестер из английской глубинки, исповедующих идею «свободных отношений», не осталось ничего сенсационного. Однако психологизм романа и легкость стиля делают это произведение интересным даже для самого придирчивого читателя.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-159210-3

© Лоуренс Д., 1920
© Издательство АСТ, 1920

Содержание

Глава первая. Сестры	6
Глава вторая. Шортлендз	17
Глава третья. Класная комната	25
Глава четвертая. Ныряльщик	32
Глава пятая. В поезде	37
Глава шестая. Crème de menthe[10]	44
Глава седьмая. Тотем	55
Глава восьмая. Бредэлби	59
Глава девятая. Угольная пыль	78
Глава десятая. Альбом для рисования	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Дэвид Герберт Лоуренс

Влюбленные женщины

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава первая. Сестры

Однажды утром Урсула и Гудрун Брэнгуэн сидели в эркере у окна родительского дома в Бельдове, работали и болтали. Урсула вышивала, покрывая – стежок за стежком – яркий узор, Гудрун рисовала, держа картон на коленях. Они часто замолкали, возобновляя разговор, только когда кому-то из них хотелось поделиться с другой пришедшей в голову мыслью.

– Урсула, ты действительно не хочешь замуж? – спросила сестру Гудрун.

Урсула отложила рукоделье и подняла голову. Ее лицо было спокойным и сосредоточенным.

– Не знаю, – ответила она. – Все зависит от того, что ты под этим подразумеваешь.

Такой ответ слегка ошарашил Гудрун. Некоторое время она недоуменно смотрела на сестру.

– Мне кажется, – проговорила она не без иронии, – обычно под этим подразумевают вполне определенную вещь. И разве ты не считаешь, что тогда, – тут ее лицо несколько омрачилось, – ты будешь в лучшем положении, чем сейчас?

Тень пробежала по лицу Урсулы.

– Возможно, – ответила она, – хотя не уверена.

Гудрун опять помолчала, ощущая некоторое раздражение. Ей хотелось определенности.

– Значит, ты не думаешь, что каждой женщине нужен опыт замужества? – спросила она.

– По-твоему, замужество – такой уж ценный опыт? – задала встречный вопрос Урсула.

– В каком-то смысле брак – всегда опыт, – уверенно отозвалась Гудрун. – Пусть даже отрицательный.

– Совсем не обязательно, – возразила Урсула. – Скорее уж его конец.

Гудрун застыла на месте, внимательно обдумывая слова сестры.

– Да, тут есть над чем подумать, – сказала она. Разговор исчерпал себя. Гудрун почти сердито взяла в руки ластик и принялась стирать что-то в рисунке. Урсула сосредоточенно вышивала.

– Ты отказалась бы от хорошей партии? – спросила Гудрун.

– Уже от нескольких отказалась, – ответила Урсула.

– Вот как! – Гудрун густо покраснела. – И среди них был кто-нибудь стоящий?

– Был один чудесный человек, доход – тысяча в год. Он мне ужасно нравился, – сказала Урсула.

– Что ты говоришь! И у тебя не возникло искушения?

– Только чисто абстрактное, – ответила Урсула. – Когда доходит до дела, искушения как не бывало – да будь оно, я бы пулей выскочила замуж. Напротив, возникло искушение не выходить!

Лица сестер неожиданно озарились лукавством.

– Разве не удивительно, – воскликнула Гудрун, – что это искушение очень сильное? – Сестры рассмеялись, глядя друг на друга, но в глубине их душ гнездились страх.

Последовало долгое молчание, во время которого Урсула усердно вышивала, а Гудрун работала над рисунком. Сестры были уже взрослыми: Урсуле исполнилось 26, Гудрун – 25, однако у обеих был тот особый девический облик, который присущ современным девушкам – скорее сестрам Артемиды, чем Гебы. Гудрун была наделена исключительной красотой, спокойной, безмятежной: нежная кожа, плавные изгибы тела. На ней было темно-синее шелковое платье, отделанное у шеи и на рукавах синим и зеленым кружевом, и чулки изумрудного цвета. Ее самоуверенный и недоверчивый вид резко контрастировал с обликом сестры, излучающим трепетную надежду. Обыватели, которых пугало исключительное хладнокровие Гудрун, отсутствие всяческой манерности, говорили о ней: модная штучка. Она недавно вернулась из Лон-

дона, где провела несколько лет – училась в художественной школе и вращалась в артистических кругах.

– Я жду появления мужчины в своей жизни, – сказала Гудрун; она прикусила нижнюю губу, состроив при этом странную гримасу – лукавая усмешка с примесью страдания. Урсуле стало не по себе.

– Так ты вернулась в надежде найти его здесь? – рассмеялась она.

– Нет, конечно. Никаких поисков. Я и пальцем не пошевелю, – отрезала Гудрун. – Но если на моем пути встретится некий в высшей степени привлекательный индивидуум, и к тому же хорошо обеспеченный, ну, тогда... – Иронически оборвав фразу, она бросила на Урсулу испытующий взгляд, как бы проверяя ее реакцию. – Тебе не становится скучно? – спросила она сестру. – Неужели ты не замечаешь, что твои планы не претворяются в жизнь? Ничего не осуществляется! Все гибнет в зародыше.

– Что гибнет в зародыше? – спросила Урсула.

– Да все, ты сама, и все вокруг.

Воцарилось молчание, во время которого перед каждой из сестер смутно замаячила ее судьба.

– Это пугает, – согласилась Урсула. Опять последовала пауза. – И ты надеешься изменить жизнь всего лишь с помощью замужества?

– Похоже, это неизбежный очередной шаг, – ответила Гудрун.

Урсула обдумывала ее слова с горьким чувством. Она вот уже несколько лет работала учительницей в средней школе Уилли-Грин.

– Понимаю, – сказала она. – Если размышлять абстрактно, так может показаться. Но только представь себе, представь любого мужчину из тех, кого ты знаешь, и вообрази, что он будет каждый вечер приходить домой, говорить «привет» и целовать тебя...

Возникла неловкая пауза.

– Да, – проговорила Гудрун сдавленным голосом. – Это невыносимо. Ни с одним мужчиной такого не выдержишь.

– Конечно, есть еще дети... – прибавила с сомнением в голосе Урсула.

Лицо Гудрун ожесточилось.

– Ты действительно хочешь иметь детей, Урсула? – холодно спросила она.

Урсула изумленно и озадаченно взглянула на сестру.

– От этого не уйти, – ответила она.

– Но ты сама этого хочешь? – настаивала Гудрун. – Лично меня мысль о детях вовсе не греет.

Лицо Гудрун, лишённое всякого выражения, казалось маской. Урсула нахмурила брови.

– Возможно, это не подлинное желание, – неуверенно произнесла она. – Возможно, оно только на поверхности, а в глубине души его нет.

Гудрун посуровела. Ей не хотелось углубляться в эту проблему.

– Когда подумаешь о чужих детях... – продолжила Урсула.

Гудрун взглянула на сестру – почти враждебно.

– Вот именно, – сказала она, чтобы закрыть тему.

Сестры продолжали работать в полном молчании.

В Урсуле ощущалось постоянное внутреннее горение – она обуздывала его и подавляла. Урсула давно жила самостоятельно, сама по себе, работала изо дня в день и много размышляла, стараясь быть хозяйкой своей жизни, осмыслить происходящее. Она не жила полной жизнью, но подспудно, втайне, что-то назревало. Если б только удалось разорвать последнюю оболочку! Она старалась вырваться наружу, как ребенок из материнского чрева, но ей это не удавалось – пока. Однако у Урсулы было странное предвидение, предчувствие того, что с ней случится нечто необыкновенное.

Она отложила рукоделье и посмотрела на сестру, которую считала красавицей, абсолютной красавицей; она любовалась ее нежной бархатистой кожей, сочностью красок, изяществом линий. В манерах Гудрун была неподражаемая игривость, пикантная ироничность в сочетании со сдержанностью, почти с равнодушием. Урсула восхищалась ею от всей души.

– Почему ты вернулась домой, Рун? – спросила она. Гудрун чувствовала ее восхищение. Она откинулась на стуле и посмотрела на Урсулу из-под длинных, красиво изогнутых ресниц.

– Почему я вернулась, Урсула? – повторила она. – Я тысячу раз задавала себе этот вопрос.

– Так ты не знаешь?

– Думаю, знаю. Похоже, мое возвращение домой было просто *reculer pour mieux sauter*¹.

И она посмотрела на Урсулу значительным взглядом посвященного человека.

– Понимаю, – воскликнула Урсула, пораженная и сбита с толку; было видно, что на самом деле она мало чего понимает. – Прыгнуть – но куда?

– Не важно, – ответила с царственным величием Гудрун. – Если прыгаешь, то где-нибудь обязательно приземлишься.

– Но разве это не рискованно? – спросила Урсула.

На лице Гудрун заиграла ироническая усмешка.

– Ах, – произнесла она со смехом. – Это всего лишь слова! – И Гудрун вновь оборвала разговор. Однако Урсула продолжала размышлять.

– А как тебе в родном доме? – задала она новый вопрос.

Прежде чем ответить, Гудрун некоторое время молчала. Затем спокойным и уверенным голосом произнесла:

– Я ощущаю себя чужой.

– А что ты думаешь об отце?

Гудрун взглянула на Урсулу с возмущением, словно ее приперли к стене.

– Я не думаю о нем, стараюсь не думать, – ответила она холодно.

– Понятно, – неуверенно отозвалась Урсула, и на этот раз разговор сестер действительно закончился. Они оказались перед пустотой, на краю пугающей бездны и словно заглянули в нее.

Какое-то время сестры продолжали молча работать. Щеки Гудрун зарозовели от подавляемых эмоций. Было неприятно сознавать, что пробудились прежние чувства.

– Может, стоит пойти взглянуть на свадьбу? – произнесла она нарочито небрежным тоном.

– Конечно! – слишком поспешно поддержала ее Урсула. Отбросив рукоделье, она вскочила с места, словно желая от чего-то уйти, и таким образом невольно подчеркнула напряженность ситуации. Гудрун непроизвольно содрогнулась.

Поднимаясь вверх, Урсула остро ощущала удушающую атмосферу родительского дома, она чувствовала отвращение к этому жалкому месту, где ей знаком каждый угол. Сила неприязни к дому, обстановке, ко всей атмосфере и условиям этой допотопной жизни испугала ее. Собственные чувства страшили.

Вскоре обе молодые женщины уже быстро шагали по главной магистрали Бельдовера – широкой улице, где магазины соседствовали с жилыми домами – чудовищными, бесформенными постройками, в которых жили далеко не бедные люди. Гудрун, еще не отошедшую от прежней жизни в Челси и Суссексе, передергивало от этой беспорядочной и уродливой застройки, типичной для шахтерского городка в Центральной Англии. Но она продолжала идти по длинной, унылой и пыльной улице – своеобразной гамме однообразия и ничтожества. Любой, кто хотел, мог пялиться на нее, и это было мучительно. Странно все-таки, что она решила вернуться сюда, испытать на себе сполна воздействие удушающего унылого уродства.

¹ Отступить для прыжка (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

Почему ей захотелось подвергнуть себя такому испытанию? Неужели ей все еще необходимо выносить нестерпимые пытки, общаясь с неприятными пустыми людишками и созерцая эти обезображенные места? Она ощущала себя мушкой, запутавшейся в паутине. Отвращение подступало к горлу.

Свернув с главной улицы, они миновали темный участок общественного огорода, где бесстыдно торчали почерневшие капустные кочерыжки. И никому не было стыдно. Никому не было стыдно за все это.

– Кажется, что мы в преисподней. Шахтеры докопались до нее, и вот она на поверхности. Урсула, это поразительно, действительно поразительно, просто другой мир. Люди здесь – гули, и все вокруг призрачно. Отвратительное, искаженное подобие настоящего мира, все осквернено, все омерзительно. Кажется, что сходишь с ума.

Сестры шли по затоптанной тропе через грязный пустырь. Слева открывался вид на раскинувшуюся вдали долину с шахтами и на холмы за ней, засеянные пшеницей или поросшие лесом, – на расстоянии они смутно темнели, словно под траурной вуалью. Сизый и черный дым столбами уносился ввысь – таинственное зрелище в сумерки. Ближе, по эту сторону долины, тянулись длинные ряды домов, теснясь к извилистому склону. Крыши этих домов, сложенных из темно-красного ломкого кирпича, были покрыты шифером. Тропу, по которой шли сестры, совсем черную, истоптанную шахтерами, проходившими по ней утром и вечером, отделяла от пустыря железная ограда; турникет, через который снова попадаешь на улицу, был до блеска отполирован шахтерскими ладонями. Теперь девушки шли мимо бедных лачуг. Женщины, сложив руки на фартуках из грубой материи, стояли неподалеку от своих жилищ и болтали с соседками; они провожали сестер Брэнгуэн долгими, пристальными взглядами аборигенок, а дети кричали им вслед бранные слова.

Гудрун шла как во сне. Если такое можно назвать жизнью, если эти существа – тоже люди, ведущие полноценное существование, так что же тогда ее собственный мир, такой отличный от этого? Она помнила о своих чулках цвета травы, большой велюровой шляпе того же оттенка, мягком, свободного покроя пиджаке насыщенного синего цвета. Ей казалось, что она ступает по воздуху, – такой неустойчивой она себя чувствовала; сердце ее сжималось от сознания, что она в любой момент может рухнуть на землю. Страх охватил ее.

Она вцепилась в Урсулу, которая долго жила здесь и потому привыкла к этому мрачному, извечно существующему, враждебному миру. Но сердце Гудрун продолжало кричать, как под пыткой: «Хочу назад! Хочу уехать! Не хочу ничего об этом знать! Не хочу знать, что такое существует!» Однако надо было продолжать идти вперед.

Урсула почувствовала ее состояние.

– Тебе все отвратительно? – спросила она.

– Мне не по себе, – заикаясь, произнесла Гудрун.

– Ты здесь надолго не удержишься, – уверенно сказала Урсула.

Гудрун мысленно ухватила за эту перспективу, что несколько облегчило ей путь.

Они миновали шахтерский поселок и, перевалив через холм, вступили в более чистый район, неподалеку от Уилли-Грин. Но даже здесь над полями и лесистыми холмами висело что-то вроде копоты; оно, казалось, присутствует в самом воздухе. Стоял прохладный весенний день с редкими проблесками солнца. По низу живых изгородей и в садиках коттеджей Уилли-Грин распустились желтые цветки чистотела, опушились листвой кусты смородины, на свисающем с каменных стен сероватом бурачке белели крошечные цветочки.

Свернув, сестры пошли по большой дороге, проложенной в низине меж холмов; она вела к церкви. У дальнего изгиба дороги, в тени деревьев, стояла небольшая группа людей, ожидавших начала церемонии бракосочетания. Дочь Томаса Крича, самого крупного шахтовладельца региона, выходила замуж за морского офицера.

– Давай вернемся, – попросила сестру Гудрун, уже поворачивая назад. – Там эти люди.

Она колебалась, не зная, как поступить.

– Не обращай на них внимания, – посоветовала Урсула. – Они безобидные. И меня знают. Не надо их бояться.

– Нам обязательно надо идти мимо них? – спросила Гудрун.

– Говорю тебе, они не опасны, – ответила Урсула, продолжая двигаться вперед.

Сестры вместе приблизились к группе простолюдинов, – те исподлобья глазели на них. В основном там были женщины, жены шахтеров; пришли самые любопытные. У всех настороженные лица людей из низов.

Внутренне напрягшись, сестры решительно зашагали к церкви. Женщины слегка расступились, пропуская их, но сделали это с явной неохотой. Сестры молча прошли под каменными сводами ворот и поднялись по ступеням, покрытым красным ковром. За ними внимательно следил полицейский.

– Почему брала чулочки? – раздался голос за спиной Гудрун. Внезапно острая вспышка гнева пронзила ее, свирепого, убийственного гнева. Ей захотелось уничтожить всех этих людей, смести с лица земли, очистить от них мир. Сознание, что она должна на их глазах идти по красному ковру через церковный двор, было для нее невыносимо.

– Я не хочу в церковь, – заявила Гудрун так решительно, что Урсула немедленно остановилась и свернула на дорожку, которая вела на территорию школы.

Через зияющий проход в кустарнике они выбрались из церковного двора, Урсула присела отдохнуть на низкую каменную ограду в тени лаврового кустарника. За ее спиной мирно возвышалось большое красное здание школы с распахнутыми в честь праздника окнами. А впереди, за кустарником, виднелись светлая крыша и шпиль старой церкви. Густая зелень скрывала сестер от посторонних взглядов.

Гудрун сидела в полном молчании. Губы плотно сжаты, лицо повернуто в сторону. Она горько сожалела о том, что вернулась сюда. Глядя на нее, Урсула подумала, что раскрасневшаяся от негодования сестра стала еще красивее. Однако в ее присутствии Урсула чувствовала себя скованно, сестра ее утомляла. Урсуле хотелось остаться одной, освободиться от того напряжения и чувства несвободы, что возникали у нее в обществе Гудрун.

– Мы что, останемся здесь? – спросила Гудрун.

– Я только хотела немного отдохнуть, – сказала Урсула, вставая. Ее слова прозвучали как оправдание. – Мы можем постоять у площадки для фэйвза² – оттуда все будет видно.

В этот момент солнце ярко осветило церковный двор; в воздухе неуловимо присутствовал запах, сопутствующий весеннему пробуждению природы – возможно, то благоухали фиалки на могилах. Кое-где проклюнулись белые маргаритки – чистенькие, как ангелочки. Кроваво краснели еще не развернувшиеся листья бука.

Ровно к одиннадцати часам стали подъезжать экипажи. Толпа у ворот возбужденно зашевелилась, встречая любопытными взглядами каждую карету и выходящих гостей; они поднимались по ступеням и шли по красной ковровой дорожке в церковь. Солнце ярко светило, все было веселы и приятно возбуждены.

Гудрун внимательно рассматривала гостей – с любопытством, но беспристрастно. Каждого оценивала в целом – как персонажа из книги, или типаж с портрета, или марионетку из кукольного театра – законченные творения. Ей нравилось угадывать характерные черты этих людей, видеть их такими, как они есть, помещать в соответствующее окружение, и, пока они проходили перед ней по дорожке, она успевала сложить о них определенное мнение. Теперь она их знала, они были прочитаны, запечатаны и отштмпелеваны, став для нее совершенно неинтересными. Пока не появились сами Кричи, все было ясно и понятно. Однако с их приездом интерес Гудрун подогрелся. Кричей не так просто раскусить.

² Игра наподобие ручного мяча, для двух или четырех игроков.

Первой приехала мать, миссис Крич, в сопровождении старшего сына Джеральда. Несмотря на очевидные старания придать ее облику в этот торжественный день благообразный вид, выглядела она неопрятно и эксцентрично. Бледное с желтизной лицо, чистая тонкая кожа, заметная сутулость, красивые, запоминающиеся черты лица, взгляд напряженный, невидящий, хищный. Бесцветные волосы не были тщательно убраны, отдельные пряди выбивались из-под синей шелковой шляпы, падая на мешковатый темно-синий шелковый жакет. Она выглядела как женщина, страдающая мономанией, чуть ли не клептоманкой, но с дьявольской гордыней.

С ней был сын, загорелый блондин, выше среднего роста, прекрасно сложенный и подчеркнута хорошо одетый. Некая необычность, сдержанность, окружавшая его особая аура говорили, что он слеплен не из того теста, что все остальные. Гудрун сразу обратила на него внимание. Нечто нордическое в его облике завораживало ее. Чистая кожа северянина, белокурые волосы отливали тем блеском, который, проходя сквозь ледяные кристаллы, рождает солнечный свет. Казалось, его только что создали и грязь жизни еще не коснулась его, он был чист, как арктический снег. На вид ему было лет тридцать, может, больше. Эта сияющая красота, мужественность, делающая его похожим на молодого, добродушного, весело скалящего зубы волка, не могли скрыть от Гудрун характерную, таящую недоброе скованность в осанке – она говорила о необузданном нраве. «Его тотем – волк, – сказала она себе. – А его мать – старая, неприрученная волчица». Эта мысль ее взволновала, она испытала такое чувство, будто сделала важное открытие, которое не смог бы совершить больше никто на земле. Гудрун оказалась вдруг во власти неведомых прежде ощущений, ее сотрясали дикие, яростные эмоции. «Господи! – мысленно воскликнула она. – Что же это такое?» И через мгновение уверенно пообещала себе: «Я узнаю этого мужчину ближе». Ей мучительно захотелось увидеть его снова: надо убедиться, что она не ошиблась, не обманулась и действительно испытала при виде его странные, сильные эмоции и уверенность, что знает сущность этого человека, как бы мгновенно прозрев ее. «Действительно ли я предназначена для него, и действительно ли только нас двоих окутывает бледно-золотистый арктический свет?» – спрашивала себя Гудрун. Ей трудно было в это поверить, и она пребывала в замешательстве, толком не замечая, что происходит на церковном дворе.

Подружки невесты уже приехали, а жениха все не было. Не случилось ли чего, что может помешать церемонии, подумала Урсула. Она так разволновалась, будто это касалось лично ее. Прибыли и главные подружки невесты. Урсула смотрела, как они поднимаются по ступенькам. Она знала одну из них – высокую, величавую, как бы нехотя идущую женщину с копной пышных белокурых волос над бледным удлинённым лицом. Гермiona Роддайс была другом семьи Крич. Сейчас она шла по дорожке с высоко поднятой головой, на которой покачивалась огромная плоская шляпа из бледно-желтого бархата, украшенная настоящими страусиными перьями серого цвета. Гермiona двигалась как бы в забытьи, ее длинное бледное лицо было обращено ввысь, словно она не хотела видеть этот мир. Она считалась очень богатой женщиной. Платье на ней было из тонкого бледно-желтого шелковистого бархата, в руках она держала букет из небольших розовых цикламенов. Туфли и чулки были коричневатого-серого оттенка в тон перьям на шляпе, волосы густые и пышные, а походка, при которой бедра пребывали неподвижными, оставляла странное впечатление, словно женщина двигалась против своей воли. Гермiona производила сильное впечатление своим изысканным туалетом в бледно-желтых и коричневатых-розовых тонах, но в ее облике было нечто мрачное, почти отталкивающее. Простолудинки, потрясенные и раздраженные, молчали, когда она проходила мимо, им хотелось отпустить ей вслед какое-нибудь язвительное словечко, но они словно оцепенели. Устремленное ввысь, удлинённое бледное лицо в духе Россетти наводило на мысль, что она, возможно, находится под воздействием наркотиков и во мраке ее сознания копошатся странные мысли, от которых не уйти.

Урсула, едва знакомая с Гермионой, как зачарованная, смотрела на нее. В центральных графствах та слыла самой необыкновенной женщиной. Ее отец, баронет из Дербишира, был человеком старой закалки – в отличие от нее, современной интеллектуалки с обостренным самосознанием. Гермиона страстно увлекалась реформированием, всей душой была предана общественному делу. Однако она слишком любила мужчин, и ее вполне удовлетворял созданный ими мир.

Ее связывали интеллектуальные и дружеские отношения со многими талантливыми мужчинами. Урсула была знакома только с одним из них – Рупертом Беркином, инспектором школ графства. Гудрун же встречала и других, в Лондоне. Вращаясь с друзьями-художниками в самых разных социальных кругах, Гудрун познакомилась со многими известными людьми. Она дважды встречалась с Гермионой, но они не понравились друг другу. Странно было увидеть ее вновь здесь, в глубинке, где их социальный статус так различался, после того как они общались на равных в домах столичных знакомых. Гудрун пользовалась там большим успехом, среди ее друзей были и аристократы, интересующиеся искусством.

Гермиона знала, что она изысканно одета, знала она и то, что в социальном отношении среди людей, которых она может встретить в Уилли-Грин, никто ее не превзойдет. С ней считались в культурных и интеллектуальных кругах. Она была Kulturträger³, создавала хорошую среду для рождения идей. Гермиона поддерживала все, что было передового в общественной жизни, в умонастроениях. Она всегда выступала в первых рядах. Никто не мог заставить ее замолчать или ее высмеять, потому что она находилась на самой вершине, противники же занимали позицию ниже – по положению, по богатству или по месту в интеллектуальной, прогрессивной среде. Следовательно, она была неуязвима. Всю свою жизнь она стремилась к тому, чтобы стать неуязвимой, недоступной, неуловимой для мирского суда.

И все же душа ее страдала на публике. Даже сейчас, идя по дорожке в церковь и не сомневаясь, что она во всех отношениях выше любой критики, а ее внешний вид безупречен и соответствует лучшим образцам, Гермиона, несмотря на всю свою гордость и показную самоуверенность, мучительно страдала, боясь, что ее могут оскорбить, высмеять или унижить. Она постоянно ощущала себя незащищенной, в ее броне была незаметная для других трещина. Гермиона сама не понимала, в чем тут дело. Похоже, в ней отсутствовало крепкое, здоровое начало, естественная самодостаточность – на этом месте была жуткая пустота, нехватка жизненных сил.

И она хотела, чтобы кто-то заполнил эту пустоту, заполнил навсегда. Она мечтала, чтобы этим человеком стал Руперт Беркин. Когда он был рядом, она ощущала себя полноценной, самодостаточной, цельной, в остальное же время вела существование на песке, у края пропасти, и, несмотря на все ее тщеславие и самоуверенность, любая служанка с сильным характером могла столкнуть ее в эту бездонную пропасть – собственную ущербность – одним лишь намеком на насмешку или презрение. Поэтому несчастная, страдающая женщина пыталась найти защиту в эстетике, культуре, различных мировоззрениях и бескорыстных поступках. Но ужасная пропасть все же продолжала существовать.

Если бы Беркин вступил с ней в тесный и прочный союз, она пребывала бы в безопасности на протяжении всего бурного жизненного плавания. Он сделал бы ее сильной и победоносной, она не уступила бы и ангелам небесным. Если бы только он этого захотел! Ее мучили страх и дурные предчувствия. Она следила за тем, чтобы быть постоянно красивой, такой красивой и надежной, чтобы у него не оставалось никаких сомнений на ее счет. Но чувство ущербности ее не покидало.

Он тоже был не подарок. Отталкивал ее, всегда отталкивал. Чем больше она старалась стать ему ближе, тем яростнее он сопротивлялся. Они не один год были любовниками. Ах, как

³ Носитель культуры (нем.).

утомительны, как болезненны были их отношения, как она от них устала. Однако по-прежнему верила, что ей удастся с ним сладить. Она знала, что он хочет ее бросить. Знала, что он намерен окончательно с ней порвать, стать свободным. И все же продолжала верить в свою способность удержать его, верила в свое высшее знание. Его познания тоже были достаточно высокими – уж она-то могла определить истинную ценность человека. Да, союз с ним был ей необходим.

И этот союз, который для него был не менее важен, чем для нее, Руперт собирался отвергнуть с детским легкомыслием. Как капризный ребенок, он хотел разорвать связывавшие их священные узы.

Руперт не может не присутствовать на свадьбе: ведь он шафер жениха. И сейчас стоит в церкви, дожидаясь начала церемонии. Он знает, что она тоже будет здесь. Перед входом в церковь Гермiona не могла унять дрожь волнения и желания. Он там и, значит, увидит, как прекрасен ее наряд, и поймет, что она постаралась быть такой красивой ради него. Он поймет, не сможет не понять, что она предназначена ему раз и навсегда самим небом. Наконец-то он согласится принять свой высший жребий, на этот раз он ее не оттолкнет.

Дрожа от измучившего ее желания, Гермiona ступила в церковь и незаметно искала Руперта глазами, ее стройное тело сотрясало волнение. Беркину как шаферу следовало стоять ближе к алтарю. Стараясь не выдать себя, Гермiona бросила осторожный взгляд в ту сторону.

Но его там не было. Ужас охватил Гермionу, ей казалось, что она тонет. Надежда ушла, оставив ее опустошенной. Машинально она приблизилась к алтарю. Никогда еще Гермiona не испытывала такую острую боль, такое полное и окончательное поражение. Это было хуже самой смерти, полная пустота, пустыня.

Жених и шафер еще не приехали. В толпе у церкви нарастало смятение. Урсула чувствовала себя чуть ли не виновной во всем. Мысль, что невеста прибедет и не найдет жениха в церкви, была невыносима. Свадьбе ничто не должно помешать – что бы там ни было.

Но вот показалась карета с невестой, украшенная лентами и кокардами. Серые кони резво несли ее к месту назначения – церковным воротам, из кареты несли смех. Задорный, радостный смех. Дверцу кареты распахнули, чтобы выпустить наружу очаровательную виновницу торжества. Недовольный ропот пробежал по толпе.

Первым из кареты – тенью в утреннюю свежесть – вышел отец, высокий, худой, изможденный человек с редкой черной бородкой, в которой поблескивала седина. Он застыл в терпеливом, самозабвенном ожидании у дверцы. В просвете появились нежная зелень и цветы, белоснежные атлас и кружева, и веселый голосок проговорил:

– Как мне отсюда выбраться?

По толпе пробежала волна удовлетворения. Люди теснились, чтобы быть ближе к невесте, жадно вглядывались в склоненную белокурую головку с приколотыми цветочными бутонами и ножку в белой туфельке, ищущую ступеньку. Невесту, как морскую пену прибоем, вынесло к отцу, и вот она уже стояла рядом с ним вся в белом, а ее вуаль колыхалась от смеха.

– Вот и я! – сказала она.

Облокотившись на руку болезненного отца и шурша пеной воздушных кружев, она ступила на все ту же красную ковровую дорожку. Молчаливый отец с нездоровым желтым цветом лица, казавшийся еще более изможденным из-за черной бороды, чопорно, словно был не в духе, поднимался по ступеням, но это никак не отражалось на невесте, чей смех звенел, как нежнейший колокольчик.

А жениха все не было! Урсула не могла этого вынести. С трепещущим от беспокойства сердцем она перевела взгляд на бежавшую вниз по холму дорогу, именно на ней должен был появиться экипаж жениха. И она увидела карету. Та мчалась с бешеной скоростью. Она приближалась. Да, это ехал жених. Урсула повернулась в ту сторону, где находились невеста и толпа зевак, и, видя со своего места всю картину целиком, издала нечленораздельный крик.

Ей хотелось, чтобы все знали: жених уже почти здесь. Но ее возглас был столь же тих, сколь и невразумителен, и Урсула густо покраснела: смущение перевесило желание известить гостей.

А карета, громыхая, неслась вниз, приближаясь с каждым мгновением. В толпе послышались крики. Невеста, как раз достигшая верха лестницы, с веселым видом обернулась, желая знать причину шума. Она увидела движение среди собравшихся, подъехавший экипаж и жениха, который, выпрыгнув из кареты, обогнул лошадей и пробивался сквозь толпу.

– Сюда! Сюда! – крикнула она лукаво и весело. Залитая солнечным светом, она стояла на дорожке и махала букетом. Он же протискивался со шляпой в руке сквозь толпу и не слышал ее. – Сюда! – вновь выкрикнула она, глядя на жениха сверху вниз. В это время молодой человек случайно поднял глаза и увидел невесту и ее отца, стоявших наверху. Тень удивления пробежала по его лицу. Он колебался лишь мгновение, тут же приготовившись к рывку, чтобы нагнать девушку.

– А-а! – издала она необычный пронзительный крик и, повинувшись инстинкту, вдруг повернулась и бросилась изо всех сил бежать к церкви – только мелькали белые туфельки и развевалось платье. Подобно охотничьей собаке, молодой человек припустился за невестой; перепрыгивая сразу несколько ступенек, он пронесся мимо ее отца, сильные гибкие бедра работали четко, как у преследующей добычу гончей.

– Давай, лови ее! – кричали из толпы простолюдинки, охваченные охотничьим азартом.

А невеста, на которой живой пеной колыхались цветы, замерла на мгновение перед тем, как свернуть за угол церкви. Оглянувшись, она с громким смехом, в котором звучал вызов, удержала равновесие и, резко изменив направление, скрылась за серой каменной опорой. Через секунду жених, пригнувшись в стремительном беге, ухватился за каменный угол и мигом перенесся на другую его сторону – только мелькнули и скрылись гибкие сильные бедра.

Толпа у ворот взорвалась восторженными криками одобрения. Внимание Урсулы вновь привлекла мрачная, сутулая фигура мистера Крича – он по-прежнему стоял на ковровой дорожке, созерцая с бесстрастным лицом этот бег к церкви. Когда все закончилось, он огляделся и увидел позади себя Руперта Беркина, который тут же сделал несколько шагов вперед и встал рядом.

– Похоже, мы замыкаем шествие, – заметил Беркин с легкой улыбкой.

– Увы! – только и отозвался отец. И мужчины двинулись вперед по дорожке.

Беркин был такой же худощавый, как и мистер Крич, – бледный, болезненного вида, однако, несмотря на худобу, превосходно сложен. Он слегка приволакивал одну ногу, что происходило исключительно из-за застенчивости. Хотя одет он был в соответствии с торжественным событием, в его облике присутствовало нечто, не сочетаемое с парадной одеждой, что придавало ему несколько смешной вид. Его глубокая, оригинальная натура не подходила для стандартных ситуаций. Однако он приспособливался к общепринятым нормам, переделывал себя.

Притворяясь обычным, заурядным человеком, он изображал это настолько искусно, поддельваясь под окружение и быстро приспособливаясь к собеседнику и его проблемам, что нисколько не выбивался из нормы, обретал расположение окружающих и не давал повода упрекать себя в неискренности.

Сейчас Беркин мягко и доброжелательно беседовал с мистером Кричем, шагая рядом с ним по дорожке; подобно канатоходцу, он тоже умел балансировать в разных ситуациях на натянутом канате, притворяясь, что отлично там себя чувствует.

– Сожалею, что мы так задержались, – говорил он. – Никак не могли отыскать крючок для застегивания пуговиц, пришлось самим застегивать туфли. А вот вы приехали вовремя.

– Как всегда, – отозвался мистер Крич.

– А я постоянно опаздываю, – сказал Беркин. – Но сегодня я был пунктуален как никогда, просто подвели обстоятельства. Мне очень жаль.

Мужчины тоже скрылись за углом – смотреть теперь было не на что. Урсула продолжала думать о Беркине. Он возбуждал ее любопытство, привлекал и одновременно раздражал.

Ей хотелось узнать его лучше. Раз или два она разговаривала с ним, но только в официальной обстановке, как с инспектором. Ей показалось, что он заметил некоторое родство между ними, – возникло естественное понимание, ощущаемое сразу же, когда люди говорят на одном языке. Но они провели вместе слишком мало времени, чтобы это взаимопонимание углубилось. К тому же ее не только влекло к нему – что-то и отталкивало. Она ощущала в мужчине скрытую враждебность, догадываясь о существовании некоего тайного уголка души, холодного и недоступного.

И все же ей хотелось его узнать.

– Что ты думаешь о Руперте Беркине? – спросила она Гудрун несколько неуверенным тоном. Ей претило его обсуждать.

– Что я думаю о Руперте Беркине? – повторила Гудрун. – Я нахожу его привлекательным, весьма привлекательным. Но я не выношу его манеру общения: с каждой маленькой дурочкой он говорит так, словно она ему безумно интересна. Чувствуешь себя просто обманутой.

– А почему он так делает? – спросила Урсула.

– У него отсутствует подлинное критическое чутье по отношению к людям и к ситуациям, – ответила Гудрун. – Говорю тебе, к любой дурочке он будет относиться так же, как к тебе или ко мне, а это оскорбительно.

– Да уж, – согласилась Урсула. – Надо уметь различать.

– Вот именно – надо уметь различать, – повторила Гудрун. – Но во всех прочих отношениях он отличный человек, яркая личность. Однако доверять ему нельзя.

– Да, – рассеянно согласилась Урсула. Ей всегда приходилось соглашаться с мнением Гудрун, даже если внутренне она его не разделяла.

Сестры молча сидели, дожидаясь, когда венчание закончится и молодожены и гости выйдут из церкви. Гудрун не стремилась говорить. Ей хотелось думать о Джеральде Криче. Хотелось знать, удержится ли надолго то яркое чувство, какое она испытала при виде его. Хотелось целиком сосредоточиться на этом.

А в церкви свадьба шла полным ходом. Гермиона Роддайс думала только о Беркине. Он стоял неподалеку. Ее тянуло к нему как магнитом. Ей хотелось все время касаться его. Иначе у нее пропадала уверенность в том, что он рядом. Но все же она покорно простояла одна всю церемонию венчания.

Пока он не приехал, она страдала так сильно, что до сих пор не пришла в себя. Что-то вроде невралгической боли продолжало терзать Гермиону, теперь ее мучила возможная потеря Беркина. Она дожидалась его приезда, находясь в состоянии легкого помешательства из-за непрекращающейся нервной пытки. Сейчас же она тихо стояла с выражением восторга на лице, казавшемся в этот момент ликом ангела, – духовность взгляда проистекала из страдания, и в нем было столько боли, что сердце Руперта разрывалось от жалости. Он видел ее склоненную голову, ее восторженное лицо, в экстатическом выражении которого было нечто демоническое. Почувствовав, что Руперт смотрит на нее, Гермиона подняла голову и устремила на мужчину горящий взгляд прекрасных серых глаз. Но он отвел свой взгляд, и тогда Гермиона опустила голову со стыдом и мукой, в ее сердце возобновились прежние терзания. Руперта тоже мучил стыд, смешанный с неприязнью, а также с острой жалостью: ведь он не хотел встречаться с Гермионой глазами, не хотел получать от нее никаких особых знаков внимания.

Невесту и жениха обвенчали, и все собравшиеся направились к выходу. В толчее Гермиона прижалась к Беркину. И он терпеливо это перенес.

До Гудрун и Урсулы доносились звуки органа, на котором играл их отец. Он обожал исполнять свадебные марши. Но вот появились молодожены. Звонили колокола, от чего дрожал воздух. Интересно, подумала Урсула, чувствуют ли деревья и цветы вибрацию и что они

думают об этом странном сотрясении воздуха? Невеста со скромным видом опиралась на руку жениха, а тот, глядя прямо перед собой, бессознательно хлопал глазами, как бы не понимая, где находится. Он являл собой довольно комичное зрелище, моргал и всячески пытался соответствовать нужному образу, хотя ему было тяжело позировать перед толпой. Выглядел он как типичный морской офицер, мужественно выполняющий свой долг.

Беркин шел с Гермионой. Сейчас, когда она опиралась на его руку, у нее был восторженный, победоносный взгляд прощенного падшего ангела, хотя легкий намек на демонизм все же сохранялся. Лицо самого Беркина ничего не выражало; Гермиона завладела им, и он воспринимал это смиренно, как неизбежность.

Появился и Джеральд Крич, белокурый, красивый, пышущий здоровьем и неукротимой энергией, – в стройной фигуре ни единого изъяна, в приветливом, почти счастливом выражении лица изредка проскальзывало непонятное лукавство. Гудрун резко поднялась со своего места и пошла прочь. Она не могла больше этого выносить. Ей хотелось побыть одной, чтобы понять суть странной внезапной прививки, изменившей весь состав ее крови.

Глава вторая. Шортлендз

Брэнгуэны вернулись домой в Бельдовер, а тем временем в Шортлендзе, доме Кричей, собрались на свадебный прием гости. Дом был старинный – низкий и длинный, типичная барская усадьба, он тянулся вдоль верхней части склона, как раз за небольшим озерком Уилли-Уотер. Окна дома выходили на идущий под откос луг, который из-за растущих тут и там одиноких больших деревьев можно было принять за парк, на водную гладь озера и на поросшую лесом вершину холма, за которым находились угольные разработки. К счастью, сами шахты были не видны, об их существовании говорил лишь вьющийся над холмом дымок. Пейзаж был сельский – живописный и мирный, да и сам дом таил своеобразное очарование.

Сейчас он был весь заполнен родственниками и гостями. Почувствовавший себя неважно отец прилегал отдохнуть. За хозяина остался Джеральд. Стоя в уютном холле, он легко и непринужденно общался с мужчинами. Похоже, ему нравилась его роль, он улыбался, излучая радушие.

Женщины слонялись по холлу, наталкиваясь то тут, то там на трех замужних дочерей семейства. Их характерные властные интонации слышались повсюду: «Хелен, подойди сюда на минутку», «Марджори, ты мне здесь нужна», «Послушайте, миссис Уитем...» Громко шуршали юбки, мелькали силуэты нарядных женщин, какой-то ребенок проскакал на одной ноге туда и обратно через холл, торопливо сновала прислуга.

Тем временем мужчины, разбившись на группки, болтали и курили, делая вид, что не замечают оживленной суеты женщин. Но из-за женской болтовни, перемежающейся возбужденным деланным смехом, разговор у них не клеился. Они напряженно выжидали и уже начинали скучать. Один Джеральд продолжал пребывать в счастливом и добродушном расположении духа, не замечая быстро текущего времени и праздного ожидания: ведь он был хозяином положения.

Неожиданно в холл бесшумно вошла миссис Крич и окинула всех внимательным властным взглядом. Она еще не сняла шляпку и продолжала оставаться в мешковатом синем шелковом жакете.

– Что случилось, мама? – спросил Джеральд.

– Ничего, совершенно ничего, – рассеянно ответила она, направившись напрямиком к Беркину, который в тот момент разговаривал с одним из зятьев Кричей.

– Здравствуйте, мистер Беркин, – приветствовала она его своим низким голосом и, не обращая никакого внимания на остальных гостей, протянула ему руку.

– Миссис Крич, – произнес Беркин мгновенно изменившимся голосом. – У меня не было возможности подойти к вам раньше.

– Я не знаю здесь половины гостей, – продолжала она низким голосом. Ее зять неловко отошел в сторону.

– Вам неприятны незнакомцы? – рассмеялся Беркин. – Я и сам никогда не мог понять, почему нужно развлекать людей по той лишь причине, что они оказались в одной комнате с тобой, почему вообще нужно замечать их.

– Да, именно так, – поддержала его миссис Крич. – И все же от них никуда не деться. Я многих здесь не знаю. Дети представляют их мне: «Мама, это мистер такой-то». И это все. Что стоит за названным именем? И какое мне дело до этого человека и его имени?

Миссис Крич подняла глаза на Беркина. Женщина пугала его, но в то же время ему льстило, что она, почти не замечая других, сразу подошла к нему. Он глядел на ее напряженное, с крупными чертами, умное лицо, но избегал встречаться с серьезным взглядом голубых глаз. Зато обратил внимание на развившиеся и слипшиеся локоны, прикрывавшие изящные, но не вполне чистые уши. Ее шея также не блистала чистотой. Но даже несмотря на это, он

ощущал родство с ней – она была ему ближе всех остальных гостей. А ведь он-то, подумал Беркин, моется тщательно – во всяком случае, и шея, и уши у него всегда чистые.

Он слегка улыбнулся своим мыслям. Однако оставался настороже, чувствуя, что он и пожилая, отчужденная от всех женщина ведут себя как заговорщики, как пятая колонна во вражеском стане. Этим он напоминал оленя, который одним ухом прислушивается, нет ли погони, а другим – что его ждет впереди.

– Вообще-то люди ничего особенного собой не представляют, – сказал Беркин, не желая затягивать разговор.

Миссис Крич бросила на него быстрый вопрошающий взгляд, как бы сомневаясь в искренности его слов.

– Что значит – не представляют? – резко спросила она.

– Мало кто из них – личности, – ответил Беркин, углубляясь против воли в проблему. – Они только и умеют молоть языком и хихикать. Без таких было бы куда лучше. Можно сказать, что они вообще не существуют, их здесь нет.

Пока он говорил, миссис Крич не спускала с него глаз.

– Но не мы же их выдумываем, – решительно возразила она.

– Их невозможно выдумать: они не существуют.

– Ну, я бы так категорично не утверждала, – сказала миссис Крич. – Как бы то ни было, они здесь. Не мне решать, есть они или их нет на самом деле. Я знаю только то, что не собираюсь считаться с ними. Нельзя требовать от меня, чтобы я знала их только потому, что они случайно оказались в моем доме. Что до меня, то пусть бы их вообще здесь не было.

– Вот именно, – поддержал ее Беркин.

– Вы согласны? – спросила она.

– Конечно, – опять согласился он.

– И все же они здесь – вот ведь какая неприятность, – продолжала миссис Крич. – Здесь мои зятя, – развивала она свой монолог. – Теперь вышла замуж и Лора, прибавился еще один. А я никак не могу отличить одного от другого. Они подходят ко мне, называют мамой. Я заранее знаю, что они скажут: «Как чувствуете себя, мама?» Мне следовало бы ответить: «Какая я вам мама?» Но что толку? От них никуда не денешься. У меня есть свои дети, и я могу отличить их от детей других женщин.

– Иного и ожидать нельзя, – сказал Беркин.

Миссис Крич удивленно подняла глаза, возможно, забыв о его существовании. И потеряла нить разговора.

Она рассеянно озиралась. Беркин не знал, кого она ищет и о чем думает. Очевидно, увидела сыновей.

– Мои дети все здесь? – внезапно спросила она. Пораженный и почти испуганный неожиданностью вопроса, Беркин рассмеялся.

– За исключением Джеральда, я их едва знаю, – ответил он.

– Джеральд! – воскликнула она. – Он самый уязвимый. Глядя на него, этого не скажешь, правда?

– Пожалуй, – согласился Беркин.

Мать устремила взгляд на старшего сына и некоторое время неотрывно смотрела на него.

– Ох, – издала она непонятный односложный возглас, прозвучавший достаточно цинично, отчего Беркин почувствовал безотчетный страх. Миссис Крич пошла прочь, забыв о нем, но тут же вернулась.

– Хотелось бы, чтобы у него был друг, – сказала она. – У него никогда не было друга.

Беркин взглянул в ее голубые, серьезно смотрящие на него глаза. Смысл этого взгляда он постичь не мог. «Разве я сторож брату моему?»⁴ – почти легкомысленно подумал он.

И тут же вспомнил, пережив некоторый шок, что слова эти принадлежат Каину. Если кто и был Каином, то как раз Джеральд. Но и его трудно назвать Каином, хотя он и убил своего брата. Существует такое понятие, как несчастный случай, и тут нельзя делать никаких далеко идущих выводов, пусть даже один брат убил другого. В детстве Джеральд случайно убил брата. И что? Зачем искать клеймо проклятия на том, кто стал виновником несчастного случая? Рождение и смерть человека случайны. Разве не так? Значит, каждая человеческая жизнь зависит от простого случая, и только расы, роды, виды стабильны и универсальны. Или все не так и случайности нет? И все имеет свою причину? Задумавшись, Беркин забыл о стоявшей рядом миссис Крич, как и она забыла о нем.

Нет, в случай он не верил. В каком-то глубинном смысле все связано между собой.

Как раз когда он наконец пришел к такому выводу, к ним подошла одна из дочерей семейства со словами:

– Мамочка, дорогая, пойди и сними шляпку. Через минуту все садятся за стол. Не забывай, у нас парадный обед. – Взяв мать под руку, она увела ее с собой. Беркин тут же вступил в разговор с женщиной, стоявшим ближе других.

Прозвучал гонг на обед. Мужчины подняли головы, но не двинулись с места. Женщины тоже, казалось, не считали, что звук гонга относится к ним. Прошло пять минут. В дверях появился старый слуга Краузер, его лицо выражало растерянность. Он с мольбой посмотрел на Джеральда. Тот снял с полки крупную витую раковину и, не обращая внимания на присутствующих, подул в нее, издав оглушительный звук – необычный, возбуждающий, от него у всех сильнее забило сердце. Этот зов был почти магическим. Все тут же сбежались как по сигналу и дружно направились в столовую.

Джеральд какое-то время выжидал, предоставляя сестре право выступить в роли хозяйки. Он знал, что мать всегда с пренебрежением относится к своим обязанностям. Но сестра просто направилась к своему месту. Тогда он сам в несколько властной манере стал руководить рассаживанием гостей.

Наступило временное затишье: внимание гостей переключилось на *hors d'oeuvres*⁵, которые стали разносить. В тишине отчетливо прозвучал спокойный, рассудительный голосок девочки лет тринадцати-четырнадцати с длинными распущенными волосами:

– Джеральд, ты не подумал об отце, когда издавал этот немислимый рев.

– Разве? – отозвался Джеральд. И, обращаясь к гостям, пояснил: – Отец лег, он неважно себя чувствует.

– Как он сейчас? – спросила одна из замужних дочерей, выглядывая из-за огромного свадебного торта, высившегося посередине стола в блеске искусственных цветов.

– У него ничего не болит, но он чувствует себя усталым, – ответила Уинифред, девочка с длинными волосами.

Разлили вино, голоса зазвучали громче и непринужденнее. В дальнем конце стола сидела мать, ее локоны совсем развилась. Соседом матери был Беркин. Время от времени она свирепо оглядывала лица гостей, подавалась вперед и бесцеремонно их рассматривала. Иногда она спрашивала Беркина низким голосом:

– Кто этот молодой человек?

– Не знаю, – осторожно отвечал Беркин.

– Я видела его раньше?

⁴ Бытие. 4:9.

⁵ Закуски (*фр.*).

– Не думаю. Я лично не видел.

Такой ответ удовлетворял миссис Крич. Глаза ее устало смыкались, умиротворение разливалось по лицу, делая ее похожей на задремавшую королеву. Но она тут же вздрагивала, на лице возникала светская улыбка, и тогда на краткий миг она превращалась в гостеприимную хозяйку – любезно склонялась к гостям, всем своим видом показывая, как она им рада. Но это длилось недолго; почти сразу же по ее лицу вновь пробегала тень, взгляд обретал угрюмое, хищное выражение; она начинала взирать на всех исподлобья и даже с ненавистью, как затравленный зверь.

– Мама, – обратилась к ней Дайана, красивая девочка, чуть старше Уинифред. – Можно мне вина?

– Да, можно, – разрешила мать автоматически, не вдумываясь в суть просьбы.

И Дайана, подозвав к себе жестом слугу, попросила наполнить бокал.

– Джеральд не может мне запретить, – невозмутимо произнесла девочка, обращаясь ко всей компании.

– Все хорошо, Ди, – дружелюбно отозвался брат. Дайана глотнула из бокала, глядя на него с вызовом.

В доме царила атмосфера непривычной раскованности, граничащей чуть ли не с анархией. Это больше напоминало сознательный вызов авторитетам, чем подлинную свободу. К Джеральду, правда, прислушивались, но не потому, что он занимал определенное положение, а благодаря силе личности. В его мягком голосе присутствовала властная нотка – она заставляла повиноваться остальную молодежь.

Гермиона затеяла спор с новоиспеченным мужем по национальному вопросу.

– Я не согласна, – говорила она. – Мне кажется ошибкой, когда призывают к патриотическим чувствам. Это похоже на конкуренцию между фирмами.

– Как можно такое говорить? – воскликнул Джеральд, страстный спорщик. – Думаю, негоже сравнивать народы с доходными предприятиями, а ведь нацию можно в какой-то степени приравнять к народу. Мне кажется, это обычно и подразумевается.

Возникла небольшая пауза. Джеральд и Гермиона недолюбливали друг друга, но внешне держались подчеркнуто любезно.

– Ты полагаешь, что народ и нация – одно и то же? – проговорила Гермиона задумчиво и нерешительно.

Беркин понимал: она ждет, чтобы он вступил в спор. И покорно заговорил:

– Думаю, Джеральд прав: в основе любого народа лежит определенная нация – по крайней мере в Европе.

Гермиона опять выдержала паузу, как бы давая этому заявлению устояться. Затем заговорила с подчеркнутой уверенностью в своей правоте:

– Пусть так, но разве патриотизм призывает к национальному инстинкту? А не к собственническому, не к торгашескому? И разве не его имеют в виду, когда говорят о нации?

– Возможно, – сказал Беркин, понимая, что этот спор не к месту и не ко времени.

Однако Джеральд уже завелся.

– У народа может быть свой коммерческий интерес, – заметил он. – Без него нельзя. Народ – своего рода семья. А любая семья должна обеспечить свое будущее. И чтобы обеспечить его, приходится вступать в конкурентные отношения с другими семьями, то бишь нациями. Не вижу причины, почему нельзя этого делать.

И опять Гермиона некоторое время молчала с холодным, не допускающим возражений видом, а потом сказала:

– Мне кажется, пробуждать дух соперничества всегда плохо. Подобные действия ведут к вражде. А враждебные чувства имеют тенденцию нарастать.

– Однако нельзя ведь совсем уничтожить дух соревнования? – не сдавался Джеральд. – Это один из необходимых стимулов развития производства и улучшения жизни.

– Не согласна, – послышался неторопливый голос Гермiony. – Думаю, без него можно обойтись.

– Должен признаться, – вмешался Беркин, – что мне ненавистен дух соревнования. – Гермiony надкусывала хлеб, медленно отводя оставшийся кусок ото рта несколько нелепым движением. Она повернулась к Беркину.

– Да, он тебе ненавистен, – удовлетворенно подтвердила она.

– Он мне претит, – повторил он.

– Да, – прошептала она, успокоенная и довольная.

– Однако, – настаивал Джеральд, – никто не позволит вам отнять средства к существованию у вашего соседа, почему же позволительно одной нации лишить этих средств другую?

Со стороны Гермiony послышалось невнятно выраженное недовольство, оформившееся затем в слова, произнесенные ею с нарочитым безразличием:

– Речь не всегда идет только о собственности, не так ли? Не все ведь упирается в вещи? Джеральда уязвил намек на якобы продемонстрированный им вульгарный материализм.

– И да, и нет, – ответил он. – Если я пойду и сорву шляпу с головы некоего человека, шляпа автоматически станет символом его свободы. И если он начнет бороться за свою шляпу, это будет борьба за свободу.

Гермiony почувствовала себя загнанной в угол.

– Хорошо, – раздраженно проговорила она. – Однако приводить в споре фантастические примеры не совсем корректно. Зачем какому-то человеку подходить и срывать шляпу с моей головы? Он не станет этого делать.

– Только потому, что такой поступок противозаконен, – заявил Джеральд.

– Не только, – поправил его Беркин. – Десятою девяти мужчинам из ста не нужна моя шляпа.

– Это спорный вопрос, – возразил Джеральд.

– Все зависит от того, какова шляпа, – засмеялся новобрачный.

– А если данному человеку все же нужна та шляпа, что находится на мне, – сказал Беркин, – то мне придется решать самому, что является для меня большей потерей – шляпа или моя позиция независимого и стоящего над схваткой человека. Если я вступлю в борьбу, то утрачу последнее. Для меня важно, что выбрать – свободное волеизъявление или шляпу.

– Правильно, – сказала Гермiony, глядя на Беркина странным взглядом. – Правильно.

– А вы бы позволили сорвать с вашей головы шляпку? – задала новобрачная вопрос Гермiony.

Сидящая безукоризненно прямо женщина медленно, словно под влиянием наркотиков, повернулась к новой собеседнице.

– Нет, – ответила она жестко своим низким голосом, в нем послышался тихий смешок. – Я никогда не допустила бы, чтоб с моей головы сорвали шляпку.

– А что бы ты сделала? – спросил Джеральд.

– Не знаю, – сказала Гермiony. – Может быть, убила. – Опять раздался этот странный смешок, зловещий и характерный для ее манеры общения.

– Разумеется, я понимаю точку зрения Руперта, который хочет разобраться, что ему дороже – шляпа или спокойствие духа, – сказал Джеральд.

– Спокойствие тела, – уточнил Беркин.

– Хорошо, пусть так, – сказал Джеральд. – Но что бы ты выбрал, доведись тебе решать этот вопрос за всю нацию?

– Не приведи Господи, – рассмеялся Беркин.

– Однако допустим, что такое случилось, – настаивал Джеральд.

– Не вижу разницы. Если вместо короны у нации старая шляпа, пусть вор возьмет ее себе.
– А разве народ или нацию может венчать старая шляпа? – не унимался Джеральд.
– Думаю, очень даже может, – сказал Беркин.
– А вот я не уверен, – не согласился Джеральд.
– Я не согласна, Руперт, – вмешалась Гермиона.
– Что делать! – отозвался Беркин.
– А мне по душе старый национальный головной убор, – рассмеялся Джеральд.
– Но ты в нем выглядишь как чучело, – дерзко выкрикнула Дайана, сестра-подросток.
– Вы совсем заморочили нам головы этими старыми шляпами, – воскликнула Лора Крич. – Умолкни, Джеральд! Мы ждем тоста. Давайте выпьем. Наполните бокалы – и вперед! Речь! Речь!

Задумавшись о гибели нации или народа, Беркин машинально следил, как наполняют его бокал шампанским. Оно пузырилось у края бокала; когда лакей отошел, Беркин, неожиданно почувствовав при виде охлажденного вина сильнейшую жажду, залпом выпил шампанское. В комнате воцарилось напряженное молчание. Беркину стало мучительно стыдно.

«Случайно или намеренно сделал я это?» – задал он себе вопрос. И решил, что точнее всего будет сказать, что сделал он это «намеренно случайно» – есть такое вульгарное определение. Он оглянулся на приглашенного со стороны лакея. Тот подошел, и в том, как он ступал, ощущалось холодное неодобрение. Беркин подумал, что терпеть не может тосты, лакеев, торжественные приемы и весь род человеческий в большинстве его проявлений. Затем поднялся, чтобы провозгласить тост. Но чувствовал себя при этом отвратительно.

Наконец обед подошел к концу. Кое-кто из мужчин вышел в сад. Там была полянка с цветочными клумбами, за железной оградой простирался небольшой лужок или парк. Вид был чудесный, дорога шла, извиваясь, по краю неглубокого озера и терялась в деревьях. Сквозь прозрачный весенний воздух мерцала вода, деревья на противоположном берегу розовели, пробуждаясь к новой жизни. Коровы джерсейской породы, очаровательные, словно сошедшие с картинки, прижимались к забору бархатными мордами и, жарко дыша, смотрели на людей, возможно, ожидая хлебной корки.

Прислонившись к ограде, Беркин почувствовал на руке влажное и горячее дыхание животного.

– Великолепная порода, очень красивая, – заметил Маршалл, один из зятьев. – Такого молока больше никто не дает.

– Вы правы, – согласился Беркин.

– Ах ты, моя красавица, моя красавица, – вдруг пропищал Маршалл высоким фальцетом, отчего Беркин почувствовал отчаянное желание расхохотаться.

– Кто выиграл гонку, Лаптон? – обратился он к новобрачному, чтобы скрыть приступ подступающего смеха.

Новобрачный вынул изо рта сигару.

– Гонку? – переспросил он, и легкая улыбка пробежала по его лицу. Ему явно не хотелось говорить о беге наперегонки к церкви. – Мы прибежали одновременно. Она первой коснулась двери, но я успел схватить ее за плечо.

– О чем это вы? – заинтересовался Джеральд. Беркин посвятил его в то, что жених и невеста затеяли беготню перед венчанием.

– Гм, – неодобрительно хмыкнул Джеральд. – А что заставило вас опоздать?

– Лаптон затеял разговор о бессмертии души, – ответил Беркин, – а потом не мог отыскать крючок для застегивания пуговиц.

– Ну и ну! – вскричал Маршалл. – Думать о бессмертии души в день собственной свадьбы! Неужели не нашлось другой темы?

– А что в этом плохого? – спросил новобрачный, его чисто выбритое лицо морского офицера залилось краской.

– Можно подумать, что ты отправлялся на казнь, а не на венчание. Бессмертие души! – повторил Маршалл с издевательской интонацией.

Но его реплика успеха не имела.

– И что ты на этот счет решил? – поинтересовался Джеральд, сразу же наостривший уши, услышав, что речь зашла о метафизическом споре.

– Сегодня душа тебе не потребуется, дорогой, – сказал Маршалл. – Только помешает.

– Господи! Маршалл, пошел бы ты и поговорил с кем-нибудь еще, – воскликнул, не выдержав, Джеральд.

– Да с радостью! – рассердился Маршалл. – Здесь слишком много болтают о душе, черт подери...

И он удалился разгневанный. Джеральд проводил его злым взглядом, который становился по мере удаления плотной фигуры зятя все спокойнее и дружелюбнее.

– Хочу тебе вот что сказать, Лаптон, – произнес Джеральд, резко поворачиваясь к молодожену. – В отличие от Лотти Лора не привела в семью болвана.

– Утешайся этим, – рассмеялся Беркин.

– Я не обращаю на таких внимания. – Новобрачный тоже засмеялся.

– Но расскажите об этом состязании. Кто его начал? – спросил Джеральд.

– Мы опаздывали. Лора уже поднялась по лестнице на церковный двор, когда подъехала наша коляска. Она увидела Лаптона, и тот стрелой понесся к ней. И тут она побежала. Не понимаю, почему ты так рассердился. Это что, унижает твою фамильную честь?

– Можно сказать и так, – ответил Джеральд. – Если ты за что-то берешься, делай это как следует или не делай вообще.

– Хороший афоризм, – отозвался Беркин.

– Ты со мной не согласен? – спросил Джеральд.

– Отчего же. Но меня утомляет, когда ты начинаешь говорить афоризмами.

– Пошел к черту, Руперт. Не только тебе сыпать ими.

– Вот уж нет. Я пытаюсь избавиться от них, ты же их вечно извлекаешь на свет божий.

Джеральд мрачно усмехнулся его шутке. Затем сделал неуловимое движение бровями, как бы освобождаясь от неприятных мыслей.

– Так ты не веришь в необходимость соблюдать определенные нормы поведения? – строго потребовал он ответа.

– Нормы? Вот уж нет. Ненавижу нормы. Впрочем, для черни они необходимы. Но если ты что-то собой представляешь, слушай только себя и делай то, что нравится.

– Что ты подразумеваешь под «слушай себя»? – спросил Джеральд. – Это из разряда афоризмов или клише?

– Поступай так, как хочется. Порыв Лоры, побежавшей от Лаптона к церковным дверям, кажется мне великолепным. В каком-то смысле это почти шедевр стиля. Действовать спонтанно, повинаясь инстинкту, – одна из труднейших вещей на свете и единственная по-настоящему аристократическая.

– Надеюсь, ты не ждешь, что я отнесусь серьезно к твоим словам? – сказал Джеральд.

– Как раз жду, Джеральд. А я мало от кого этого жду.

– Тогда, боюсь, я тебя разочарую. Ведь, по-твоему, люди должны делать лишь то, что им нравится.

– Именно это они и делают. Но мне бы хотелось, чтоб они полюбили в себе личность – то, что делает их уникальными, отличными от других. Они же предпочитают подстраиваться под остальных.

– Что касается меня, – решительно произнес Джеральд, – то я бы не хотел жить среди людей, действующих спонтанно и повинующихся импульсу, как ты это называешь. В таком мире все тут же перережут друг другу глотки.

– Из твоих слов можно заключить, что тебе самому хочется перерезать другим глотки.

– Из чего это следует? – сердито спросил Джеральд.

– Никто не станет резать другому горло, если тот сам этого не хочет: если жертва не хочет быть зарезанной, ее не зарежут. Это истина. Чтобы свершилось убийство, нужны двое: убийца и жертва. Жертва – человек, которого можно убить, в глубине души он страстно желает быть убитым.

– Иногда ты несешь дикую чушь, – сказал Джеральд. – Никто не мечтает о том, чтобы ему перерезали горло, хотя многие с удовольствием оказали бы нам подобную услугу.

– Опасная точка зрения, – заметил Беркин. – Неудивительно, что ты боишься самого себя и что ты несчастлив.

– Почему это я боюсь себя? – возмутился Джеральд. – И несчастливым себя тоже не считаю.

– Похоже, у тебя есть потаенное желание быть зарезанным – вот тебе и кажется, что все точат на тебя кинжалы.

– Откуда ты это взял? – изумился Джеральд.

– Да все от тебя, – ответил Беркин.

Мужчины замолчали, между ними возникла странная враждебность, очень близкая к любви. Так случалось всегда, завязавшийся разговор постоянно подводил их к опасной черте, необъяснимой, рискованной близости, которая могла обернуться ненавистью, любовью или и тем и другим. Расставались они с напускной беспечностью, словно расставание было чем-то незначительным. И действительно считали его таковым. Однако сердце каждого после этих встреч оставалось обожженным. Невидимый огонь сжигал их. Но они никогда не признались бы в этом, желая сохранить легкие приятельские отношения – и не больше. Никаких пылких чувств – это было бы не мужественно и неестественно, считали они, совсем не веря в возможность глубоких отношений между мужчинами, и это неверие мешало развитию сильного, но постоянно подавляемого дружеского порыва.

Глава третья. Классная комната

Школьный день близился к концу. Шел последний урок, в классе была спокойная, ровная атмосфера. Проходили основы ботаники. Парты были завалены сережками орешника и ивы, ученики старательно их рисовали. Но солнце клонилось к закату, рисовать становилось все труднее. Урсула, стоя перед классом, старалась вопросами подвести детей к пониманию структуры и значения соцветия сережек.

Солнечный луч проник в выходящее на запад окно, щедро залил красноватым медным светом класс, обвел золотыми ободками детские головки, ярко осветил стену напротив. Но Урсула этого почти не заметила. Она была занята, день заканчивался, работа нарастала, как мерный прилив, чтобы, достигнув пика, отступить.

Этот день ничем не отличался от остальных, деятельность Урсулы больше всего напомнила состояние транса. Под конец, когда она торопилась закрепить пройденный материал, всегда начиналась некоторая спешка. Она засыпала учеников вопросами, желая увериться в том, что они усвоят необходимые знания к моменту, когда прозвонит звонок. Урсула стояла в тени перед классом, держа в руках соцветия, и, увлеченная объяснением, склонялась к ученикам.

Она слышала скрип двери, но не обратила на это внимания и потому вздрогнула, увидев рядом с собой в ярко-красных лучах лицо мужчины. Мужчина ждал, когда она обратит на него внимание, его лицо пылало огнем. Урсула ужасно перепугалась. Ей показалось, что она сейчас потеряет сознание. Все подавляемые подсознательные страхи вырвались на волю.

– Я напугал вас? – спросил Беркин, пожимая ей руку. – Я думал, вы слышали, когда я вошел.

– Нет, не слышала, – пролепетала Урсула, еле найдя в себе силы заговорить. Рассмеявшись, Беркин попросил извинения. Урсула не поняла, что его рассмешило.

– Здесь довольно темно, – сказал Беркин. – Не зажечь ли нам свет?

Сделав несколько шагов в сторону, он повернул выключатель. Лампа ярко вспыхнула, осветив и изменив класс: пропала та волшебная магия, которая присутствовала до прихода Беркина. Повернувшись, он с любопытством взглянул на Урсулу. Ее глаза удивленно округлились, губы слегка подрагивали. Казалось, ее внезапно вывели из сна. Красота девушки была живой и нежной, как слабый блик закатного луча на ее лице. Беркин смотрел на нее, испытывая неведомое дотоле наслаждение и ощущая безотчетную радость в сердце.

– Изучаете соцветия? – спросил он, беря с ближайшей парты сережки орешника. – Они уже такие? Не обращал на них внимания в этом году.

Беркин внимательно рассматривал кисточку орешника.

– И красные тоже есть! – сказал он, глядя на малиновое мерцание женских цветков.

Он прошел по классу, проверяя тетради учеников. Урсула следила за его сосредоточенными действиями. Спокойные движения мужчины умиряли бешеное биение ее сердца. Она стояла словно зачарованная, глядя, как он движется в каком-то другом по отношению к ней мире. Его присутствие было таким ненавязчивым, что казалось своего рода пустотой в классном пространстве.

Неожиданно он поднял на нее глаза, и от звука его голоса ее сердце забило сильнее.

– Дайте им цветные карандаши, – сказал Беркин. – Тогда ученики смогут женские цветки раскрашивать красными, а двуполые – желтыми. Я пошел бы по простому пути – только красный и желтый цвета. Очертания тут не очень важны. Здесь нужно подчеркнуть главное.

– У меня нет цветных карандашей, – ответила Урсула.

– Где-то должны быть. Нужны только красные и желтые.

Урсула отправилась на поиски одного из учеников.

– Тетради от этого станут неряшливее, – заметила она, густо краснея.

– Ненамного, – возразил Беркин. – На такие различия следует непременно обращать внимание. Нужно всегда подчеркивать факт, а не субъективные впечатления. А что здесь факт? Красные остроконечные тычинки женского цветка, свисающие желтые мужские соцветия, желтая пыльца, перелетающая с одних на другие. Зафиксируйте этот факт на картинке, подобно тому как ребенок рисует лицо – глаза, нос, рот, зубы, вот так... – И он стал рисовать на доске.

За стеклянными дверями класса замаячила еще одна фигура. То была Гермиона Роддайс. Беркин пошел и открыл ей дверь.

– Увидела твою машину, – сказала ему Гермиона. – Не возражаешь, что я отыскала тебя? Ужасно захотелось увидеть, как ты работаешь.

Она остановила на нем долгий интимный, игривый взгляд и издала короткий смешок. И только потом повернулась к Урсуле, наблюдавшей вместе со всем классом эту маленькую сценку между любовниками.

– Здравствуйте, мисс Брэнгуэн, – тихо проворковала Гермиона в своей странной певучей манере, которую можно было принять за иронию. – Вы не против моего присутствия?

Серые глаза насмешливо изучали Урсулу, словно Гермиона ее оценивала.

– Конечно, нет, – ответила Урсула.

– Вы уверены? – повторила Гермиона невозмутимо и даже с какой-то наполовину наигранной издевкой.

– Естественно. Я буду рада, – рассмеялась Урсула, слегка взволнованная и смущенная тем, что Гермиона принуждает ее согласиться и стоит слишком близко, словно они подруги, а какие они подруги?

Именно такого ответа и ждала Гермиона. Удовлетворенная, она повернулась к Беркину.

– Чем ты занимаешься? – проворковала она с притворным интересом.

– Соцветиями, – ответил он.

– Правда? – воскликнула Гермиона. – А что ты о них знаешь? – Все это произносилось ею в насмешливой, слегка дразнящей манере, как будто вся затея была игрой. Она тоже взяла в руку веточку с кистью, как бы желая понять источник интереса Беркина.

Гермиона странно смотрелась в классной комнате в своем широком поношенном плаще из зеленоватой ткани с рельефным тускло-золотистым узором. Стоячий воротник и подбивка плаща были из темного меха. Под плащом – платье из дорогой ткани цвета лаванды, тоже отделанное мехом, на голове аккуратная маленькая шляпка из тусклого зеленовато-золотистого материала и меха. Высокая Гермиона производила странное впечатление; казалось, она сошла с холста новомодного экспериментального художника.

– Ты видела красноватую завязь, из которой потом вырастают орехи? Когда-нибудь обращала на нее внимание? – спросил ее Беркин и, подойдя ближе, показал сережку на ветке, которую Гермиона держала в руке.

– Нет, – ответила она. – А что она собой представляет?

– Вот эти маленькие цветки дают семена, а длинные сережки – пыльцу, опыляющую цветки.

– Опыляющую цветки! – повторила Гермиона, внимательно разглядывая кисть.

– Вот из этих маленьких красных точек завяжутся орехи – при условии, что на них попадет пыльца с сережек.

– Маленькие язычки пламени, маленькие язычки пламени, – тихо пробормотала Гермиона. Некоторое время она молча рассматривала крошечные бутончики, в которых трепетали красные тычинки.

– Разве они не прекрасны? Я думаю, прекрасны, – говорила она, придвигаясь ближе к Беркину и указывая на красные волоски длинным белым пальцем.

– Ты никогда не замечала их раньше? – спросил Беркин.

– Никогда, – ответила она.

– А вот теперь ты никогда не пройдешь мимо, – сказал он.

– Теперь я всегда буду их видеть, – повторила Гермiona. – Большое тебе спасибо, что показал. Они такие красивые – маленькие красные язычки...

Ее интерес был необычным, граничащим с восторгом. Она забыла и о Беркине, и об Урсуле. Маленькие красные цветочки мистическим образом ее заворожили.

Урок окончился, тетради собрали, и классная комната наконец опустела. А Гермiona все сидела за столом, подперев руками подбородок, устремив ввысь свое узкое бледное лицо, и ничего не замечала вокруг. Беркин подошел к окну, глядя из ярко освещенной комнаты на серый бесцветный мир по другую сторону стекла, где моросил бесшумный дождь. Урсула убирала в шкаф учебный материал.

Через некоторое время Гермiona поднялась и подошла к ней.

– Это правда, что ваша сестра вернулась домой? – спросила она.

– Да, – ответила Урсула.

– И что, ей нравится в Бельдове?

– Нет.

– Удивительно, что она сразу же не сбежала. Чтобы вынести уродство здешних мест, требуется призвать на помощь все свое мужество. Приезжайте ко мне в гости. Приезжайте погостить вместе с сестрой в Бредэлби.

– Большое спасибо, – поблагодарила ее Урсула.

– Тогда я пришлю вам приглашение, – сказала Гермiona. – Как вы думаете, ваша сестра согласится приехать? Я буду рада. Я в восторге от нее. И нахожу некоторые ее работы изумительными. У меня есть две трясогузки, вырезанные ею из дерева и раскрашенные, – может быть, вы их видели?

– Нет, – ответила Урсула.

– Они необыкновенны – результат яркой вспышки вдохновения...

– Ее деревянные миниатюры действительно очень необычны, – согласилась Урсула.

– Поразительно красивы, полны первобытной страсти...

– Удивительно, что она так предана миниатюре. Она постоянно создает маленькие вещички, которые можно держать в руках, – птиц и мелких животных. И любит смотреть в театральные бинокли не с того конца, ей хочется видеть мир уменьшенным. Почему это, как вы думаете?

Гермiona свысока окинула Урсулу долгим бесстрастным оценивающим взглядом, взволновавшим молодую женщину.

– Действительно любопытно, – отозвалась наконец Гермiona. – Возможно, мелкие вещи кажутся ей более утонченными...

– Но ведь это не так. Разве можно сказать, что мышь утонченнее льва?

Гермiona вновь надолго остановила на Урсуле задумчивый взгляд; казалось, она следит за развитием собственной мысли, не очень прислушиваясь к собеседнице.

– Не знаю, – ответила она. И тут же вкрадчиво пропела, подзывая мужчину: – Руперт, Руперт!

Беркин молча подошел к ней.

– Мелкие вещи утонченнее крупных? – спросила она со сдержанным смешком, как бы задавая вопрос в шутку.

– Понятия не имею, – ответил он.

– Ненавижу утонченность, – заявила Урсула.

Гермiona медленно окинула ее взглядом.

– Вот как? – сказала она.

– Утонченность всегда казалась мне признаком слабости, – с вызовом, словно ее престиж оказался под угрозой, объявила Урсула.

Но Гермиона ее не слушала. Внезапно она нахмурилась и, задумавшись, насупила брови; казалось, ей трудно заставить себя заговорить.

– Руперт, ты действительно так считаешь, – начала она, словно не замечая присутствия Урсулы, – ты действительно считаешь, что это стоит делать? Стоит пробуждать у детей сознание?

По лицу Беркина пробежала тень, он с трудом сдержал ярость. У него были впалые щеки и неестественно бледное лицо. Эта женщина задела его за живое своим серьезным вопросом о самосознании.

– Никто не пробуждает у них сознание. Оно пробуждается само, – ответил Беркин.

– А как ты думаешь, стоит стимулировать, убыстрять процесс созревания? Разве не будет лучше, если они ничего не узнают о соцветии и будут видеть орешник в целом, не вдаваясь в детали, не имея всех этих знаний?

– А что лучше для тебя – знать или не знать, что вот эти маленькие красные цветочки станут орехами после того, как на них попадет пыльца? – сердито спросил Беркин. В его голосе слышались жесткие, презрительные нотки.

Гермиона молчала, по-прежнему устремив ввысь отрешенный взгляд. Беркин кипел от гнева.

– Не знаю, – ответила она неуверенно. – Не знаю.

– Но знание – все для тебя, в нем вся твоя жизнь, – вырвалось у него.

Гермиона медленно перевела на него взгляд.

– Разве?

– Знать – главное для тебя, в этом ты вся; у тебя есть только знание, – вскричал Беркин. – Ты не видишь реальных деревьев или плодов, ты только о них говоришь.

Гермиона опять помолчала.

– Ты так думаешь? – произнесла она наконец с тем же неподражаемым спокойствием. И капризно поинтересовалась: – О каких плодах ты говоришь, Руперт?

– О райском яблоке, – ответил он с раздражением, ненавидя себя за слабость к метафорам.

– Ага, – сказала Гермиона. У нее был усталый вид. Некоторое время все молчали. Затем, с трудом преодолевая себя, она продолжила, шутливо проговорив нараспев: – Не будем говорить обо мне, Руперт. Неужели ты всерьез думаешь, что эти дети будут лучше, богаче, счастливее, обретя знания, неужели ты в это веришь? А может, лучше оставить их такими, какие они есть, не оказывая на них воздействия? Не лучше ли им остаться животными, обыкновенными животными, грубыми, жестокими, любыми, но только не обладать самосознанием, лишаящим их стихийного начала.

Беркин и Урсула думали, что Гермиона завершила свою речь, но у нее в горле что-то заклокотало, и она вновь заговорила:

– Лучше им быть кем угодно, чем вырасти искалеченными, искалеченными духовно, искалеченными эмоционально, отброшенными назад, обращенными против себя, не способными... – Гермиона крепко сжала кулак, словно находясь в трансе, – не способными на произвольное действие, осмотрительными, отягощенными проблемой выбора, никогда не теряющими головы...

И опять они решили, что речь закончена. Но как только Беркин собрался ответить, Гермиона продолжила свою пылкую речь...

– Никогда не теряющими головы, не выходящими из себя, всегда осмотрительными, всегда помнящими о своем благополучии. Разве есть что-нибудь хуже этого? Да лучше быть животными, простыми животными, лишенными разума, чем такими, такими ничтожествами...

– Неужели ты полагаешь, что именно знание делает нас неживыми и эгоистичными? – спросил он сердито.

Широко раскрыв глаза, Гермиона медленно перевела их на Беркина.

– Да, – ответила она и замолчала, не спуская с него рассеянного взгляда. Затем усталым отрешенным жестом потерла лоб. Этот жест еще больше взбесил Беркина.

– Все дело в разуме, – продолжала Гермиона, – и он несет смерть. – Она медленно подняла на мужчину глаза: – Разве наш разум, – при этих словах непроизвольная конвульсия сотрясла ее тело, – не является нашей смертью? Разве не он разрушает нашу естественность, наши инстинкты? Разве молодые люди в наши дни не становятся мертвецами прежде, чем начинают жить?

– Все потому, что у них слишком мало, а не слишком много разума, – жестко возразил Беркин.

– Ты уверен? – вскричала она. – Я склонна думать иначе. Они чудовищно интеллектуальные, до предела отягощенные сознанием.

– Да они всего лишь находятся в плену ограниченного набора ложных представлений! – воскликнул он.

Гермиона не обратила никакого внимания на его слова, продолжив свои экстатические вопросы.

– Обретая знания, разве мы не теряем все остальное? – патетически вопрошала она. – Если я знаю все о цветке, разве тем самым я не теряю его, оставляя себе только знание о нем? Разве мы не подменяем реальность ее тенью, а саму жизнь мертвым знанием? И что после этого оно мне дает? Что дает мне все знание мира? Да ничего.

– Это только слова, – сказал Беркин. – Знание для тебя – все. Взять хоть твой анимализм, он лишь в твоей голове. Ты не хочешь быть животным, тебе хочется наблюдать в себе животные инстинкты и умозрительно наслаждаться этим. Это вторично и более ущербно, чем самый узколобый интеллектуализм. Твоя тяга к страстям и животным инстинктам – не что иное, как самая последняя и худшая форма интеллектуализма. Ты жаждешь испытать страсти и животные инстинкты, но только умозрительно, в сознании. Все свершается в твоей голове, в твоей черепной коробке. Но ты не хочешь знать, что происходит на самом деле, ты предпочитаешь обманывать себя, что вполне соответствует твоей натуре.

Гермиона перенесла его выпад с решительным и злобным выражением лица. Урсула не знала, куда деваться от удивления и стыда. Ненависть этих двух людей друг к другу пугала ее.

– Все это похоже на поведение леди из Шалота, – продолжил Беркин громким, лишенным выражения голосом. Казалось, он обвинял Гермиону перед невидимой аудиторией. – У тебя есть зеркальце, твоя неумемная воля, твоя извечная умозрительность, тесный мирок твоего сознания и ничего, кроме этого. В этом зеркале есть все, что тебе нужно. Но теперь, зайдя в тупик, ты хочешь вернуться назад и уподобиться дикарям, не имеющим никаких знаний. Ты хочешь жить одними ощущениями и «страстями».

Последнее слово он произнес с явной издевкой. Гермиона дрожала от ярости и злобы, потеряв дар речи, словно больная пифия в Дельфах.

– То, что ты называешь страстью, – ложь, – продолжал яростно Беркин. – Это совсем не страсть, это твоя воля. Тебе необходимо все захватить и всем завладеть. Тебе нужно властвовать. А почему? Да потому, что ты неживая, ты не знаешь темной чувственной плоти жизни. Ты лишена чувственности. У тебя есть только воля, тщеславное сознание, жажда власти и знания.

Во взгляде, который он послал Гермионе, смешались ненависть и презрение, а также боль, ибо она страдала, и стыд, потому что это страдание причинил он. Его охватило импульсивное желание пасть на колени и молить о прощении. Но тут новая волна неудержимого гнева накатила на него. Позабыв о жалости, он превратился в страстный глас.

– Стихийность! – вскричал он. – Ты и стихийность! Да ты самое расчетливое существо из всех, кто когда-либо ходил или ползал. Непосредственной ты можешь быть только по расчету, это ты можешь. Ведь ты хочешь иметь все в своем распоряжении, в своем преднамеренно избирательном сознании. Заключить все в свою омерзительную черепашку, которую следовало бы расколоть, как орех. А иначе ничего не изменится, ты останешься все той же, пока твой череп не хрустнет, как раздавленное насекомое. Только тогда ты, может быть, превратишься в непосредственную, страстную женщину, наделенную естественной чувственностью. А пока твои желания сродни порнографии: ты разглядываешь себя в зеркалах, наблюдая за действиями нагого животного, чтобы потом перенести их в сознание, сделать ментальными.

В атмосфере ощущался привкус насилия – слишком много было сказано того, что невозможно простить. Однако после этой речи Урсула задумалась над решением собственных проблем. Вид у нее был бледный и отрешенный.

– Чувственное восприятие действительно так необходимо? – озадаченно спросила Урсула.

Взглянув на девушку, Беркин принялся внимательно растолковывать ей свою точку зрения.

– Да, – ответил он, – больше всего на свете. Это конечная цель – тайное великое знание, недоступное разуму, тайное стихийное существование. С одной стороны, это смерть для личности, но одновременно переход на другой уровень бытия.

– Но как такое может быть? Где, как не в человеческом мозгу, заключается знание? – спросила Урсула, не в силах постичь смысл его слов.

– В крови, – ответил он, – когда разум и внешний мир тонут во тьме – все должно сгнуться, обернуться потоком. Тогда-то в этой осязаемой тьме вы обретете себя в демоническом облике...

– А почему так уж нужно быть в демоническом облике? – спросила она.

– Где женщина о демоне рыдала, – процитировал Беркин. – Почему, не знаю.

Неожиданно, словно из небытия, воскресла Гермиона.

– Он ужасный сатанист, правда? – подчеркнуто растягивая слова, проговорила она необычно резонирующим голосом, перешедшим в резкий издевательский смешок. Обе женщины с издевкой смотрели на Беркина, их насмешливые взгляды обращали его в ничтожество. Гермиона расхохоталась резким смехом одержавшей победу женщины, она презрительно смотрела на него, словно перед ней был не мужчина, а кастрат.

– Нет, – возразил он. – Ты настоящий демон, пожирающий жизнь.

Она посмотрела на него долгим взглядом, злобным и презрительным.

– Ты, похоже, разбираешься в этих вопросах? – сказала она с холодной насмешливостью.

– Достаточно, – отозвался он, и его лицо показалось Гермионе вырезанным из закаленной стали. Ее охватило чувство невыносимого отчаяния и одновременно облегчения, свободы. Она непринужденно, как к хорошей знакомой, обратилась к Урсуле: – Так вы приедете в Бредэлби?

– С удовольствием, – ответила та.

Гермиона посмотрела на нее удовлетворенным, задумчивым и странно отсутствующим взглядом, как будто мысли ее витали в другом месте.

– Очень рада, – сказала она, беря себя в руки. – Недельки через две. Подходит? Я напишу вам сюда, на школу. Хорошо. И вы обязательно приедете? Хорошо. Я буду рада. До свидания! До свидания!

Гермиона протянула руку и заглянула в глаза другой женщины. Она увидела в Урсуле неожиданную соперницу, и это открытие странным образом ее подбодрило. К тому же она собралась уходить, а это всегда давало ей ощущение силы и превосходства. Более того, она уводила с собой мужчину, пусть и ненавидящего ее.

Беркин с отрешенным видом стоял в стороне. Когда же пришел его черед прощаться, он вновь заговорил:

– Существует пропасть между чувственным, живым существованием и порочным умозрительным распутством, которым занимаются люди нашего круга. По ночам у нас всегда горит электричество, мы наблюдаем за собой, у нас никогда не отключается разум. Чтобы познать чувственную реальность, нужно полностью отключить разум и волю. Это необходимо. Прежде чем начать жить, нужно отречься от себя прежнего. Но мы очень тщеславны – вот в чем корень зла. Мы тщеславны и не горды. В нас нет ни капли гордости, мы полны тщеславия, чрезвычайно довольные собственным искусственным существованием. И скорее умрем, чем откажемся от мелкого самодовольного своеволия.

Беркину никто не возражал. Обе женщины хранили враждебное молчание. Казалось, он выступал с речью на митинге. Гермiona не обращала на него внимания, лишь неприязненно передернула плечами.

Урсула украдкой следила за Беркином, не осознавая полностью, что же все-таки она видит. Физически он был очень привлекателен – за худобой и бледностью ощущалась скрытая мощь, – она, словно голос за кадром, открывала о нем новое знание. Эта мощь таилась в изломе бровей, линии подбородка, тонких изысканных очертаниях, передающих неповторимую красоту самой жизни. Урсула не могла определить, что это такое, однако остро ощущала исходящие от мужчины силу и внутреннюю свободу.

– Но разве мы не обладаем, сами по себе, естественной чувственностью? – спросила она, обращаясь к Беркину, – в ее зеленоватых глазах мелькнул, как вызов, золотистый огонек смеха. И тут же в его глазах и бровях вспыхнула в ответ странно беспечная и удивительно привлекательная улыбка, не затронувшая, однако, сурово сжатых губ.

– Нет, – ответил он. – Не обладаем. Мы слишком эгоистичны.

– Но дело ведь не в тщеславии, – воскликнула Урсула.

– Только в нем, и ни в чем другом.

Она искренне изумилась такому ответу.

– А вам не кажется, что больше всего люди кичатся своей сексуальной силой? – спросила она.

– Поэтому их и нельзя назвать чувственными, они всего лишь сладострастные, а это совсем другое. Такие люди всегда помнят о себе, они настолько самодовольны, что вместо того, чтобы освободиться и жить в ином мире, вращающемся вокруг другого центра, они...

– Не сомневаюсь, что вы хотите выпить чашечку чаю, не так ли? – проговорила Гермiona, подчеркнуто заботливо обращаясь к Урсуле. – Ведь вы работали целый день.

Беркин резко замолчал. Ярость и досада пронзили Урсулу. Лицо мужчины окаменело. Он попрощался так, словно перестал ее замечать.

Они ушли. Некоторое время Урсула стояла, глядя на закрывшуюся за ними дверь. Потом выключила свет и села на стул, потрясенная и потерянная. И вдруг неожиданно разрыдалась, слезы текли рекой, но что это было – слезы радости или горя – она не понимала.

Глава четвертая. Нырятьщик

Прошла неделя. В субботу зарядил дождь, легкий морозящий дождик, который то начинал накрапывать, то прекращался. В один из светлых промежутков Гудрун и Урсула отправились на прогулку в направлении Уилли-Уотер. День был пасмурный, птицы звонко распевали на распушившихся молодой зеленью ветках, земля спешила покрыться растительностью. Женщины шли проворно, их бодрили и радовали доносящиеся из туманной дымки еле различимые, нежные утренние шумы. У дороги стоял обсыпанный белыми влажными цветами терн, золотистые крошечные тычинки нежно поблескивали в белом кружеве. В сероватом воздухе загадочно светились багровые ветки, высокий кустарник призрачно мерцал и только при приближении к нему становился самим собой. Утро было как первый день творения.

Сестры подошли к озеру. Внизу, вклиниваясь в затянутую влажной дымкой лужайку и рощицу, простиралась таинственная сероватая гладь воды. Из придорожных кустов жизнь заявляла о себе оживленными звуками, птицы щебетали, перебивая друг друга; доносился таинственный плеск воды.

Женщины медленно шли вперед. У края озера, недалеко от дороги, стоял под каштаном обросший мхом лодочный домик, рядом располагался небольшой причал, где легкой тенью на свинцовой глади покачивалась лодка, привязанная к зеленому обветшалому столбу. В преддверии лета все было смутно и призрачно.

Неожиданно из лодочного домика выскользнула белая фигура и, молниеносно пробежав по старому дощатому помосту, нырнула в озеро, описав светлую дугу и вызвав мощный всплеск; почти тут же пловец вынырнул на поверхность, оказавшись в центре расходящихся по воде кругов. Теперь все это призрачное водное царство принадлежало ему. Он скользил по незамутненной серой глади существующей извечно воды.

Стоя у каменной стены, Гудрун следила за пловцом.

– Как я ему завидую! – проговорила она тихим, полным тайного желания голосом.

– Брр, – поежилась Урсула. – Вода такая холодная!

– Ты права. Но все же как прекрасно вот так плыть!

Сестры стояли и следили за пловцом, который мелкими ритмичными движениями продвигался все дальше по серой водной глади под аркой из тумана и склоненных над водой деревьев.

– Разве ты не хотела бы быть на его месте? – спросила Гудрун, глядя на Урсулу.

– Хотела бы, – ответила Урсула. – Впрочем, не уверена, очень сыро.

– Вовсе нет, – неохотно сказала Гудрун. Она неотрывно, словно зачарованная, следила за тем, что происходило на поверхности озера. Проплыв немного, мужчина повернул обратно и теперь смотрел в ту сторону, где стояли у стены женщины. Идущая от его рук слабая волна не помешала сестрам разглядеть разгневившееся лицо; они поняли, что он их заметил.

– Это Джеральд Крич, – сказала Урсула.

– Я вижу, – отозвалась Гудрун.

Она неподвижно стояла, вглядываясь в лицо упорно плывущего человека, – оно то погружалось в воду, то выныривало из нее. Он видел их из другой стихии и, будучи сейчас властелином одного из миров, радовался своему преимуществу. Неуязвимый и совершенный, он испытывал наслаждение от энергичных, рассекающих воду бросков собственного тела и обжигающе холодной воды. Он видел стоящих на берегу женщин, они провожали его глазами, и это было ему приятно. Он поднял над водой руку, приветствуя их.

– Он нам машет, – сказала Урсула.

– Да, – отозвалась Гудрун. Они продолжали смотреть в его сторону. Джеральд помахал снова. Странно, что он узнал их, несмотря на расстояние.

– Он похож на нибелунга, – рассмеялась Урсула. Гудрун промолчала, все так же глядя на воду.

Неожиданно Джеральд развернулся и быстро поплыл кролем в противоположную сторону. Он был один сейчас, один и в полной безопасности посреди водной стихии, принадлежавшей только ему. Он наслаждался ощущением одиночества в обособленном мире, бесспорном и абсолютном. Разрезая воду ногами, пронзая ее всем своим телом, он был счастлив, не ощущая никаких уз или оков, – только он и вода вокруг.

Гудрун едва ли не до боли завидовала ему. Даже это недолгое пребывание в полном одиночестве посреди водной стихии казалось ей столь желанным, что она, стоя на берегу, ощутила себя отверженной.

– Господи, как же здорово быть мужчиной! – воскликнула она.

– Что ты имеешь в виду? – удивилась Урсула.

– Свободу, независимость, движение! – продолжала необычно покрасневшая и сияющая Гудрун. – Если ты мужчина и чего-то хочешь, ты просто это делаешь. У тебя нет той тысячи препятствий, что всегда стоят перед женщиной.

Урсуле стало интересно, что вызвало у Гудрун этот взрыв эмоций. Она не могла этого понять.

– А что бы ты хотела сделать? – спросила она.

– Ничего, – воскликнула Гудрун, отвергая подозрение в личной заинтересованности. – Однако предположим, что у меня есть желание. Предположим, я тоже хотела бы сейчас поплавать. Но это невозможно – вступает в силу один из негласных запретов: я не имею права сбросить одежду и нырнуть в воду. Разве это не смешотворно, разве это не мешает жить?

Гудрун покраснелась, она просто клокотала от ярости; все это озадачило Урсулу.

Сестры зашагали по дороге дальше. Они шли через рожицу немного ниже Шортлендза и не могли не бросить взгляд на длинный низкий дом, величественно проступавший в утреннем тумане. Кедровые деревья клонились к его окнам. Гудрун особенно внимательно разглядывала дом.

– Тебе не кажется, что он красивый? – спросила она.

– Очень красивый, – ответила Урсула. – Мирный и уютный.

– В нем есть стиль и чувство эпохи.

– Какой эпохи?

– Наверняка восемнадцатый век... Дороти Вордсворт и Джейн Остин, разве не так?

Урсула рассмеялась.

– Разве не так? – повторила вопрос Гудрун.

– Возможно. Однако не думаю, что Кричи так уж озабочены сохранением исторического колорита. Мне известно, что Джеральд устанавливает частную электростанцию, чтобы провести в дом электричество, и не пропускает ни одного новейшего усовершенствования.

Гудрун нетерпеливо пожала плечами.

– Без этого не обойтись, – сказала она.

– Да уж, – рассмеялась Урсула. – В Джеральде энергии хватит на несколько поколений. За это его терпеть не могут. Того, кто ему мешает, он просто берет за шиворот и отбрасывает со своего пути. Когда он все в имении усовершенствует, ему нечем будет заняться, и тогда придется умереть. Чего-чего, а энергии у него хоть отбавляй.

– Да, этого у него не отнять, – согласилась Гудрун. – Скажу больше, я еще ни разу не встречала такого мужчину. Вопрос в том, на что направлена его энергия, на что она тратится.

– На это просто ответить, – сказала Урсула. – На использование новейших устройств.

– Похоже, что так, – согласилась Гудрун.

– Ты знаешь, что он застрелил своего брата? – спросила сестру Урсула.

– Застрелил брата? – воскликнула Гудрун, хмурясь и этим выражая неодобрение.

– Неужели ты не знала? Я думала, знаешь. Они играли с ружьем. Джеральд велел брату смотреть в дуло, ружье оказалось заряженным, и у мальчика снесло полголовы. Не правда ли, жуткая история?

– Ужасная! – вскричала Гудрун. – Давно это случилось?

– О да! Они были совсем детьми, – сказала Урсула. – Это один из самых страшных случаев, какие я знаю.

– Он, конечно, не знал, что ружье заряжено?

– Естественно. Ружье было старое, много лет провалялось в конюшне. Никому даже в голову не приходило, что из него можно стрелять или что оно заряжено. Но какой ужас, что такое случилось!

– Страшно подумать! – воскликнула Гудрун. – И самое ужасное, что несчастье произошло с ребенком: ведь ему всю жизнь предстоит винить себя за это. Только вообрази себе, два мальчика играют вместе – и вдруг ниоткуда, безо всяких причин, на них обрушивается такое. Урсула, это очень страшно! Это одна из тех вещей, которые я не могу вынести. Убийство – куда ни шло: ведь за ним стоит чья-то воля. Но когда случается такое...

– Возможно, и тут не обошлось без некоего подсознательного импульса, – сказала Урсула. – За игрой в войну всегда стоит извечное желание убивать, ты так не думаешь?

– Желание! – холодно и даже несколько высокомерно проговорила Гудрун. – Не думаю, чтобы они играли в войну. Скорее всего один сказал другому: «Загляни в дуло, а я нажму на курок, и посмотрим, что будет». Нет сомнений – это чистой воды несчастный случай.

– Нет, – возразила Урсула. – Даже зная, что ружье не заряжено, я никогда бы не спустила курок, если б кто-то смотрел в дуло. Простой инстинкт не позволит этого сделать.

Гудрун помолчала, но было видно, что она не разделяет мнения сестры.

– Естественно, – проговорила она ледяным голосом. – Если ты женщина и к тому же взрослая, то инстинктивно удержишься от такого поступка. Но я не понимаю, какое отношение это имеет к игре двух мальчишек.

Голос ее звучал сухо и раздраженно.

– Имеет, – упорствовала Урсула. В этот момент сестры услышали в нескольких метрах от себя громкий женский голос:

– Черт возьми!

Пройдя немного вперед, они увидели по другую сторону забора Лору Крич и Гермину Роддайс; Лора Крич пыталась открыть калитку, чтобы выйти наружу. Урсула поторопилась прийти ей на помощь и подняла затвор.

– Большое спасибо, – поблагодарила ее раскрасневшаяся, похожая на амазонку Лора, выглядевшая немного смущенной. – Что-то не в порядке с петлями.

– Да, – согласилась Урсула. – Они очень тугие.

– Странно! – воскликнула Лора.

– Здравствуйте! – пропела с лужайки Гермiona, как только убедилась, что ее услышат. – Прекрасная погода! Гуляете? Хорошо. Не правда ли, молодая зелень просто великолепна? Такая красивая, такая яркая. Доброе утро, доброе утро... Вы ведь навестите меня? Большое спасибо. Значит, на следующей неделе, хорошо... до свидания, до свидания...

Гудрун и Урсула стояли, глядя, как она медленно кивает головой и, вымученно улыбаясь, машет рукой, как бы отпуская их. Странная, высокая, пугающая фигура с падающими на глаза густыми белокурыми волосами. Сестры двинулись дальше с ощущением, что им позволили уйти, – так отпускают подчиненных. Четыре женщины расстались.

Когда сестры отошли достаточно далеко, Урсула с пылающими от негодования щеками проговорила:

– Я нахожу ее невыносимой.

– Кого? Гермину Роддайс? – спросила Гудрун. – Почему?

– Она ведет себя вызывающе.

– Что такого вызывающего ты в ней видишь? – холодно поинтересовалась Гудрун.

– Все ее поведение вызывающе. Это невыносимо. Она груба в обращении с людьми. Просто издевается. Нахалка. «Приезжайте меня навестить» – это говорится так, словно мы прыгать должны от счастья, что нас удостоили такой чести.

– Не понимаю, Урсула, почему это тебя так волнует? – спросила Гудрун, не в силах скрыть раздражения. – Всем известно, что независимые женщины, порвавшие с аристократическим окружением, всегда отличаются дерзким нравом.

– Но в этом нет необходимости, это вульгарно! – воскликнула Урсула.

– Я так не считаю. А если бы и считала – *roug moi elle n'existe pas*⁶. Я не допущу, чтобы она дерзила мне.

– Думаешь, ты ей нравишься?

– Конечно, не думаю.

– Тогда зачем она зовет тебя в Бредэлби погостить?

Гудрун пожала плечами.

– В конце концов, у нее хватает ума понять, что мы не такие, как все, – ответила она. – Уж дурочкой ее никак не назовешь. А я скорее предпочту иметь дело с тем, кто мне не нравится, чем с заурядной женщиной, цепляющейся за свой круг. Гермiona Роддайс многим рискует.

Урсула некоторое время обдумывала слова сестры.

– Сомневаюсь, – возразила она. – Ничем она не рискует. Мы что, должны восхищаться ею, зная, что она может пригласить нас, школьных учительниц, к себе без всякого риска для себя?

– Вот именно, – подтвердила Гудрун. – Подумай, ведь множество женщин не осмелились бы так поступить! Она лучшим образом использует свое положение. Думаю, на ее месте мы вели бы себя так же.

– Ну уж нет, – возразила Урсула. – Ни за что. Мне было бы скучно. Никогда не стала бы тратить время на подобные игры. Это *infra dig*⁷.

Сестры напоминали ножницы, разрезающие все, что оказывается между ними, или нож и точильный камень – когда один затачивается о другой.

– Ей следует возблагодарить небо, если мы удостоим ее своим посещением, – неожиданно воскликнула Урсула. – Ты ослепительно красива, в тысячу раз красивее ее, она никогда такой не была и не будет, и, на мой взгляд, в тысячу раз лучше одета: ведь она никогда не выглядит свежей и естественной, как цветок, а, напротив, кажется старообразной и искусственной; и кроме того, мы многих умнее.

– Вне всякого сомнения! – согласилась Гудрун.

– И это следует признавать, – прибавила Урсула.

– Конечно, – сказала Гудрун. – Но со временем ты поймешь, что шикарнее всего быть совершенно обыкновенной, простой и заурядной, как женщина с улицы, создать своего рода шедевр – не копию такой женщины, а ее художественное воплощение...

– Какой ужас! – вскричала Урсула.

– Да, Урсула, это может показаться ужасным. Но надо изображать ту, что является поразительно *à terre*⁸, настолько *à terre*, что ясно: это художественное воплощение заурядности.

– Скучно становиться тем, кто не интереснее тебя, – засмеялась Урсула.

⁶ Для меня она не существует (*фр.*).

⁷ Ниже моего достоинства (*лат.*).

⁸ Заурядной (*фр.*).

– Очень скучно, – подхватила Гудрун. – Ты права, Урсула, это действительно скучно, ты нашла правильное слово. Хочется говорить высоким слогом и произносить речи в духе Корнеля.

Возбужденная собственным остроумием, Гудрун вся покраснелась.

– Хочется быть лебедем среди гусей, – сказала Урсула.

– Точно! – воскликнула Гудрун. – Лебедем среди гусей.

– Все старательно играют роли гадких утят, – продолжала Урсула с шутливым смехом. – А вот я совсем не чувствую себя скромным и трогательным гадким утенком. Я на самом деле ощущаю себя лебедем в стае гусей и ничего не могу с этим поделать. Меня заставляют так себя чувствовать. И плевать, что обо мне думают. *Je m'en fiche*⁹.

Гудрун бросила на Урсулу странный взгляд, полный смутной зависти и неприязни.

– Единственно правильная вещь – это презирать их всех, всех подряд, – сказала она.

Сестры вернулись домой, стали читать, разговаривать, работать в ожидании понедельника, начала занятий в школе. Урсула часто задумывалась, чего еще она ждет, помимо начала и конца рабочей недели, начала и конца каникул. И так проходит жизнь! Иногда ей казалось, что жизнь будет так длиться и дальше и никогда ничего в ней уже не изменится, и тогда Урсулу охватывал тихий ужас. Но она никогда с этим внутренне не примирялась. У нее был живой ум, а жизнь напоминала росток, который постепенно зрел, но еще не пробился сквозь землю.

⁹ Плевать (*фр.*).

Глава пятая. В поезде

Приблизительно в то же время Беркина вызвали в Лондон. Он не задерживался подолгу в одном месте, хотя имел квартиру в Ноттингеме: чаще всего он работал в этом городе. Однако Беркин бывал и в Лондоне, и в Оксфорде. Ему приходилось много ездить, его жизнь была, по сути, не устоявшейся, не вошедшей в определенную колею, лишенной определенного ритма и органичной цели.

На платформе вокзала он заметил Джеральда Крича, тот в ожидании поезда читал газету. Беркин находился от него в некотором отдалении, в окружении людей. Инстинктивно он никогда ни к кому не подходил первым.

Время от времени, в характерной для него манере, Джеральд поднимал голову и оглядывался. Хотя газету он читал внимательно, ему также необходимо было следить за происходящим вокруг, словно он обладал раздвоенным сознанием. Обдумывая заинтересовавший его газетный материал, Джеральд в то же время не упускал из виду то, что происходило вокруг. Наблюдавшего за ним Беркина эта раздвоенность раздражала. Он также заметил, что Джеральд всегда держится настороже с другими людьми, хотя умеет скрыть это под внешней доброжелательностью и светскостью.

Беркин вздрогнул, увидев, как приветливая улыбка осветила заметившего его Джеральда, тот тут же направился к нему, еще издали протягивая для приветствия руку.

– Здравствуй, Руперт! Куда держишь путь?

– В Лондон. Полагаю, и ты туда же.

– Ты прав...

Джеральд с интересом смотрел на Беркина.

– Хочешь, поедem вместе? – предложил он.

– Разве ты не всегда путешествуешь первым классом?

– Не выношу тамошней публики, – ответил Джеральд. – Третий будет в самый раз. В поезде есть вагон-ресторан, там можно выпить чаю.

Не зная, о чем еще говорить, мужчины одновременно взглянули на вокзальные часы.

– Что тебя так заинтересовало в газете? – спросил Беркин.

Джеральд метнул на него быстрый взгляд.

– Удивительно, чего только не пишут в газетах, – сказал он. – Вот две передовые статьи, – Джеральд протянул «Дейли телеграф», – полные обычного журналистского треп, – он бегло просмотрел колонки, – и тут же рядом небольшое... не знаю, как назвать... возможно, эссе, где говорится, что должен прийти человек, который откроет для нас новые ценности, провозгласит новые истины, научит новому отношению к жизни, – в противном случае через несколько лет все мы превратимся в ничтожество, а страна – в руины...

– Думаю, это такой же журналистский треп, как и все остальное, – сказал Беркин.

– Нет, похоже, автор действительно так считает – статья искренняя, – отозвался Джеральд.

– Дай взглянуть, – попросил Беркин, протягивая руку за газетой.

Подождал поезд, они вошли в вагон и сели напротив друг друга за столик у окна в вагоне-ресторане. Беркин бегло просмотрел статью и взглянул на Джеральда, который дожидался его реакции.

– Думаю, автор честен – насколько способен, – сказал он.

– Ты с этим согласен? И мы на самом деле нуждаемся в новом Евангелии? – спросил Джеральд.

Беркин пожал плечами.

– Я думаю, что люди, болтающие о необходимости новой религии, меньше других способны принять нечто новое. Они действительно хотят перемен. Но хорошенько всмотреться в жизнь, которую сами создали и затем отвергли, разнести вдребезги прежних кумиров – нет, на это они не пойдут. Чтобы появилось нечто новое, нужно всей душой хотеть избавиться от старого – даже в самом себе.

Джеральд внимательно следил за развитием его мысли.

– Значит, ты считаешь, что вначале следует покончить с нынешним существованием, просто взять и послать его к чертям собачьим? – спросил он.

– Нынешнее существование? Да, именно так я считаю. Нужно сломать ему хребет, или мы высохнем внутри его, как в тесном кожаном футляре. Ведь кожа больше не растягивается.

В глазах у Джеральда зажегся веселый огонек, он смотрел на Беркина с интересом и холодным любопытством.

– И с чего ты предлагаешь начать? Наверное, с реформирования общественного порядка? – спросил он.

Беркин слегка нахмурил брови. Этот разговор затронул его за живое.

– Я вообще ничего не предлагаю. Если мы действительно захотим чего-то лучшего, то разнесем старые устои. До тех пор все идеи, все попытки что-то предложить – всего лишь нудная игра для людей с большим самомнением.

Вспыхнувший было огонек померк в глазах Джеральда, и, глядя холодным взглядом на Беркина, он произнес:

– Значит, дела очень плохи?

– Хуже не бывает.

Огонек вновь вспыхнул.

– В чем конкретно?

– Да во всем, – сказал Беркин. – Все мы отчаянные лгуны. Наше любимое занятие – лгать самим себе. У нас есть идеал совершенного мира, чистого, добродетельного и богатого. И потому мы, по мере сил, загрязняем землю; жизнь – это грязный труд, как у копошащихся в навозе насекомых, и все для того, чтобы ваши шахтеры могли поставить у себя дома фортепиано, вы – завести лакеев, автомобиль и жить в новомодном доме, а мы – как нация – гордиться «Ритцем» или империей, Габи Дели и воскресными газетами. Все это очень печально.

Джеральду потребовалось некоторое время, чтобы собраться с мыслями после этой тирады.

– Ты хочешь, чтобы мы не жили в домах, вернулись к природе? – спросил он.

– Ничего я не хочу. Люди делают только то, что хотят и могут. Будь они способны на другое, все изменилось бы.

Джеральд вновь задумался. Он не собирался обижаться на Беркина.

– А тебе не кажется, что фортепиано, как ты его называешь, – это символ чего-то настоящего, реального желания сделать жизнь шахтера более возвышенной?

– Возвышенной! – вскричал Беркин. – Как же! Поразительные высоты фортепианного великолепия! Владелец инструмента сразу же вырастает в глазах соседей. Вырастает на несколько футов, как в брокенском тумане, и все из-за пианино, и это его радует. Он и живет ради этого брокенского эффекта – своего отражения в глазах окружающих. И ты здесь ничем от него не отличаешься. Если ты кажешься значительным другим людям, то и сам считаешь себя таковым. Ради этого ты усердно трудишься на своих угольных шахтах. Добывая столько угля, что на нем можно приготовить пять тысяч обедов в день, ты становишься в пять тысяч раз значительнее, чем если бы варил обед только себе.

– Надеюсь, – рассмеялся Джеральд.

– Неужели ты не понимаешь, – продолжал Беркин, – что, помогая соседу прокормиться, ты ничем не лучше человека, который кормит только себя. «Я ем, ты ешь, он ест, мы едим, вы

едите, они едят...» Ну и что с того? Зачем человеку распространяться на все спряжение? Мне достаточно первого лица единственного числа.

– Приходится начинать с материальных вещей, – сказал Джеральд.

Беркин проигнорировал это замечание.

– Но мы должны жить ради чего-то, – прибавил Джеральд, – ведь мы не скот, которому достаточно щипать траву.

– Скажи мне, вот ты для чего живешь? – спросил Беркин.

На лице Джеральда отразилось недоумение.

– Для чего я живу? – переспросил он. – Полагаю, чтобы работать, что-то производить, поскольку мое существование предполагает какую-то цель. Если от этого отвлечься, то я живу ради самой жизни.

– А в чем цель твоей работы? Добывать с каждым днем больше тысяч тонн угля? А что будет, когда мы полностью обеспечим себя углем, мебелью с плюшевой обивкой, пианино, когда у всех на обед будет тушеный кролик, у всех будут теплые жилища и набитые животы, а молодые девицы будут играть для нас на пианино? Что произойдет, когда материальные проблемы будут решены по справедливости?

Джеральд сидел, посмеиваясь над ироничным монологом другого мужчины. В то же время он обдумывал его слова.

– До этого еще далеко, – возразил он. – У многих нет ни кролика, ни огня, чтобы его сварить.

– Значит, пока ты рубаешь уголек, я должен гоняться за кроликом? – съехидничал Беркин.

– Что-то вроде того, – ответил Джеральд.

Беркин внимательно всматривался в него. Под видимым добродушием он видел в Джеральде бесчувственность и даже странную озлобленность – ее не могла замаскировать благопристойная маска рачительного хозяина.

– Джеральд, – сказал он, – а ведь я тебя, пожалуй, ненавижу.

– Я знаю, – отозвался Джеральд. – Но почему?

Несколько минут Беркин размышлял с непроницаемым видом.

– Хотелось бы знать, понимаешь ли ты, что тоже меня ненавидишь? – проговорил он наконец. – Питаешь ли ты сознательное ко мне отвращение, ненавидишь ли мистической ненавистью? У меня бывают такие странные моменты, когда моя ненависть к тебе обретает космические формы.

Захваченный врасплох и даже несколько озадаченный, Джеральд не знал толком, что сказать.

– Возможно, временами я ненавижу тебя, – сказал он. – Но я не осознаю этой ненависти, не сосредоточиваюсь на ней, можно сказать.

– Тем хуже, – была реакция Беркина.

Джеральд с любопытством наблюдал за ним. Он не совсем понимал, что за всем этим кроется.

– Тем хуже? – переспросил он.

Мужчины помолчали, слышался только стук колес. Лицо Беркина помрачнело, брови сурово насупились. Джеральд осторожно и внимательно следил за ним, прикидывая, что бы все это значило. Понять, куда клонит Беркин, он не мог.

Внезапно Беркин посмотрел Джеральду прямо в глаза взглядом, который было трудно вынести.

– Какова главная цель твоей жизни, Джеральд? – спросил он.

Вопрос вновь застал Джеральда врасплох. Он не мог понять ход мысли своего друга. Шутит он или говорит серьезно?

– Трудно ответить вот так, сразу, без подготовки, – ответил он с легкой иронией в голосе.
– Думаешь ли ты, что жизнь сводится к тому, чтобы просто жить? – спросил Беркин прямо и очень серьезно.

– Моя жизнь? – переспросил Джеральд.

– Да.

На этот раз в молчании Джеральда чувствовалась особенная озадаченность.

– Не могу ответить на твой вопрос, – сказал он. – До сих пор она не сводилась только к этому.

– А что ее составляло?

– Ну, открытие разных вещей, обретение опыта и конкретная работа.

Беркин свел брови – резкие складки прорезали лоб.

– Я думаю, – начал он, – каждому нужна одна по-настоящему чистая цель; на мой взгляд, такой может считаться любовь. Но я никого не люблю по-настоящему – во всяком случае, сейчас.

– А раньше любил? – спросил Джеральд.

– И да и нет, – ответил Беркин.

– То есть не раз и навсегда?

– Да, не навсегда.

– И я тоже, – признался Джеральд.

– А ты хотел бы? – спросил Беркин.

Джеральд посмотрел в глаза другого мужчины долгим, почти сардоническим взглядом.

– Не знаю, – ответил он.

– А я хочу. Хочу любить.

– Хочешь?

– Да. Хочу полюбить раз и навсегда.

– Раз и навсегда, – повторил Джеральд. И на мгновение задумался.

– Только одну женщину? – спросил он. Вечернее солнце, заливавшее поля за окном желтым светом, высветило восторженное и непреклонное выражение на лице Беркина. Но Джеральд не разгадал его смысла.

– Да, одну, – произнес Беркин.

Однако Джеральд в его словах услышал только настойчивое желание, а не уверенность.

– А я не верю, что одна только женщина может заполнить мою жизнь, – сказал Джеральд.

– Хочешь сказать, что любовь к женщине не может стать стержнем и смыслом твоей жизни? – спросил Беркин.

Глаза Джеральда сузились, в них вспыхнул странный опасный огонек.

– Такая мысль не приходила мне в голову, – ответил он.

– Нет? Тогда что является для тебя жизненным стержнем?

– Не знаю. Хотелось бы, чтобы мне это сказали. Насколько я могу судить, его вообще нет.

Он поддерживается искусственно разными социальными механизмами.

Беркин задумался над словами Джеральда, словно ему что-то открылось.

– Я согласен, что жизнь утратила стержень, – проговорил наконец он. – Старые идеалы давно мертвы, на их месте зияющая пустота. Единственное, что еще возможно, как мне кажется, это совершенный союз с женщиной, своего рода идеальный брак.

– Значит ли это, что если такого союза нет, то вообще ничего нет? – спросил Джеральд.

– Похоже на то, если нет Бога.

– Тогда нам придется туго, – заключил Джеральд и повернулся к окну, глядя на пролетающий мимо позолоченный солнцем пейзаж.

Беркин не мог не отметить красоту и мужественность лица собеседника и с трудом сохранил равнодушный вид.

– Так, по-твоему, у нас нет шансов? – спросил Беркин.

– Да, если наша жизнь зависит только от встречи с женщиной, одной-единственной, – ответил Джеральд. – По крайней мере у меня.

Беркин почти сердито посмотрел на него.

– Ты скептик по природе, – сказал он.

– Просто я чувствую то, что чувствую, – отозвался Джеральд. Мужественный и пронизывающий взгляд голубых глаз не без иронии остановился на Беркине. Тот ответил ему взглядом, полным гнева, который быстро сменился замешательством, потом сомнением, а затем заискрился теплотой и смехом.

– Этот вопрос меня очень беспокоит, Джеральд, – признался он.

– Вижу, – отозвался Джеральд, заливаясь громким, здоровым смехом.

Джеральда подсознательно притягивал собеседник. Ему хотелось находиться рядом, быть в сфере его влияния. В Беркине он ощущал нечто родное. Все же остальное его не очень заботило. Он чувствовал, что ему, Джеральду, открыты более глубокие и вечные истины, чем его другу. Он ощущал себя старше, более сведущим во многом. В Беркине он любил пылкость чувств и энергию, а также яркую речь; он наслаждался остроумием, игрой слов и рождающимися у друга мгновенными ассоциациями. Содержание речей его мало волновало: он считал, что мыслит правильнее.

Беркин это понял. Он понял, что Джеральд стремится его любить, не принимая всерьез. И это знание заставило его принять более сухой и холодный тон. Поезд несся вперед, а Беркин сидел, глядя в окно и позабыв о Джеральде, который перестал для него существовать.

Он смотрел на простиравшуюся в вечернем свете землю за окном и думал: «Что ж, если человечество погибнет, если наше племя сгинет, как Содом, но останутся этот прекрасный вечер и залитые светом земля и деревья, то я не в обиде. То, что одушевляет их, присутствует здесь и никогда не будет утрачено. В конце концов, что есть человечество как не одно из проявлений непостижимого? И если этого проявления не станет, это будет означать, что оно испарено и закрыто. Нельзя недооценивать того, что выражается или должно быть выражено. Оно присутствует сейчас в этом сияющем вечере. Пусть человечество исчезнет – его время прошло. Но творческие поиски не прекратятся. Человечество более не является единственным выражением непостижимого. Оно пройденный этап. Будет новое воплощение. Пусть человечество сгинет как можно скорее».

Джеральд перебил его мысли, спросив:

– Где ты останавливаешься в Лондоне?

Беркин поднял глаза.

– У одного мужчины в Сохо. Я вношу часть арендной платы за дом и живу там когда хочу.

– Прекрасный выход – иметь даже такое жилье, – оценил Джеральд.

– В целом да. Но мне там не очень нравится. Я устаю от людей, которых там вижу.

– А что за люди?

– Художники, музыканты, лондонская богема – самая расчетливая и скупердяйская богема на свете. Впрочем, там есть несколько приличных людей, приличных в некоторых отношениях. Они настоящие ниспровергатели устоев – живут только отрицанием и неприятием – во всяком случае, ориентированы на отрицание.

– Кто они? Художники, музыканты?

– Художники, музыканты, литераторы, прихлебатели, натурщицы, молодые люди с современными взглядами; те, что бросают вызов традициям, но сами ничего собой не представляют. Недоучившиеся в университете молодые люди и девушки из тех, что предпочитают жить независимой жизнью, так они это называют.

– Нравы свободные? – спросил Джеральд.

Беркин понял, что в друге проснулось любопытство.

– В каком-то смысле – да, в каком-то – нет. Несмотря на их вызывающее поведение, все довольно стильно.

В голубых глазах друга Беркин увидел огонек вожеления, замешанного на любопытстве. Он видел также, как тот хорош собой. Джеральд был необыкновенно привлекателен; казалось, кровь в нем просто кипит. Голубые глаза горели ярким, но холодным огнем, тело было красиво особой, медлительной красотой движений.

– Мы могли бы увидеться: я пробуду в Лондоне два или три дня, – сказал Джеральд.

– Идет, – согласился Беркин. – В театр или мюзик-холл идти не хочется, предлагаю заскочить ко мне и самому убедиться, кто такие Холлидей и его банда.

– Спасибо, с радостью, – рассмеялся Джеральд. – А что ты делаешь сегодня вечером?

– Я договорился с Холлидеем о встрече в кафе «Помпадур». Местечко не блеск, но ничего лучшего нет.

– Где это? – спросил Джеральд.

– На Пиккадилли-Серкус.

– Понятно... Я могу туда заглянуть?

– Конечно. Может быть, это тебя развлечет.

Смеркалось. Они уже проехали Бедфорд. Беркин вглядывался в сельские пейзажи за окном, и сердце щемило от чувства безысходности. Такое случалось всякий раз, когда он подъезжал к Лондону. Отвращение к человечеству, к большей его части нарастало и становилось похожим на болезнь.

Он бормотал про себя, как человек, приговоренный к смерти:

Где безмятежные краски заката разлились
На мили и мили...

Джеральд, чуткий, с обостренным восприятием подался вперед, спросив с улыбкой:

– Что ты там шепчешь?

Беркин посмотрел на него, засмеялся и повторил:

Где безмятежные краски заката разлились
На мили и мили
Над лугами зелеными, где облачка стад
Будто бы спят...

Теперь и Джеральд смотрел на сельский пейзаж. Беркин, вдруг почувствовав себя усталым и подавленным, сказал ему:

– Когда поезд приближается к Лондону, я всегда чувствую себя обреченным и впадаю в такое отчаяние, такое уныние, словно наступил конец света.

– Да что ты говоришь? – удивился Джеральд. – Значит, конец света пугает тебя?

Беркин нерешительно пожал плечами.

– Даже не знаю, – признался он. – Наверное, пугает, когда кажется неизбежным и в то же время не наступает. Но тягостное чувство, очень тягостное, порождают люди.

В глазах Джеральда мелькнула довольная улыбка.

– Вот как? – переспросил он, осуждающе глядя на другого мужчину.

Через несколько минут состав уже мчался по уродливым окраинам Лондона. Пассажиры в нетерпении ждали момента, когда смогут покинуть поезд. И вот он наконец въехал под огромную арку вокзала, ужасную тень, отбрасываемую городом. Теперь Беркин взял себя в руки.

Мужчины сели в одно такси.

– Ты не чувствуешь себя одним из этих изгоев? – спросил Беркин Джеральда, когда они сидели в маленьком, быстро мчащемся огороженном мирке, глядя на широкую и уродливую улицу.

– Нет, – засмеялся Джеральд.

– Тут сама смерть, – сказал Беркин.

Глава шестая. Crème de menthe¹⁰

Через несколько часов они вновь встретились в кафе. Пройдя сквозь вращающиеся двери, Джеральд оказался в большом шикарном зале; в табачном дыму смутно вырисовывались головы и лица пьющих людей, повторяясь *ad infinitum*¹¹ в огромных зеркалах на стенах, так что вошедшему казалось, что он попал в призрачный мир, целиком состоящий из пьющих и создающих немолчный гул теней в атмосфере сизого дыма. Только обтягивающий сиденья красный плюш вносил некоторую основательность в этот легкомысленный веселящийся мирок. Джеральд медленно шел меж столиков, внимательно приглядываясь к сидящим, а те, в свою очередь, при его приближении тоже поднимали призрачные лица. Похоже, он вступил в особый мир, новый, сверкающий, до отказа забитый падшими душами, и это веселило и развлекало его. Он смотрел поверх расплывающихся, эфемерных лиц над столиками, залитых необычным светом. И тут он увидел Беркина – тот, приподнявшись, махал ему.

За столиком, рядом с Беркином, сидела девица с белокурыми, коротко подстриженными, как принято в артистической среде, волосами, слегка выющимися за ушами. Миниатюрная, хрупкая, бледнолицая, с наивным выражением в огромных голубых глазах... Хрупкое сложение делало ее похожей на нежный цветок, что не сочеталось с обольстительно развязной манерой общения, и от этого контраста в глазах Джеральда зажглись искорки.

Беркин, который показался Джеральду тихим, нереальным и словно выключенным из ситуации, представил девушку как мисс Даррингтон. Та несколько неохотно протянула Джеральду руку, не сводя с него печального, откровенного взгляда. Его словно ударило током, и он сел.

Подошел официант. Джеральд бросил взгляд на бокалы Беркина и девушки. Беркин пил жидкость зеленоватого цвета. Перед мисс Даррингтон стояла маленькая рюмка для ликера, на дне которой оставалось не больше капли.

– Хотите выпить еще что-нибудь?

– Коньяку, – сказала девушка и, проглотив оставшуюся каплю, отставила рюмку.

Официант отошел.

– Нет, – продолжила девушка свой разговор с Беркином. – Он не знает, что я вевнулась. Увидев меня здесь, он очень вазгневается.

Иногда она произносила «в» вместо «р», и это делало ее речь похожей на детский лепет, придавая оттенок жеманности, что соответствовало облику девушки. Ее печальный голос звучал монотонно.

– А где он? – поинтересовался Беркин.

– Дает частное пвдставление у леди Шеллгроув, – ответила девушка. – Уоренз тоже там. Все помолчали.

– Ну и что ты собираешься делать? – спросил Беркин спокойным, покровительственным тоном.

Девушка угрюмо молчала. Вопрос ей явно пришелся не по вкусу.

– Ничего не собиваюсь. Попвобую завтра договориться о сеансах позивования.

– Куда отправишься?

– Сначала к Бентли. Но боюсь, он злится на меня за то, что я сбежала.

– Когда он писал Мадонну?

– Да. И если даст мне от вовот пововот, пойду к Кармартену.

– Кармартену?

¹⁰ Мятный ликер (*фр.*).

¹¹ До бесконечности (*лат.*)

– Фредерику Кармартену. Он фотограф.

– А... Шифон и обнаженные плечи...

– Да. Но он очень повядочный человек.

Снова воцарилось молчание.

– А как у тебя дела с Джулиусом? – спросил Беркин.

– Никак, – ответила девушка. – Я просто его не замечаю.

– Вы окончательно разошлись?

Ничего не ответив, она отвернулась с угрюмым видом.

Еще один молодой человек торопливо подошел к их столику.

– Привет, Беркин! Привет, Минетта! Когда ты вернулась? – спросил он нетерпеливо.

– Сегодня.

– А Холлидею это известно?

– Не знаю. Мне на это наплевать.

– Ха-ха! Буря еще не утихла? Можно к вам присесть?

– У меня серьезный разговор с Вупертом, – ответила она холодно, но по-детски просящим голосом.

– Ага, исповедуешься? Что ж, для души полезно, – сказал молодой человек. – Тогда до встречи.

И, бросив быстрый взгляд в сторону Беркина и Джеральда, отошел, вильнув полами пиджака.

Все это время на Джеральда совсем не обращали внимания. И все же он чувствовал, что девушка физически постоянно ощущает его соседство. Он выжидал, прислушиваясь к разговору и пытаясь связать воедино отдельные факты.

– Ты будешь жить в Доме? – спросила девушка Беркина.

– Три дня, – ответил тот. – А ты?

– Еще не знаю где. Я всегда могу остановиться у Берты.

Снова возникла пауза.

Неожиданно девушка повернулась к Джеральду и заговорила вежливо и сдержанно, как женщина, понимающая, что ее социальное положение ниже, чем у собеседника, и вместе с тем делающая попытку поскорее установить в общении с мужчиной *camaraderie*¹²

– Вы хорошо знаете Лондон?

– Не сказал бы, – рассмеялся Джеральд. – Я бывал здесь достаточно часто, но ни разу не посещал это место.

– Значит, вы не художник? – спросила девушка тоном, который переводил его в разряд чужаков.

– Нет, – ответил он.

– Он солдат, путешественник и Наполеон в промышленности, – сказал Беркин, словно давал Джеральду рекомендацию для допуска в круг богемы.

– Вы военный? – спросила девушка с холодным, но живым любопытством.

– Теперь уже нет, несколько лет назад я вышел в отставку, – ответил Джеральд.

– Он участвовал в последней войне, – прибавил Беркин.

– Правда? – удивилась девушка.

– Еще путешествовал по Амазонке, а теперь управляет угольными шахтами, – продолжал Беркин.

Девушка смотрела на Джеральда, не скрывая спокойного любопытства. Он же, услышав эту характеристику, рассмеялся. И в то же время испытал прилив гордости, чувствуя, как его распирает мужская сила. Голубые пронизательные глаза зажглись смехом, румяное лицо в

¹² Дух товарищества (*фр.*).

обрамлении белокурых волос излучало довольство и жизненную энергию. Он заинтересовал девушку.

– Как долго вы здесь пробудете? – спросила она.

– День или два, – ответил Джеральд. – Но особой спешки нет.

Девушка по-прежнему неотрывно смотрела на него широко раскрытыми глазами – это интриговало и возбуждало. Джеральд остро и с удовольствием сознавал свою привлекательность, ощущая в себе силу и особый животный магнетизм. Он постоянно чувствовал обращенный к нему открытый и незащищенный взгляд голубых глаз. Ее распахнутые, похожие на цветы глаза были красивы, а устремленный на него взгляд ничего не скрывал. Глаза радужно переливались подобно тому, как нефть переливается на воде. В кафе было жарко, и девушка сидела без шляпки; ее скромная блузка свободного покроя была без всякого выреза – «под гор лышко», но пошита из дорогого желтого крепдешина, ниспадающего тяжелыми и мягкими складками от нежной юной шеи и гибких запястий. Она была действительно красива строгой, совершенной красотой, черты ее лица были правильные и соразмерные, блестящие белокурые волосы, разделенные прямым пробором, падали волнами по обе стороны головы, подчеркивая тонкую шею; простая по форме и чудесная по цвету блузка не скрывала изящных плечиков. Девушка держалась спокойно, почти отчужденно, была как бы сама по себе и постоянно настороже.

Джеральда тянуло к ней. Он радостно ощущал свою безграничную власть над девушкой, испытывая инстинктивное влечение, граничащее с жестокостью. Ведь она была жертвой. Джеральд знал, что девушка в его власти, и был великодушен. Его тело пронизывал ток, сила которого могла полностью ее разрушить. Она замерла в ожидании, сдавшись на милость победителя.

Некоторое время они болтали о пустяках. Неожиданно Беркин проговорил:

– А вот и Джулиус! – и поднялся из-за столика, подзывая жестом вошедшего мужчину. Девушка, не двигаясь с места, повернула почти злобным движением голову и бросила взгляд через плечо. Джеральд видел, как колыхнулись, прикрыв уши, ее густые белокурые волосы. Он понял, что она внимательно следит за приближающимся мужчиной, и тоже стал присматриваться к нему. Это был смуглый стройный молодой человек, длинные и густые темные волосы свисали из-под его черной шляпы; он неловко пробирался меж столиков, а на его лице играла простодушная, мягкая и какая-то бесцветная улыбка. Он шел к Беркину, торопясь поздороваться.

Уже у самого столика он заметил девушку, резко отпрянул, позеленел, проговорил высоким, почти визгливым голосом:

– Минетта, что ты здесь делаешь?

Услышав крик, посетители насторожились, как звери. На губах Холлидея мелькнула глупая улыбка. Девушка ничего не ответила, только остановила на нем ледяной взгляд, в котором отразилась безграничная горечь знания и определенное бессилие. Она была слабее его.

– Почему ты вернулась? – воскликнул Холлидей тем же визгливым голосом. – Я же велел тебе не возвращаться.

Девушка продолжала молчать, глядя все тем же тяжелым ледяным взглядом прямо в глаза мужчине, который продолжал стоять у соседнего столика, словно искал там защиту.

– Не притворяйся, ты сам хотел, чтобы она вернулась. Иди сюда и садись, – сказал ему Беркин.

– Ну уж нет, этого я не хотел. Я велел ей не возвращаться. Зачем ты вернулась, Минетта?

– К тебе это не имеет никакого отношения, – ответила девушка, кипя от возмущения.

– Тогда зачем? – визгливо выкрикнул Холлидей.

– Она поступает как хочет, – вступился Беркин. – Сядешь ты или нет?

– Нет. Рядом с Минеттой не сяду, – продолжал визжать Холлидей.

– Не бойся, я тебя не трону, – сказала девушка резко, но с покровительственной ноткой в голосе.

Подойдя к столику, Холлидей сел и, положив руку на сердце, воскликнул:

– Как я разволновался! Минетта, никогда больше так не поступай! Зачем ты вернулась?

– К тебе это не имеет отношения, – повторила она.

– Ты это уже говорила! – завизжал он снова. Девушка отвернулась от него, обратившись к Джеральду Кричу. У того блестели глаза: сцена его забавляла.

– Вы боялись дикавей? – спросила девушка спокойным и лишенным интонации детским голосом.

– Да нет, не очень. В целом дикари не опасны, они словно еще не родились, их нельзя по-настоящему бояться. Сразу ясно, что ими можно управлять.

– Вот как? Значит, они не свивепые?

– Не очень. К слову сказать, на свете не так уж много свирепых существ. И среди людей, и среди животных. Мало кто действительно опасен.

– Разве что в стаде, – перебил его Беркин.

– Неужели дикави не опасны? А я думала, они убивают тут же, не мовгнув глазом.

– Правда? – рассмеялся Джеральд. – Дикарей явно переоценивают. Они такие же люди, как и все остальные, и, познакомившись с вами, успокаиваются.

– Значит, быть путешественником не так уж и опасно? И особенной смелости не нужно?

– Можно сказать и так. Тут больше трудностей, чем опасностей.

– А вам никогда не было страшно?

– В жизни? Не знаю. Кое-чего я боюсь – быть запертым или связанным. Боюсь быть связанным по рукам и ногам.

Она не сводила с него глаз, и этот не отпускающий его наивный взгляд очень волновал Джеральда, хотя наружно он выглядел спокойным. Чувствовать, как девушка вытягивает правду о нем из самых глубин его существа, – в этом было особое наслаждение. Ей хотелось его узнать. Ее взгляд, казалось, проникал прямо под кожу. Джеральд понимал, что девушка в его власти, она обречена на связь с ним, должна видеть его и знать. И это пробуждало в нем необычное радостное волнение. Он также чувствовал, что она сама упадет ему в руки и подчинится. Девушка смотрела на него преданным, почти рабским взглядом, ничего другого не видя. Ее интересовало далеко не все, что он говорил, а только то, что он рассказывал о себе, ей хотелось проникнуть в тайну его существа, в его мужской опыт.

На лице Джеральда играла недобрая усмешка, за ней таились огонь и подсознательное возбуждение. Он сидел, положив руки на стол; эти загорелые, довольно зловещие руки, в которых, несмотря на их красивую форму, было нечто звериное, как бы тянулись к девушке. Его руки очаровали ее. Она поняла, что покорена.

К столику подходили разные мужчины, чтобы перекинуться парой слов с Беркином и Холлидеем. Джеральд тихо спросил Минетту:

– Откуда вы приехали?

– Из деревни, – ответила Минетта тихо, но достаточно отчетливо. Лицо ее напряглось. Время от времени она переводила взгляд на Холлидея, и раз ее глаза ярко вспыхнули. Но привлекательный молодой человек полностью ее игнорировал; похоже, он и правда побаивался девушку. Некоторое время Минетта не замечала Джеральда. Он, видно, еще не полностью завоевал ее.

– А какое отношение ко всему этому имеет Холлидей? – спросил он все тем же тихим голосом.

Она ответила не сразу. Наконец неохотно проговорила:

– Он настоял, чтобы я жила с ним, а теперь хочет вышвырнуть. И не позволяет уйти ни к кому другому. Хочет, чтобы я похоронила себя в деревне. И твердит, что я преследую его и что от меня нельзя избавиться.

– Сам не понимает, чего хочет, – сказал Джеральд.

– Чтобы понимать, нужно иметь голову, – сказала девушка. – Он делает то, что ему скажут. И никогда – что хочет сам: он просто не понимает, что хочет. Самое настоящее дитя.

Джеральд взглянул на Холлидея, на его мягкое, несколько порочное лицо. Эта мягкость была привлекательна, она говорила о доброй, нежной натуре, которая располагала к себе.

– Но у него же нет над вами власти, надеюсь? – спросил Джеральд.

– Понимаете, он заставил меня жить с ним, когда я этого совсем не хотела, – ответила она. – Пришел ко мне, плакал в три ручья и говорил, что если я не вернусь, он этого не вынесет. Говорил, что никуда не собирался уходить и останется со мною навсегда. И заставил-таки меня вернуться. Потом всякий раз это повторялось снова. А теперь, когда я жду ребенка, он дает мне сто фунтов, чтобы сплавить в деревню и больше никогда не видеть и не слышать меня. Но я не стану этого делать после того...

На лице Джеральда отразилось недоумение.

– У вас будет ребенок? – недоверчиво спросил он. Глядя на девушку, в это верилось с трудом: слишком уж молода она была, да и сам образ ее жизни плохо вязался с материнством.

Девушка внимательно посмотрела на Джеральда; в ее голубых детских глазах появилось новое, чуть заметное выражение, говорившее о том, что ей известен порок, темная бездна и безрассудство. Затаенное пламя коснулось его сердца.

– Да, – сказала она. – Разве это не свинство?

– Вы не хотите ребенка?

– Конечно, нет, – решительно заявила она.

– А какой срок? – поинтересовался Джеральд.

– Десять недель, – ответила девушка.

Все это время она не спускала с него глаз. Он же молчал, задумавшись. Затем, потеряв интерес к теме разговора и приняв равнодушный вид, спросил участливым тоном:

– Здесь хорошо кормят? Может, заказать что-нибудь?

– Спасибо, – отозвалась она. – Обожаю устрицы.

– Вот и отлично, – сказал Джеральд. – Будем есть устрицы. – И он подозвал официанта.

Холлидей никак себя не проявлял, пока перед девушкой не поставили тарелку. Тогда он неожиданно воскликнул:

– Минетта, нельзя есть устрицы, когда пьешь коньяк.

– Какое тебе до этого дело? – сказала она.

– Никакого, никакого, – выкрикнул Холлидей. – Но устрицы не совместимы с коньяком.

– Я не пью коньяк, – заявила девушка и выплеснула ему в лицо остатки спиртного. Холлидей пронзительно взвизгнул. Она же продолжала сидеть с безучастным видом.

– Минетта, что с тобой? – испуганно вскричал Холлидей.

У Джеральда окрепла догадка, что Холлидей боится девушки и еще – что он получает удовольствие от этого страха. Казалось, он наслаждается им, как и ненавистью к девушке, муссирует их, извлекая максимум удовольствия.

– Минетта, ты же обещала не мучить его, – обратился к девушке еще один молодой человек. Выговор выдавал в нем студента Итона.

– Я его не мучаю, – ответила она.

– Хочешь выпить? – спросил все тот же юноша, смуглый, с гладкой кожей, полный скрытой энергии.

– Я не люблю портер, Максим, – сказала девушка.

– Закажи шампанское, – тихо шепнул кто-то интеллигентным голосом.

Джеральд вдруг понял, что шепчут ему.

– А не выпить ли нам шампанского? – предложил он, посмеиваясь.

– Да, пожалуйста. И пвошу, если можно, сухого, – прошепелявила по-детски девушка.

Джеральд наблюдал, как она ест устрицы. Ее манеры за столом были безукоризненны; изящными пальчиками с очень чувствительными, по-видимому, подушечками, она мелкими, отточенными движениями управлялась с устрицами, ела их красиво, не торопясь. Джеральду доставляло удовольствие смотреть на нее; Беркина же, напротив, она раздражала. Все пили шампанское. Максим, серьезный русский юноша с гладкой смуглой кожей и черными блестящими глазами, – единственный среди всех сохранял спокойствие и был полностью трезвый. Беркин сидел с отрешенным видом, очень бледный; Джеральд улыбался, в его глазах по-прежнему сохранялся тот же холодный довольный блеск. Он покровительственно склонился к Минетте, очень похорошевшей и нежной, раскрывшейся, как прекрасный ледяной цветок в пугающей обнаженности цветения, самолюбие ее было удовлетворено, она покраснелась от вина и восхищения мужчин. Холлидей выглядел по-идиотски. Он опьянел от бокала вина и глупо хихикал, сохраняя, впрочем, очаровательную наивность, которая делала его привлекательным.

– Я ничего не боюсь, только черных тараканов, – сказала Минетта, поднимая на Джеральда круглые, подернутые пеленой страсти глаза. Он рассмеялся, и этот смех, поднимающийся из самых глубин существа, таил в себе угрозу. Ее детские речи успокаивали его нервы, а обращенные на него горящие, затуманенные глаза, из которых ушла память о прошлом, как бы давали ему право идти дальше.

– Да, не боюсь, – упорствовала она. – Не боюсь всего остального. Но черные тараканы – брр! – Она содрогнулась от отвращения, словно сама мысль о них была непереносима.

– Вас страшит сам вид черного таракана или же вы боитесь, что он может укусить или принести еще какой-нибудь вред? – спросил Джеральд с дотошностью подвыпившего человека.

– А они еще и кусаются? – испугалась девушка.

– Гадость какая! – воскликнул Холлидей.

– Не знаю, – ответил Джеральд, обводя взглядом столик. – Кусаются ли черные тараканы? Не суть важно. Боитесь ли вы укуса или у вас к ним метафизическая антипатия?

Все это время девушка не сводила с него замутненного взгляда.

– Они гадкие, ужасные, – вскричала она. – От одного их вида у меня мурашки бегут по коже. Уверена, я умерла бы, если б на меня заполз хоть один. Не сомневаюсь.

– Надеюсь, что нет, – шепнул молодой русский.

– Говорю тебе, Максим, умерла бы, – настаивала девушка.

– Ни один из них никогда не приблизится к вам, – сказал Джеральд, сочувственно улыбаясь. По-своему он понимал ее.

– Это метафизический страх, как называет его Джеральд, – заметил Беркин.

Возникла неловкая пауза.

– И больше ты ничего не боишься, Минетта? – спросил молодой русский тихим голосом хорошо воспитанного человека.

– Почти ничего, – сказала она. – Кое-что меня пугает, но это совсем другое. Квови я не боюсь.

– Не боишься крови? – воскликнул молодой человек с одутловатым и бледным насмешливым лицом. Он только что подсел к столу и пил виски.

Надувшись, Минетта бросила на него недовольный, совсем не красивый ее взгляд.

– Неужели ты действительно не боишься крови? – настаивал тот, широко усмехаясь.

– Да, не боюсь, – заявила она.

– А ты видела кровь где-нибудь, кроме как в плевательнице дантиста? – продолжал подначивать ее молодой человек.

- Я говорила не с тобой, – высокомерно отозвалась девушка.
- Но ответить, надеюсь, можешь? – сказал он.

Вместо ответа она неожиданно вонзила нож в его пухлую, белую руку. Молодой человек вскочил со своего места, грязно выругавшись.

- Вот сразу себя и показал, – презрительно заметила Минетта.
- Пошла ты к черту! – Стоя у столика, молодой человек злобно смотрел на девушку.
- Немедленно прекратите, – приказал Джеральд, повинувшись внутреннему инстинкту.

Молодой человек продолжал стоять, глядя на девушку сверху вниз с презрительной насмешкой; на одутловатом, бледном лице появилось выражение неловкости и страха. Рука окрасилась кровью.

– Какой ужас! Сделайте что-нибудь! – завизжал Холлидей, отворачивая вмиг позеленевшее лицо.

– Тебе нехорошо? – поинтересовался участливо молодой человек. – Тебе нехорошо, Джулиус? Не обращай внимания, парень, ничего особенного не произошло. Не доставляй ей удовольствия, пусть не думает, что совершила подвиг. Не доставляй ей такой радости – ведь именно этого она и хочет.

– О-о! – визжал Холлидей.

– Его сейчас вырвет, Максим, – предупредила Минетта. Учтивый русский юноша встал и, взяв Холлидея под руку, куда-то увел. Бледный, весь съежившийся Беркин с недовольным видом наблюдал за этой сценой. Раненый молодой человек отошел от их столика, подчеркнуто не обращая внимания на кровоточащую рану.

– На самом деле он страшный трус, – сказала Минетта Джеральду. – Джулиус находится под его сильным влиянием.

– Кто он такой? – спросил Джеральд.

– Да просто еврей. Терпеть его не могу.

– Впрочем, до него нам дела нет. А вот что случилось с Холлидеем?

– Джулиус – самый отчаянный трус на свете, – воскликнула Минетта. – Стоит мне взять в руки нож, и он тут же гвохается в обморок. Он меня ствашно боится.

– Гм, – хмыкнул Джеральд.

– Они все меня боятся, – продолжала она. – Только еврей пытается хорохориться. Но он тоже большой трус: просто его волнует, что о нем подумают другие, а Джулиусу на это наплевать.

– Да уж, герои, – добродушно проговорил Джеральд.

Минетта посмотрела на него долгим, долгим взглядом. Она была очень красива, лицо ее пылало, и она была сведуща в темном, страшном знании. В глазах Джеральда вспыхнули два крошечных огонька.

– Почему тебя зовут Минеттой? Потому что ты похожа на кошку¹³? – спросил он.

– Думаю, да, – ответила девушка.

Улыбка еще сильнее обозначилась на его лице.

– Действительно, сходство есть... или с молодой пантерой.

– Господи, Джеральд! – с отвращением произнес Беркин.

Оба с тревогой посмотрели на Беркина.

– Ты весь вечер молчишь, Вуперт, – слегка пренебрежительно пожурила его Минетта, чувствуя себя под защитой другого мужчины.

Вернулся Холлидей, вид у него был несчастный и больной.

– Минетта, – проговорил он, – прошу, не делай больше таких вещей. Ох! – И Холлидей со стоном опустился на стул.

¹³ Так звучит по-французски слово «кошка».

– Шел бы ты лучше домой, – посоветовала девушка.

– Я хочу домой, – сказал Холлидей. – Но разве другие не идут тоже? Поедем с нами, – предложил он Джеральду. – Я буду очень рад. Поедем – прекрасно проведем время. Эй! – Он оглянулся, ища взглядом официанта. – Вызови мне такси. – И вновь застонал. – Господи, как же мне плохо! Минетта, взгляни, что ты со мной сделала!

– Ну почему ты такой идиот? – произнесла она с угрюмым спокойствием.

– Но я вовсе не идиот! Ох, как плохо! Поедем, все поедем, это будет так чудесно. Минетта, ты едешь? Что? Нет, ты должна ехать, да, должна. Что? Девочка, дорогая, ну, не надо начинать все сначала. Я чувствую себя просто... ох, как же скверно, ох!

– Тебе нельзя пить, и ты это знаешь, – холодно произнесла она.

– Говорю тебе, выпивка здесь ни при чем, виной всему твое гадкое поведение, Минетта, и больше ничего. Как мне плохо! Либидников, давай поедем домой!

– Он выпил всего один бокал, всего один, – послышался быстрый приглушенный голос русского юноши.

Все направились к выходу. Девушка держалась подле Джеральда и, казалось, двигалась в такт с ним. Он это чувствовал, испытывая дьявольское наслаждение, что он определяет движения их обоих. Желание, рвущееся из темных уголков его существа, цепко держало ее на крючке, ему передавалось ее тайное, никем не замечаемое нежное волнение.

Все пятеро втиснулись в одно такси. Первым забрался Холлидей и опустился на сиденье у дальнего окна. Затем села Минетта и рядом с ней Джеральд. Было слышно, как русский юноша говорит шоферу, куда ехать. Они сидели в темноте, тесно прижавшись друг к другу, и физически ощущали быстрое и мягкое движение автомобиля. Холлидей стонал и высовывался из окна.

Джеральду казалось, что Минетта, сидя рядом, тает и нежно переливается в него темным, наэлектризованным потоком. Ее естество заполняло его вены притягательной тайной, оседающей у основания позвоночника источником невиданной мощи. В то же время ее голос, когда она обращалась к Беркину и Максиму с ничего не значащими словами, звучал звонко и беззаботно. Но ее и Джеральда объединяли тишина и некое темное, магнетическое ощущение друг друга во мраке. Она нащупала его руку и на краткий миг крепко ее сжала. Жест был таким откровенным и одновременно таинственным, что кровь в нем зыграла, а сознание помутилось – он уже не отвечал за себя. В то же время голос ее по-прежнему звенел, как колокольчик, с легким оттенком иронии. Когда она откидывала голову, ее роскошные волосы скользили по лицу Джеральда, и тогда его сотрясала дрожь, как от легкого электрического разряда. И все же, к его величайшей гордости, ему удавалось сдерживать у основания позвоночника неудержимо рвущуюся наружу силу.

Они приехали на тихую улицу, прошли по садовой дорожке к одному из домов. Им открыл дверь смуглолицый слуга. Джеральд изумленно воззрился на него, полагая, что тот может быть человеком их круга – к примеру, уроженцем Востока с оксфордским дипломом. Но нет, он был просто слугой.

– Приготовь чай, Хасан, – приказал Холлидей.

– Мне найдется комната? – спросил Беркин.

В ответ слуга только расплылся в улыбке и что-то пробормотал.

Джеральд чувствовал в отношении слуги некоторую неуверенность: высокий, стройный и сдержанный, он выглядел совсем как джентльмен.

– Кто ваш слуга? – спросил он у Холлидея. – Шикарно выглядит.

– О да! Это потому, что на нем чужая одежда. На самом деле он далеко не так шикарен. Мы подобрали его на улице, он голодал. Я привел его сюда, а один мой друг дал ему свой костюм. Он может быть кем угодно, только не тем, кем вам кажется; его единственное досто-

инство в том, что он не говорит по-английски и ничего не понимает и потому абсолютно безопасен.

– Он очень нечистоплотен, – быстро и тихо проговорил русский юноша.

В этот момент слуга появился в дверях.

– Что тебе надо? – спросил Холлидей.

Мужчина заулыбался и робко пробормотал:

– Хочу говорить хозяин.

Джеральд с любопытством наблюдал за этой сценой. Стоявший в дверях мужчина был красив, хорошо сложен, держался с достоинством, выглядел благородно и элегантно. И все же был наполовину дикарем, с глупым видом скалившим зубы. Холлидей вышел в коридор, чтобы поговорить с ним.

– Что? – послышался его голос. – Что? Что ты говоришь? Повтори. Как? Ты хочешь денег? Хочешь еще денег? Но зачем они тебе? – Араб что-то смущенно забормотал в ответ. Холлидей вернулся в комнату, тоже глупо улыбаясь.

– Он говорит, ему нужны деньги, чтобы купить нижнее белье. Может кто-нибудь дать мне шиллинг? Спасибо, шиллинга хватит, чтобы купить все необходимое. – Холлидей взял деньги, протянутые Джеральдом, и снова вышел в коридор, откуда донесся его голос: – Больше денег не требуй, ты и так получил вчера три шиллинга и шесть пенсов. Больше просить нельзя. Неси поскорее чай.

Джеральд огляделся. Обычная лондонская гостиная в доме, приобретенном вместе с обстановкой – разностильной, но не лишенной приятности. В ней находилось несколько деревянных скульптур с западных островов Тихого океана; необычный вид этих скульптур вызывал беспокойное чувство, в них было нечто от человеческих эмбрионов. Одна скульптура изображала сидящую в странной позе женщину с выпирающим животом, которая, похоже, испытывала сильную боль. Молодой русский объяснил, что она рождает, сжимая концы ремня, свисающего с плеч, и тем самым усиливая схватки. Искаженное, недоразвитое лицо женщины вновь вызвало у Джеральда представление о зародыше, мимика лица была очень выразительной, передавая впечатление от сильнейшего физического переживания, когда сознание отключается.

– Эти скульптуры довольно непристойны, – сказал Джеральд неодобрительно.

– Не знаю, – быстро пробормотал русский юноша. – Никогда не понимал значение слова «непристойность». Мне кажется, они очень хороши.

Джеральд отвернулся. В комнате висели также две современные картины, написанные в футуристической манере, стоял большой рояль. Завершала убранство вполне приличная мебель, обычная для сдаваемых лондонских домов.

Сняв шляпку и жакет, Минетта уселась на диван. Было очевидно, что она здесь давно своя, но сейчас чувствует себя не в своей тарелке, не совсем понимая свое положение. В настоящий момент она ощущала связь с Джеральдом, но не знала, как относятся к этому другие мужчины, и размышляла, как лучше вести себя в подобной ситуации. Она решила довести приключение до конца. Сейчас, в одиннадцать часов, отступить уже нельзя. Лицо ее пылало, словно в схватке, во взгляде были сомнение и одновременно сознание неизбежности происходящего.

Слуга принес чай, бутылку кюммеля и поставил поднос на столик перед диваном.

– Минетта, разлей чай, – попросил Холлидей.

Девушка не двинулась с места.

– Прошу тебя, разлей, – повторил просьбу Холлидей, предчувствуя недоброе.

– Теперь не то что раньше, – отозвалась она. – Я здесь не из-за тебя, а только потому, что меня пригласили другие.

– Дорогая Минетта, ты прекрасно знаешь, что сама себе хозяйка. Можешь пользоваться этой квартирой без всяких условий, я тебе много раз это говорил.

Ничего не ответив, она молча взяла чайник. Сидя вокруг столика, они пили чай. Девушка держалась спокойно и сдержанно, но Джеральд ощущал пробегающий между ними ток с такой силой, что перед этим отступали все условности. Его смущали ее молчание и сосредоточенность. Как к ней подступиться? И в то же время он чувствовал неизбежность грядущего, полностью доверяя этой магнетической связи. Его смущение было поверхностным: прежние представления об этикете были вытеснены; здесь каждый вел себя так, как ему хотелось, без оглядки на условности.

Беркин поднялся. Был почти час ночи.

– Пойду спать, – сказал он. – Джеральд, я позвоню тебе утром, или ты позвони мне сюда.

– Договорились, – ответил Джеральд, и Беркин вышел из комнаты.

После его ухода Холлидей, обращаясь к Джеральду, проговорил наигранно веселым голосом:

– Послушайте, почему бы вам не заночевать здесь? Оставайтесь!

– Но вы не можете приютить всех, – сказал Джеральд.

– Да нет, могу. Помимо моей здесь еще три спальни. Оставайтесь, прошу вас. Постели застелены – здесь всегда кто-нибудь остается, мне нравится, когда в доме много народу.

– Но теперь, когда приехал Руперт, свободны всего две комнаты, – произнесла Минетта холодным, враждебным голосом.

– Я знаю, – проговорил Холлидей все тем же странно веселым голосом. – И что с того? Есть еще студия...

На его лице играла глупая улыбка, он говорил увлеченно, с непонятной решимостью.

– Мы с Джулиусом можем спать в одной комнате, – предложил русский своим тихим, но отчетливо звучащим голосом. Он и Холлидей дружили еще с Итона.

– Вам будет неудобно, – сказал Джеральд, поднимаясь и потягиваясь. Он подошел к одной из картин и стал ее рассматривать. Все его члены были словно под током, а напряженная спина с дремлющим внизу огнем напоминала спину тигра. Он гордился собой.

Минетта встала. Она пронзила Холлидея презрительным, уничтожающим взглядом, вызвавшим на лице молодого человека весьма дурацкую, довольную улыбку, и вышла из комнаты, сухо пожелав всем спокойной ночи.

Пока дверь за ней не закрылась, все молчали, потом Максим произнес своим благородным голосом:

– Все хорошо.

Он со значением посмотрел на Джеральда и повторил еще раз, спокойно кивнув:

– Все хорошо, у вас все в порядке.

Джеральд глядел на его гладкое, румяное, симпатичное лицо с необычными серьезными глазами, и ему казалось, что голос молодого русского, такой тихий и благородный, звучит не в воздухе, а в самой крови.

– Значит, все в порядке, – повторил Джеральд.

– Да! Да! Все хорошо, – подтвердил русский. Холлидей молча улыбался.

Неожиданно в дверях опять возникла Минетта, выражение ее детского личика было сердитым и враждебным.

– Я знаю, что вы хотите меня выставить, – слышался ее холодный, довольно звонкий голос. – Но мне наплевать. Мне все равно, хотите вы этого или нет.

Повернувшись, она вновь удалилась. Минетта переделалась в свободный халат из красного шелка, стянутый у талии, и казалась маленьким обиженным ребенком, который не мог не вызвать жалость. И все же Джеральд почувствовал, что ее взгляд сразу же отдал его во власть некой темной силы, и это его почти испугало.

Мужчины вновь закурили, перебрасываясь фразами.

Глава седьмая. Тотем

На следующее утро Джеральд встал поздно. Он хорошо выспался. Минетта все еще спала, похожая во сне на трогательного ребенка. Свернувшись калачиком, она выглядела такой маленькой и беззащитной, что кровь молодого человека вновь закипела от неутоленной страсти, жадной алчущей жалости. Он не сводил с нее глаз. Но было жалко ее будить. Подавив проснувшееся желание, Джеральд вышел из комнаты.

Из гостиной слышались голоса – Холлидей что-то говорил Либидникову. Подойдя к двери, Джеральд, обмотанный шелковым покрывалом приятного голубого цвета с фиолетовой каймой, заглянул внутрь.

К его удивлению, сидящие у камина молодые люди были совершенно голые. Холлидей поднял глаза, вид у него был вполне довольный.

– Доброе утро, – приветствовал он Джеральда. – Вам нужны полотенца? – Он вышел голый в коридор – белое тело выглядело особенно нелепо на фоне тяжелой мебели. Вскоре он вернулся с полотенцами и принял прежнее положение, усевшись на корточки перед камином.

– Вы любите ощущать тепло огня на своей коже? – спросил он.

– Это весьма приятно, – отозвался Джеральд.

– Как, должно быть, замечательно жить в климате, где можно ходить совсем без одежды, – сказал Холлидей.

– При условии, что там не водится ничего, что жалит или кусает, – уточнил Джеральд.

– Да, это серьезная помеха, – пробормотал Максим. Джеральд взглянул на юношу и с легким отвращением увидел в нем, голом и загорелом, довольно унижительное сходство с животным. Холлидей был совсем другим. Он был красив трагической, большой красотой, сумрачной и строгой. Красота мертвого Христа на руках у Богородицы. В такой красоте нет ничего животного, только трагизм страдания. Лишь теперь Джеральд заметил, как прекрасны карие глаза Холлидея с их добрым, застенчивым и все тем же трагическим выражением. Отблеск огня падал на его довольно сутулые плечи; он сидел сгорбившись у камина с восторженным лицом – пусть оно говорило о слабости и безволии, но в нем присутствовала особая трогательная красота.

– Вы ведь бывали в жарких странах, где люди ходят нагишом, – сказал Максим.

– Правда? И где? – воскликнул Холлидей.

– В Южной Америке, на Амазонке, – ответил Джеральд.

– Это замечательно! Жить, никогда не надевая на себя ничего из одежды, – как я мечтаю об этом! Будь такое возможно, я бы считал, что жизнь удалась.

– Неужели? Что до меня, я не вижу особенной разницы, – сказал Джеральд.

– Нет, это чудесно! Не сомневаюсь, что тогда жизнь изменилась бы полностью, стала бы совсем другой, изумительной.

– Но почему? – не понимал Джеральд.

– Ну, тогда можно было бы чувствовать вещи, а не только видеть. Ощущать телом дуновение ветра, осязать вещи вокруг, а не просто видеть. Уверен, жизнь так плоха, потому что мы перегружены зрительными образами, – мы не слышим, не чувствуем, не понимаем, мы только видим. Я думаю, это в корне неправильно.

– Да, ты прав, ты прав, – согласился русский.

Джеральд перевел на того взгляд, отметив красоту смуглого тела, обильно покрытого завитками черных волос, и конечности, похожие на гладкие стебли. Юноша был здоров и красив, отчего же тогда при взгляде на него возникало чувство стыда, отчего появлялось отвращение? Почему вид его тела был неприятен Джеральду, почему оно словно унижало его? Неужели от человеческого тела большего ждать нельзя? Как банально, подумал Джеральд.

В дверях возник Беркин в белой пижаме, с полотенцем через плечо, его волосы были мокрыми. У него был отчужденный вид, он производил какое-то нереальное впечатление.

– Если нужна ванная, она свободна, – сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь. Он уже двинулся дальше, когда его окликнул Джеральд:

– Подожди, Руперт!

– Что? – Белая фигура снова появилась в дверях.

– Что ты думаешь об этой скульптуре? Я хотел бы знать, – спросил Джеральд.

Похожий на призрак Беркин подошел к вырезанной из дерева рожающей дикарке. Голое тело с выпяченным животом скрючилось в необычном положении, руки женщины сжимали поперек груди концы ремня.

– Это искусство, – сказал Беркин.

– Прекрасно, просто прекрасно, – прибавил русский.

Все подошли ближе к скульптуре. Глядя на эту группу, Джеральд видел золотистое от загара, похожее на некое водное растение тело русского; рослого Холлидея, красивого тяжелой, трагической красотой; и Беркина, на бледном лице которого не отражалось никаких эмоций. Испытывая непонятное волнение, Джеральд тоже поднял глаза и посмотрел на лицо деревянной скульптуры. И тут его сердце екнуло.

В сознание его ярко врезалось серое, с выступающей вперед челюстью лицо дикарки, угрюмое и напряженное в момент сильнейшего физического напряжения. Страшное лицо, опустошенное, осунувшееся, с которого боль стерла даже намек на мысль. Джеральд вдруг увидел в нем Минетту. Словно во сне, он узнал ее.

– Почему ты называешь это искусством? – спросил он, глубоко потрясенный и возмущенный.

– Скульптура правдива, – ответил Беркин. – Какие бы чувства она ни вызывала, скульптура предельно точно передает определенное состояние.

– Но ее не назовешь высоким искусством, – сказал Джеральд.

– Высокое искусство! До появления этой скульптуры прошли столетия, сотни столетий очень медленного эволюционного развития, это огромный прорыв в культуре своего рода.

– Какой еще культуре? – спросил Джеральд недоверчиво.

– Культуре, передающей чистое ощущение, культуре физического сознания, элементарного физического сознания, без участия разума, исключительно чувственной. И в этом своем качестве – совершенной.

Но Джеральд чувствовал себя оскорбленным. Ему хотелось сохранить некоторые иллюзии, некоторые понятия как своего рода одеяние, покров.

– Тебе нравятся аморальные вещи, Руперт, – сказал он, – те, что направлены против тебя.

– Я понимаю, но мне нравятся не только они, – ответил Беркин отходя.

После ванной Джеральд тоже вернулся в свою комнату голый. Дома он неукоснительно соблюдал все условности и потому, оказавшись на свободе, как сейчас, получал удовольствие, нарушая их. Идя по коридору с голубым шелковым покрывалом через плечо, он чувствовал себя бунтарем.

Минетту он застал еще в постели, она лежала неподвижно, и ее круглые голубые глаза были похожи на излучающие тоску стоячие озера. Джеральд видел эти мертвые бездонные озера ее глаз. Должно быть, она страдала. Ощущение ее смутной тоски оживило прежнее пламя, жгучую жалость, страсть, граничащую с жестокостью.

– Вижу, ты уже проснулась, – сказал он ей.

– Который час? – послышался тихий голос.

Казалось, она отхлынула, словно вода, увидев, что он приближается, и беспомощно зарылась в подушки. Ее взгляд изнасилованной рабыни, чье назначение в том, чтобы ее и дальше подвергали насилию, заставил его задрожать от острого, сладостного ощущения. В конце кон-

цов, здесь все решала его воля, женщина была всего лишь пассивным инструментом. Джеральд чувствовал в теле легкое покалывание. Но он знал, что должен уйти от нее, что им нужно расстаться по-хорошему.

Завтрак прошел тихо и благопристойно, все четверо мужчин после ванны блестели чистотой. Джеральд и русский и по внешнему виду, и по манерам были совершенно *comme il faut*¹⁴. Беркин выглядел бледным и болезненным, все его старания быть одетым не хуже Джеральда или Максима с треском провалились. Холлидей надел твидовый костюм, зеленую фланелевую рубашку и повязал что-то вроде галстука. Араб внес поднос с множеством тостов, выглядя – до смешного – точно так же, как и вчера вечером.

К концу завтрака объявилась Минетта, закутанная в алое шелковое покрывало, с блестящим ремешком на талии. Она немного приободрилась, но все еще была тиха и молчалива. Для нее было мучительно отвечать на вопросы. Ее лицо казалось маленькой изящной маской, печальной, несущей печать невольного страдания. Близился полдень. Джеральд поднялся, чтобы отправиться по своим делам. Он был рад отлучиться. Но на этом дело не кончилось. Вечером Джеральд встретился с ними вновь, они пообедали вместе, а потом он для всех, за исключением Беркина, заказал места за столиками в мюзик-холле.

Домой они вновь вернулись поздно, изрядно раскрасневшиеся от вина, как и предыдущим вечером. И вновь араб, который неизменно исчезал между десятью и двенадцатью часами, молча, с непроницаемым лицом, внес чай, согнувшись и двигаясь медленно и мягко, как леопард, и поставил поднос на стол. Его лицо по-прежнему казалось аристократическим, кожа имела сероватый оттенок; он был молод и красив. Однако, глядя на него, Беркин испытал легкую тошноту: серый цвет вызвал у него представление о трупном разложении, а якобы аристократическая непроницаемость слуги говорила всего лишь о животной глупости.

Вновь завязался откровенный, пылкий разговор. Но на этот раз компания разваливалась на глазах. Беркин кипел от раздражения, Холлидей воспылил яркой ненавистью к Джеральду, Минетта была сурова и тверда, как камень, и Холлидей не знал, как ей угодить. Она явно намеревалась взять над ним верх, полностью лишить воли.

Утром все они вновь слонялись по квартире и бездельничали. Но теперь Джеральд отчетливо ощущал непонятную враждебность к себе, пробудившую в нем упрямство и потребность в противостоянии. Он задержался еще на два дня. В результате на четвертый вечер у него произошла бурная и отвратительная стычка с Холлидеем. Тот с нелепой злобой набросился на Джеральда в кафе. Разразился скандал. Джеральд с трудом удержался, чтобы не влечь Холлидею пощечину, но потом вдруг почувствовал прилив отвращения и равнодушия. И тогда он ушел, оставив Холлидея в состоянии глупого ликования по случаю одержанной победы, Минетту, укрепившую свое положение, и Максима, сохранявшего нейтралитет. Беркина с ними не было: он уже покинул город.

Самолюбие Джеральда было уязвлено тем, что он ушел, не дав денег Минетте. Он, конечно, не мог знать, нуждается она в них или нет. Но, возможно, девушка была бы рада получить фунтов десять, да и ему это доставило бы большое удовольствие. Сейчас же он оказался в щекотливом положении. Он шел, покусывая губы и почти жуя кончики коротко подстриженных усов. Джеральд понимал, что Минетта с радостью избавилась от него. Она вернула себе того, кого желала, – Холлидея. Ей хотелось, чтобы он был целиком в ее власти. Тогда она могла бы выйти за него замуж. Она хотела видеть его своим мужем и добивалась этого как могла. О Джеральде она не хотела больше слышать – разве только если окажется в трудном положении и ей понадобится помощь: ведь Джеральд был в ее представлении настоящим мужчиной, все же остальные – Холлидей, Либибников, Беркин и прочее богемное окружение – были мужчинами

¹⁴ Безукоризненный (*фр.*).

наполовину. Но только с такими она могла иметь дело. С ними она чувствовала себя уверенно. А настоящие мужчины, вроде Джеральда, быстро ставили ее на место.

И все же она уважала Джеральда и восхищалась им. Она разузнала его адрес, чтобы в случае необходимости обратиться за помощью. Минетта знала, что он хотел дать ей денег. Если придет черный день, она напишет ему письмо.

Глава восьмая. Бредэлби

Построенный в георгианском стиле, с коринфскими колоннами, Бредэлби стоял среди нежно-зеленых холмов Дербишира, недалеко от Кромфорда. Дом выходил на лужайку с подстриженной травой, на ней росли редкие деревья, ниже, в глубине тихого парка, тянулись – один за другим – рыбоводные пруды. За домом, в рощице стояли конюшни, там же были разбиты сад и огород, а дальше начинался настоящий лес.

Это тихое местечко располагалось в нескольких милях от большой дороги, в стороне от Дервент-Вэлли и местных достопримечательностей. Как и много лет назад, дом все так же молчаливо смотрел на парк, сверкая позолотой отделки.

С недавних пор Гермиона подолгу жила в этом доме. Она с удовольствием сбегала из Лондона или Оксфорда в деревенскую глушь. Ее отец по большей части находился за границей, и Гермиона обычно жила в доме со своими гостями, которые здесь никогда не переводились, или с братом, членом парламента от либеральной партии и холостяком. Когда не было парламентских заседаний, он всегда приезжал сюда, и многим казалось, что он вообще безвылазно здесь живет, хотя на самом деле в отношении рабочих обязанностей он был очень щепетилен.

Лето еще только вступало в свои права, когда Урсула и Гудрун второй раз приехали в гости к Гермионе. Въехав в парк на автомобиле, они залюбовались лежащими в молчании прудами и колоннадой дома, который, стоя в окружении деревьев на склоне холма, весь залитый солнцем, казался, сошел со старинной английской гравюры. По зеленой лужайке двигались маленькие фигурки – это женщины в желтых и бледно-лиловых платьях шли, чтобы укрыться в тени огромного раскидистого кедра.

– Разве он не прекрасен?! – сказала Гудрун. – Он так же совершенен, как старинная акватинта. – В ее голосе звучало нечто похожее на возмущение, как будто это признание она делала против воли.

– Тебе он нравится? – спросила Урсула.

– Не то чтобы нравится, просто я считаю, что в своем роде он совершенен.

Сестры не заметили, как автомобиль, мигом спустившись с одного холма, въехал на тот, где стоял дом, и подкатил к боковой двери. Появилась горничная, а за ней и Гермиона, которая тут же направилась к ним, запрокинув голову и простерши руки. Она заговорила нараспев:

– А вот и вы! Как я рада тебя видеть! – Она поцеловала Гудрун. – И тебя! – Расцеловав Урсулу, она продолжала держать девушку в объятиях. – Очень устала?

– Совсем не устала, – сказала Урсула.

– А ты, Гудрун?

– Тоже нет, спасибо.

– Не-ет, – протянула Гермиона. Она стояла, глядя на девушек, которые испытывали смущение из-за того, что Гермиона не торопилась ввести их в дом, а продолжала разыгрывать сцену встречи прямо на дороге. Слуги терпеливо ждали.

– Прощу, – произнесла наконец Гермиона, досконально рассмотрев обеих девушек. Гудрун и на этот раз показалась ей привлекательней и красивее сестры – Урсула была более земной и женственной. Ее восхитила и одежда Гудрун. Поверх платья из зеленого поплина та надела свободный жакет в широкую бледно-зеленую и темно-коричневую полосу. Шляпку из светло-зеленой (цвета свежескошенной травы) соломки украшала лента, сплетенная из черной и оранжевой тесьмы; чулки были темно-зеленые, туфли черные. Хороший наряд – модный и в то же время оригинальный. Более обычен был темно-синий костюм Урсулы, хотя выглядела она тоже очаровательно.

Сама Гермиона была в красновато-лиловом шелковом платье, коралловые бусы и кораллового цвета чулки дополняли ее туалет. Однако платье было поношенным, несвежим и, можно сказать, просто грязным.

– Хотите сразу пройти в свои комнаты? Хорошо. Тогда идите за мной.

Оставшись одна в комнате, Урсула почувствовала огромное облегчение. Гермиона долго не оставляла их в покое, подробно все объясняя. Разговаривая, она стояла очень близко к собеседнику, почти прижимаясь, что стесняло физически и угнетало морально. Похоже, она всем мешала заниматься своими делами.

Обед подали на лужайке, под огромным кедром, толстые почерневшие ветви дерева почти касались земли. За столом сидело несколько человек – молодая, стройная, хорошо одетая итальянка; мисс Брэдли, тоже молодая, спортивного вида; тощий баронет лет пятидесяти, энциклопедически образованный, все время отпускавший шуточки, над которыми первый же и смеялся громким, грубоватым смехом; Руперт Беркин; и женщина-секретарь, фройляйн Марц – молодая, стройная и хорошенькая.

Все было очень вкусно. Гудрун, которой трудно было угодить, по достоинству оценила еду. Урсуле же нравилось все – покрытый белой скатертью стол под кедром, аромат солнечного дня, вид на зеленеющий парк, где вдалеке мирно паслись олени. Казалось, этот уголок земли заключен в магический круг, вырван из мирской суеты, здесь запечатлелось восхитительное, бесценное прошлое, деревья, олени и сонная тишина.

Однако на душе у Урсулы было невесело. Разговор за столом напоминал перестрелку, частые остроты и каламбуры только подчеркивали нравоучительность реплик, хотя по замыслу должны были придать легкость критическому в целом разговору, который не бил ключом, а скорее вяло струился.

Все это умствование было чрезвычайно утомительным. Только пожилой социолог, чья мозговая ткань изрядно поизносилась и не отличалась особенной чувствительностью, был полностью счастлив. Беркин сидел как в воду опущенный. Гермиона с поразительным постоянством высмеивала его, стараясь унизить в глазах остальных. И удивительнее всего – это, похоже, удавалось: перед ней Беркин был беспомощен. Его можно было принять за полное ничтожество. Урсула и Гудрун почти все время молчали, слушая речи Гермионы, произносимые медленно и нараспев, остроты сэра Джошуа, болтовню фройляйн Марц и замечания двух других женщин.

Обед закончился. Кофе тоже подали на свежем воздухе. Все вышли из-за стола и расположились в шезлонгах – кто на солнце, кто в тени. Фройляйн ушла в дом, Гермиона взяла в руки вышивание, юная графиня углубилась в книгу, мисс Брэдли плела корзинку из травы, и так, неспешно работая и ведя неторопливый и даже в какой-то степени интеллектуальный разговор, они проводили на лужайке этот восхитительный день только что начавшегося лета.

Неожиданно раздался звук тормозов. Хлопнула дверца автомобиля.

– Это Солси, – послышался голос Гермионы, ее забавная певучая интонация. Отложив рукоделье, она встала и пошла по лужайке, скрывшись за кустами.

– Кто это? – поинтересовалась Гудрун.

– Мистер Роддайс, брат мисс Роддайс. Думаю, это он, – сказал сэр Джошуа.

– Да, Солси – ее брат, – подтвердила маленькая графиня, оторвавшись на секунду от чтения только для того, чтобы подтвердить эту информацию на своем слегка гортанном английском.

Все выжидали. И тут из-за кустов показалась высокая фигура Александра Роддайса, он шел к ним широким шагом, как романтический герой Мередита, вызывающий в памяти Дизраэли. Тепло со всеми поздоровавшись, он тут же взял на себя обязанности хозяина, легко и непринужденно оказывая знаки внимания гостям Гермионы. Он только что приехал из Лондона, прямо из парламента. На лужайке на какое-то время воцарилась атмосфера палаты

общин: министр внутренних дел сказал то-то, а он, Роддайс, думал то-то, о чем не преминул сказать премьер-министру.

Но вот из-за кустов появилась Гермиона с Джеральдом Кричем – тот приехал с Александром. Познакомив Джеральда со всеми, она дала ему немного покрасоваться в обществе, а потом усадила с собой. Очевидно, он был сейчас ее особым гостем.

В Кабинете министров наметился раскол; министр образования подвергся суровой критике и был вынужден подать в отставку. Это стало отправной точкой для разговора об образовании.

– Несомненно, – начала Гермиона, экстатически вознося глаза к небу, – единственной причиной, единственным оправданием образования может быть лишь радость от обретения чистого знания, от наслаждения его красотой. – Она замолкла, обдумывая еще не до конца созревшую мысль, затем продолжила: – Профессиональное образование – уже не образование, а его смерть.

Радуюсь возможности поспорить, Джеральд ринулся в бой.

– Не всегда так, – сказал он. – Разве образование не похоже на гимнастику, разве его целью не является получение натренированного, живого, активного интеллекта?

– Так же, как цель атлетики – здоровое послушное тело, – воскликнула, искренне соглашаясь с Джеральдом, мисс Брэдли.

Гудрун посмотрела на нее с отвращением.

– Ну, не знаю, – протянула Гермиона. – Лично для меня наслаждение от познания так велико, так восхитительно – ничто не может с этим сравниться, уверена, ничто.

– Познания чего, Гермиона? Приведи пример, – попросил Александр.

Гермиона вновь воздела глаза и завела ту же песню:

– М-мм... даже не знаю... Ну, взять хотя бы науку о звездах. Пришло время, когда я что-то о них поняла. Это так возвышает, так раскрепощает...

Беркин метнул в ее сторону испепеляющий взгляд.

– А тебе-то это зачем? – насмешливо поинтересовался он. – Ты ведь не стремишься к свободе.

Оскорбленная Гермиона отшатнулась от него.

– Знание действительно словно раздвигает пространство. Такое ощущение, будто стоишь на вершине горы и видишь оттуда Тихий океан, – сказал Джеральд.

– Застыв в молчанье на горе Дарьен, – пробормотала итальянка, отрывая глаза от книги.

– Не обязательно там, – возразил Джеральд. Урсула рассмеялась.

Когда все затихли, Гермиона продолжала как ни в чем не бывало:

– Знание – величайшая вещь на свете. Только это делает человека по-настоящему счастливым и свободным.

– Да, знание – это свобода, – согласился Мэттесон.

– Употребляемая в виде таблеток, – отозвался Беркин, глядя на плюгавого, сухонького баронета. Знаменитый социолог вдруг представился Гудрун аптечным пузырьком с таблетками спрессованной свободы. Зрелище позабавило ее. Теперь именно таким сэр Джошуа останется в ее памяти.

– Что ты хочешь этим сказать, Руперт? – спросила Гермиона с невозмутимым высокомерием.

– Строго говоря, знать мы можем только то, что уже свершилось и осталось в прошлом, – ответил он. – Это все равно что хранить прошлогоднюю свободу в баночках из-под крыжовенного варенья.

– Почему вы считаете, что можно знать только прошлое? – язвительно спросил баронет. – Разве закон всемирного притяжения распространяется на одно лишь прошлое?

– Да, – сказал Беркин.

– В моей книге есть очаровательное местечко, – неожиданно заговорила маленькая итальянка. – Герой подходит к двери и выбрасывает свои глаза на улицу.

Все рассмеялись. Мисс Брэдли подошла к графине и заглянула через ее плечо в книгу.

– Вот посмотрите! – сказала графиня.

– «Базаров подошел к двери и торопливо бросил глаза на улицу», – прочитала она.

Вновь раздался взрыв хохота, особенно отчетливо звучал смех баронета, – он напоминал грохот падающих камней.

– Что это за книга? – тут же спросил Александр.

– «Отцы и дети» Тургенева, – ответила маленькая иностранка, отчетливо произнося каждый звук. Чтобы не ошибиться, она еще раз взглянула на обложку.

– Старое американское издание, – заметил Беркин.

– Ну конечно же, перевод с французского, – сказал Александр хорошо поставленным голосом. – «Bazarov ouvra la porte et jeta les yeux dans la rue»¹⁵.

Он обвел веселым взглядом гостей.

– Интересно, откуда взялось «торопливо», – поинтересовалась Урсула.

Все стали гадать.

Тут, к всеобщему изумлению, служанка принесла большой поднос с чаем. Как быстро пролетел день! После чая все собрались на прогулку.

– Хотите пойти погулять? – спрашивала Гермиона каждого поочередно. Все согласились, ощущая себя заключенными, которых выводят на прогулку. Отказался только Беркин.

– Пойдешь с нами, Руперт?

– Нет, Гермиона.

– Ты уверен?

– Абсолютно, – ответил он после секундного колебания.

– Но почему? – протянула Гермиона. Ей отказали даже в такой малости, и от этого кровь вскипела в жилах. Она хотела, чтобы все во главе с ней пошли в парк.

– Не люблю ходить в стаде, – ответил Беркин.

У Гермионы перехватило горло, но она собралась с духом и произнесла с нарочитым спокойствием:

– Ну что ж, раз малыш дуется, оставим его дома.

Гермиона произнесла эту колкость с веселым видом, однако ее слова не произвели на Беркина особого впечатления – он просто стал держаться еще отчужденнее.

Направившись к остальным гостям, она обернулась, помахала ему платком и со смехом проговорила нараспев:

– До свидания, до свидания, малыш.

– До свидания, злобная карга, – сказал он про себя.

Гости пошли в парк. Гермионе хотелось показать дикие нарциссы, растущие на склоне холма. «Сюда, сюда», – напевно и неторопливо звучал ее голос. Всем вменялось в обязанность следовать за ней. Нарциссы были прелестные, но никто не обратил на них внимания. К этому времени Урсула кипела от возмущения, ее бесила сама атмосфера приема. Гудрун наблюдала и фиксировала все ироничным и бесстрастным взглядом.

Они видели пугливого оленя; Гермиона говорила с ним так, будто он юноша, которого она хочет обольстить. То был самец, поэтому ей надо было показать свою власть над ним. Возвращались гости через пруды, что дало Гермионе повод рассказать о ссоре двух лебедей из-за дамы. Она заливалась смехом, вспоминая, как отвергнутый влюбленный сидел на берегу, спрятав голову под крылом.

¹⁵ Базаров открыл дверь и посмотрел на улицу (дословно, *фр.*).

Когда они подошли к дому, Гермiona, стоя на лужайке, прокричала необычно резким и громким голосом:

– Руперт! Руперт! – Первый слог звучал высоко и протяжно, второй резко падал вниз. – Ру-у-у-перт!

Никто не отзывался. Вышла служанка.

– Где мистер Беркин, Элис? – нежным, слабым голосом спросила Гермiona. Но какая же сильная, почти бешеная воля скрывалась под этим нежным голосом!

– Думаю, в своей комнате, мадам.

– Вот как?

Гермiona неспешно поднялась по лестнице и пошла по коридору, протяжно и пронзительно выкрикивая:

– Ру-у-уперт! Ру-у-уперт! – Она остановилась у дверей его комнаты и постучала, не переставая звать: – Ру-уперт!

– Да, – отозвался он наконец.

– Что ты делаешь? – Голос ее звучал мягко и заинтересованно.

Ответа не последовало. Но дверь открыли.

– Мы вернулись, – сообщила Гермiona. – Нарциссы прекрасны.

– Да, – согласился он. – Я их видел.

Гермiona посмотрела на него долгим, плывущим, лишенным всяких эмоций взглядом.

– Видел? – повторила она с вопросительной интонацией, не сводя с Беркина глаз. Их стычка возбудила ее, придала сил, она увидела в мужчине капризного, беспомощного мальчика, который, попав в Бредэлби, полностью оказался в ее власти. Однако в глубине души Гермiona предчувствовала близость разрыва, и это подсознательно рождало в ней неудержимую ненависть.

– Чем ты занимался? – повторила Гермiona все тем же мягким и безразличным голосом. Беркин не ответил, и она почти машинально шагнула в комнату. Оказывается, он принес из будуара китайский рисунок, изображающий гуся, и копировал его умело и талантливо.

– Так ты делаешь копию? – сказала она, стоя у стола и глядя на работу. – Отлично получается! Значит, тебе нравится этот рисунок?

– Он просто великолепен, – подтвердил Беркин.

– Ты так считаешь? Приятно слышать – ведь он мне тоже нравится. Это подарок китайского посла.

– Знаю, – сказал Беркин.

– Но зачем заниматься копированием? – небрежно спросила Гермiona, растягивая слова. – Можно нарисовать и что-то свое.

– Мне хотелось глубже погрузиться в рисунок, – ответил Беркин. – Делая с него копию, о Китае поймешь больше, чем из всех книг о нем, вместе взятых.

– И что же ты понял?

Гермiona сразу же встрепенулась, ей страстно хотелось вытянуть из Беркина все его тайны. Она должна их знать. Пусть это желание тирана, наваждение, но она не могла не знать того, что знал он. Некоторое время Беркин хранил молчание, ему мучительно не хотелось отвечать, но, уступая нажиму, он все же заговорил:

– Я постигаю жизненно важные для них вещи, то, что они ощущают и чувствуют, – жаркое, волнующее присутствие гуся в холодной и мутной воде, его горячую, жгучую кровь, смешивающуюся с их кровью и обжигающую ее порочным пламенем – пламенем холодного огня, тайной лотоса.

Гермiona смотрела на него. Ее взгляд из-под тяжелых, набрякших век и бледные впалые щеки производили странное впечатление, будто она накачалась наркотиками. Тощая грудь судорожно вздымалась. Но Беркин выдержал этот взгляд все с тем же ужасающим спокой-

ствием. Болезненно содрогнувшись, она отвернулась, почувствовав, как что-то неприятное зарождается в ее теле, словно ее сейчас вырвет. И все потому, что она не могла уразуметь смысл его слов, Беркин застиг ее врасплох и победил, применив некое хитроумное, тайное оружие.

– Да, – сказала Гермiona, сама не понимая, что говорит. – Да, – повторила она, сглатывая и пытаясь собраться с мыслями. Но ей это не удавалось, мысли путались, она чувствовала себя глупой. Даже если бы она напрягла всю свою волю, это не помогло бы. Она испытывала ужас от переживаемого состояния – в ней все словно порушилось. А он стоял и смотрел, не сопереживая ей. Пошатываясь, Гермiona вышла из комнаты бледная как смерть, как человек, одержимый бесами. Она была похожа на труп, чьи связи с внешним миром оборвались. Как жесток и мстителен Беркин!

К обеду Гермiona вышла загадочная и мрачная, глаза ее пылали темным огнем. Она надела обтягивающее фигуру платье из тяжелой старинной парчи зеленоватого цвета и от этого стала казаться выше ростом. Вид у нее был зловещий. В ярко освещенной гостиной она являла собой тягостное и жутковатое зрелище, но в полумраке столовой, сидя с негнушейся спиной за столом, на котором стояли свечи с абажурчиками, она производила не столько страшное, сколько внушительное впечатление. Гермiona рассеянно следила за беседой и так же рассеянно выполняла обязанности хозяйки.

За столом собралась веселая и внешне экстравагантная компания. Все, за исключением Беркина и Джошуа Мэттесона, были в вечерних туалетах. Платье маленькой итальянской графини из оранжево-золотой ткани с черным бархатом ниспадало мягкими, свободными складками. Изумрудно-зеленый наряд Гудрун был отделан оригинальным кружевом, Урсула надела желтое платье с серебристо-стальным чехлом поверх него; мисс Брэдли использовала в одежде сочетания серого, малинового и черного; фройляйн Марц была в бледно-голубом. Внезапно Гермionу пронзило острое наслаждение от созерцания при свечах таких сочных и ярких цветов. Вокруг стоял непрекращающийся гул голосов, особенно отчетливо звучал голос Джошуа, слышались частые взрывы женского смеха и ответные реплики. Для Гермiony эти разговоры проходили как бы стороной, они создавали нечто вроде фона, вместе с пиршеством цвета, белой скатертью, тенями у потолка и пола. Она, казалось, погрузилась в блаженный экстаз, переживая минуты истинного наслаждения, и в то же время чувствовала себя не в своей тарелке, словно оказалась призраком в веселом кругу гостей. Сама она почти не участвовала в беседе, однако все слышала и понимала.

Забыв об этикете, гости дружно и непринужденно, словно были одной семьей, перешли в гостиную. Фройляйн разлила кофе, все курили сигареты или длинные трубки из белой глины, заготовленные заранее в достаточном количестве.

– Что будете курить, сигареты или трубку? – любезно спрашивала фройляйн.

В уютной, мягко освещенной гостиной гости полукругом уселись у мраморного камина, где потрескивали тлеющие дрова: сэр Джошуа, словно пришедший из восемнадцатого века; Джеральд – всем довольный молодой и красивый англичанин; рослый и представительный Александр – демократичный и здравый политик; высокая Гермiona, напоминающая своей загадочностью Кассандру, и прочие женщины, чьи одежды переливались всеми цветами радуги.

Разговор сбивался то на политику, то на социологию, оставаясь всегда интересным, с пикантным анархическим привкусом. В комнате скопилась мощная и разрушительная энергетика. Урсуле казалось, что все здесь ведьмы и колдуны, готовящие на огне зелье. В этой волнующей атмосфере была сладкая отравка, губительная для непривычных к ней людей, – они испытывали мощную интеллектуальную атаку – разрушительную и всепоглощающую, она исходила от Джошуа, Гермiony и Беркина и захватывала всех остальных.

Однако на Гермionу все чаще накатывали слабость и пугающая тошнота. Разговор вдруг оборвался, словно подчиняясь ее бессознательной, но сокрушительной воле.

– Солси, сыграй нам что-нибудь, – попросила Гермiona, окончательно переломив ситуацию. – Может, кто-нибудь потанцует? Гудрун, ты ведь будешь? Ну пожалуйста. Мне бы этого хотелось. *Anche tu, Palestra, ballerai? Sì, per piacere*¹⁶. И ты, Урсула.

Гермиона встала и неспешно потянула за расшитый золотом шнур, висящий рядом с камином, некоторое время она удерживала его, потом резко отпустила. Она была похожа на жирицу в состоянии глубокого транса.

Вошла служанка с охапкой платьев, шалей и шарфов – почти все в восточном стиле, такие вещи Гермiona с ее пристрастием к красивой и экстравагантной одежде постоянно коллекционировала.

– Будут танцевать три женщины, – объявила она.

– А что они будут танцевать? – спросил Александр, проворно вставая.

– *Vergini delle Rocchette*¹⁷, – мигом ответила графиня.

– Они такие вялые, – сказала Урсула.

– Можно изобразить трех ведьм из «Макбета», – предложила фройляйн.

В конце концов сошлись на истории Ноемини, Руфи и Орфы. Урсуле отдали роль Ноемини, Гудрун – Руфи, графине – Орфы. Решено было импровизировать в стиле русского балета Павловой и Нижинского.

Графиня подготовилась раньше остальных, Александр сел за рояль, остальные потеснились, освобождая место. Орфа, в великолепном восточном наряде, начала исполнять медленный танец, изображая горе от потери супруга. К ней присоединилась Руфь, и теперь они обе плакали и сокрушались. Затем Ноемини пришла утешать их. Женщины не произносили ни звука, они изывали свои чувства в жестах и движении. Эта маленькая драма длилась четверть часа.

Урсула была великолепной Ноемини. Все ее близкие мужчины умерли, ей оставалось только пребывать в одиночестве, не терять присутствия духа и ничего не требовать от судьбы. Любящая женщин Руфь привязалась к ней. Орфа же, живая, чувственная и ловкая, став вдовой, вернется к прежней жизни, начнет все сначала. Взаимоотношения женщин танцовщицы изображали естественно, но эти отношения были довольно пугающими. Было странно видеть, как Гудрун надрывно, в отчаянии льнет к свекрови и в то же время злорадно насмехается над ней, как Урсула молча смиряется с неизбежным, не в силах что-нибудь изменить в лучшую сторону для себя или для невестки, но в этом смирении было нечто зловещее и упорное, вступающее в противоречие с ее горем.

Гермиона получала удовольствие, созерцая графиню, ее быстрые и точные движения маленького хищного зверька; Гудрун, пылко и коварно льнущую к Ноемини, которую танцевала ее сестра; и Урсулу с ее зловещей беспомощностью, будто на нее давил, не отпуская, тяжелый груз.

– Великолепно, – дружно закричали все.

Но у Гермiony, узнавшей то, что не было известно ей прежде, сжалось сердце. Она потребовала, чтобы танцы продолжались, и ее настойчивость привела к тому, что графиня и Беркин исполнили комический танец под звуки «Мальбука».

Джеральда взволновал вид льнущей к Ноемини Гудрун. Сущность этой женщины, затаенные дерзость и насмешка будоражили его кровь. Ему не удавалось забыть ее танец – бремя забот, которое она принимала на себя любовно, отважно и в то же время насмешливо. Беркин же, следящий за происходящим, как рак-отшельник из норки, отметил прекрасно переданные Урсулой отчаяние и беспомощность Ноемини. В Урсуле чувствовалась богатая натура, неисчерпаемая, таящая опасность мощь. Она, как девушка-подросток, ничего не знала о своей

¹⁶ И ты, Палестра, ведь потанцуешь? Ну пожалуйста! (*ит.*)

¹⁷ Девы из Роккети (*ит.*).

яркой, всепокоряющей женственности. Беркина бессознательно влекло к ней. Она была его будущим.

Александр заиграл что-то венгерское, и все принялись танцевать, охваченные внезапным азартом. Джеральд получал удовольствие от движения, стараясь держаться ближе к Гудрун; в его обретенной свободе теле бурлила сила, однако ноги не могли перестроиться на новый лад и позабыть о вальсе и тустепе. Он еще не умел танцевать современные танцы с конвульсивными ритмами, вроде рэгтайма, но хотел попытаться. Что до Беркина, то он, освободившись в танце от тяжести, которую он испытывал среди чужих ему по духу людей, отплясывал лихо и весело. И как же ненавидела его Гермiona за эту безоглядную веселость!

– Теперь мне ясно, – восхищенно воскликнула графиня, глядя, как он задорно танцует. – Мистер Беркин подобен оборотню.

Гермиона пристально взглянула на нее и пожала плечами, понимая, что только иностранка могла это заметить и сказать вслух.

– Cosa vuol dire Palestra?¹⁸ – произнесла она нараспев.

– Взгляни сама, – сказала графиня на итальянском. – Он не мужчина, он хамелеон, существо, постоянно меняющее свое обличье.

«Он не мужчина, не один из нас, он ненадежный», – промелькнуло в голове у Гермiony. Душа ее содрогнулась, не в силах вынести темного подчинения этому мужчине, ведь он способен отключаться, существовать отдельно, а все потому, что он непоследовательный, не мужчина, а нечто меньшее. В ее ненависти к нему было отчаяние, оно надрывало душу, разрушало, она словно разлагалась, как труп, не чувствуя ничего, кроме этого тошнотворного состояния распада, свершавшегося в ее душе и теле.

Дом был переполнен, и потому Джеральду отвели маленькую комнату, а точнее, гардеробную, примыкавшую к спальне Беркина. Когда все, взяв свечи, пошли наверх, где свет горел вполне адекватно, Гермiona увела Урсалу в свою комнату поболтать. В большой, необычно обставленной спальне Урсала чувствовала себя скованно. Казалось, Гермiona отчаянно молила ее о чем-то, не высказывая, однако, открыто своей просьбы. Они рассматривали шелковые индийские ночные рубашки, яркие и сексуальные, любовались кроєм, их изощренным, почти безнравственным великолепием. Гермiona почти вплотную подошла к Урсале, грудь ее трепетала, и Урсалу охватила паника. Взгляд измученных, ввалившихся глаз остановился на лице Урсалы, и Гермiona увидела на нем страх, все то же свидетельство надвигающейся катастрофы. Урсала взяла в руки рубашку насыщенного алого и синего цветов, сшитую для четырнадцатилетней княжны, и машинально воскликнула:

– Разве это не чудо? Кто еще осмелился бы совместить два таких ярких цвета?

Вошла горничная Гермiony, и охваченная страхом Урсала, повинувшись порыву, поспешила удалиться.

Беркин сразу пошел спать. Его тянуло ко сну, он чувствовал себя счастливым. После танцев он пребывал в блаженном состоянии. Однако Джеральду не терпелось поговорить с ним. Не снимая фрака, он сел на краешек постели и стал задавать вопросы.

– Откуда взялись эти сестры Брэнгуэн? – первым делом спросил он.

– Они живут в Бельдове.

– В Бельдове? Но кто они такие?

– Учителя.

Последовало молчание.

– Вот оно что! – воскликнул наконец Джеральд. – То-то мне показалось, что я видел их раньше.

– Ты разочарован? – спросил Беркин.

¹⁸ О чем ты? (ит.)

– Разочарован? Я? Конечно, нет, но как Гермиона решилась их пригласить?
– Она познакомилась в Лондоне с Гудрун – той сестрой, что моложе, у нее более темные волосы, – она художница, занимается скульптурой и моделированием.
– Выходит, учительницей работает только другая сестра?
– Нет, обе. Гудрун ведет рисование, а Урсула классная дама.
– А кто у них отец?
– Преподает основы трудовой деятельности.
– Да ну!
– Классовые барьеры, как видишь, рушатся!
Джеральду всегда становилось не по себе, когда Беркин принимал подобный насмешливый тон.

– Значит, отец этих девиц учитель труда? Но что мне до того?

Беркин рассмеялся. Джеральд смотрел на его смеющееся лицо, сохранявшее, однако, горькое и одновременно равнодушное выражение, и сидел, не чувствуя в себе сил встать и уйти.

– Не думаю, что Гудрун здесь надолго задержится. Она непоседа, неделя-другая – и наша птичка улетит, – сказал Беркин.

– И куда же?

– Кто знает? В Лондон, Париж, Рим. Гудрун может очутиться в Дамаске или Сан-Франциско – она ведь райская птичка. Непонятно, как она оказалась в Бельдове. Что-то из области снов, в них плохое – к хорошему, и наоборот.

Джеральд задумался.

– Откуда ты так хорошо ее знаешь? – спросил он.

– Я познакомился с ней в Лондоне, – ответил Беркин, – в компании Алджернона Стрейнджа. Даже если она не знакома с Минеттой, Либидниковым и остальными, то знает о них понаслышке. Гудрун не совсем их круга – более светская, что ли. Я знаком с ней уже года два.

– Значит, она зарабатывает не только преподаванием? – поинтересовался Джеральд.

– Нерегулярно. Продает свои работы. У нее есть кое-какая *réclame*¹⁹.

– И за какие деньги?

– От гинеи до десяти.

– Ее работы хороши? Что они собой представляют?

– Некоторые, на мой взгляд, просто великолепны. Те две трясогузки, вырезанные из дерева и раскрашенные, что ты видел в будуаре Гермионы, вышли из ее рук.

– А я думал, это тоже дикарская штучка.

– Нет, трясогузок вырезала она. Все ее поделки – зверюшки, птицы, человечки – странные, хоть и в обычной одежде, – просто прелесть! Во всех есть неуловимое своеобразие.

– И что, со временем она может стать известной художницей? – задумчиво произнес Джеральд.

– Может. Хотя я так не думаю. Если она увлечется чем-то другим, то бросит искусство. Своенравный, противоречивый характер мешает ей отнестись к своему дару серьезно, она не хочет уходить с головой в искусство, боится потерять себя. Впрочем, себя она никогда не потеряет – слишком силен в ней инстинкт самосохранения. Это как раз и не нравится мне в женщинах такого типа. Кстати, как сложились твои отношения с Минеттой после моего отъезда? Я ничего об этом не знаю.

– Хуже не бывает. Холлидей вдруг стал совершенно невыносимым. Я еле сдержался, чтобы не всыпать ему как следует.

Беркин помолчал.

¹⁹ Известность, реклама (*фр.*).

– Джулиус в каком-то смысле безумен. Он помешан на религии и в то же время очарован пороком. То он прислужник Христа, омывающий Ему ноги, то живописец, рисующий непристойные картинки с изображениями Иисуса, – действие и противодействие, и никакой золотой середины. Джулиус действительно не в своем уме. Он мечтает о чистой лилии, о девушке с боттичеллиевским ликом, но одновременно ему необходима Минетта, чтобы осквернить себя, вываляться с ней в грязи.

– Вот этого я не понимаю, – сказал Джеральд. – Любит он Минетту или нет?

– Не то и не другое. Для него она просто шлюха, похотливая потаскушка. Он испытывает непреодолимое желание слиться с ней, окунувшись в ту же грязь. А затем приходит в себя и взывает к чистой лилии, девушке с детским личиком, получая от этого контраста удовольствие. Старая песня: действие и противодействие – и ничего между ними.

– Не думаю, что он так уж не прав в отношении Минетты, – проговорил Джеральд, немного помолчав. – Мне она показалась довольно непотребной.

– А я было решил, что она тебе понравилась, – воскликнул Беркин. – Со своей стороны, я всегда чувствовал к ней симпатию. Но у меня, по правде говоря, никогда с ней ничего не было.

– Первые два дня она мне нравилась, не скрою, – сказал Джеральд. – Но уже через неделю меня бы от нее воротило. У женщин такого сорта кожа как-то особенно пахнет, поначалу это приятно, а потом начинает тошнить.

– Понимаю, – произнес Беркин и несколько раздраженно прибавил: – Давай спать, Джеральд. Уже поздно.

Джеральд взглянул на часы, неспешно поднялся и направился в свою комнату. Однако через несколько минут вернулся – уже в одной рубашке.

– И последнее, – сказал он, снова присаживаясь на кровать. – Наше расставание было довольно бурным, и у меня не было времени на то, чтобы как-то отблагодарить Минетту.

– Ты имеешь в виду деньги? – спросил Беркин. – Пусть это тебя не беспокоит. Все, что ей нужно, она получит от Холлидея или от других друзей.

– И все же я предпочел бы расплатиться и покончить с этим, – сказал Джеральд.

– Она об этом и не думает.

– Возможно. Однако по счету не уплачено, надо это сделать.

– Ты этого хочешь? – спросил Беркин. Ему были видны белые ноги Джеральда, сидящего на краю кровати. Незагорелые, мускулистые, мощные, красивые, совершенные. И все же, глядя на эти ноги, Беркин испытал что-то вроде жалости и нежности, словно они принадлежали ребенку.

– Да, хотел бы, – повторил Джеральд.

– Это не имеет никакого значения, – упорствовал Беркин.

– Ты постоянно так говоришь, – сказал несколько озадаченный Джеральд, с нежностью глядя на лицо лежащего мужчины.

– Так оно и есть, – отозвался Беркин.

– Но она была со мной так мила...

– Кесарево – жене кесаря, – проговорил Беркин, отворачиваясь. Ему казалось, что Джеральду просто хочется поболтать. – Иди спать, ты меня утомил, уже поздно, – прибавил он.

– Хочется, чтобы ты сказал мне нечто, что имело бы значение, – сказал Джеральд, не сводя глаз с лица друга и словно чего-то выжидая. Однако Беркин не смотрел на него.

– Ладно, спи. – Джеральд с нежностью коснулся плеча мужчины и вышел из комнаты.

Утром, проснувшись и услышав, что Беркин зашевелился в своей комнате, Джеральд прокричал:

– И все же я должен заплатить Минетте.

– Господи, да не будь ты таким педантом. Закрой этот счет в своей душе, если хочешь. Ведь именно там он напоминает о себе.

– Откуда тебе это известно?

– Потому что я знаю тебя.

Джеральд немного подумал.

– Мне кажется, таким женщинам, как Минетта, правильнее платить.

– А любовниц правильнее содержать. А с женами правильнее жить под одной крышей. *Integer vitae scelerisque purus*²⁰, – сказал Беркин.

– К чему это ехидство? – заметил Джеральд.

– Надоело. Твои грешки меня не волнуют.

– Хорошо. Но меня-то волнуют.

День опять выдался солнечный. Вошла горничная, принесла воды и раздвинула шторы. Сидя в постели, Беркин с удовольствием, бездумно смотрел на зеленеющий парк – тот выглядел заброшенным и романтичным, будто перенесенный из прошлого. Как красиво, безупречно, законченно, как совершенно все, пришедшее из прошлого, – думал Беркин, – прекрасного, славного прошлого, – этот дом, мирный и величественный парк, столетиями погруженный в спокойный сон. И в то же время какая ловушка, какой обман таится в красоте этих мирных вещей: Бредэлби на самом деле – ужасная мрачная тюрьма, а этот покой – невыносимая пытка одиночного заключения. И все же лучше жить здесь, чем участвовать в грязных конфликтах современной жизни. Если б было возможно создавать будущее в соответствии с влечениями сердца, внести в него хотя бы не много чистой истины, сделать попытку приложить простые истины к жизни – вот чего постоянно просила душа.

– Уж не знаю, что, ты считаешь, должно меня волновать, – донесся голос Джеральда из его комнаты. – Минетта – не должна, шахты – тоже, и все остальное в придачу.

– Да все, что угодно, Джеральд. Просто меня это не интересует, – сказал Беркин.

– И что же мне делать? – раздался голос Джеральда.

– Что хочешь! А что делать мне?

Джеральд молчал, и Беркин понимал, что тот думает.

– Черт меня подери, если я знаю, – добродушно отозвался Джеральд.

– Видишь ли, – сказал Беркин, – часть тебя хочет Минетту, и ничего, кроме нее, другая – управлять шахтами, заниматься бизнесом и ничем больше – в этом ты весь, в раздрызге...

– А еще одна часть хочет чего-то другого, – произнес Джеральд необычно тихим и искренним голосом.

– И чего же? – спросил удивленный Беркин.

– Я надеялся, что ты мне скажешь, – ответил Джеральд.

Воцарилось молчание.

– Как я могу сказать – я и свой путь не могу отыскать, не то что твой. Но ты можешь жениться, – нашелся Беркин.

– На ком? На Минетте? – спросил Джеральд.

– А почему нет? – Беркин встал и подошел к окну.

– Вижу, ты считаешь женитьбу панацеей. Но тогда почему не попробовал на себе? Ты сам основательно болен.

– Согласен, – сказал Беркин. – Но я пойду напрямик.

– Ты имеешь в виду женитьбу?

– Да, – упрямо подтвердил Беркин.

– И нет, – прибавил Джеральд. – Нет, нет, нет, дружище.

Снова воцарилось молчание, в нем ощущалась напряженная враждебность. Они всегда сохраняли дистанцию между собой, дорожа свободой, не желая быть связанными дружескими обязательствами. И все же их непонятным образом тянуло друг к другу.

²⁰ Беспорочной и безукоризненной жизнью (*лат.*) – цитата из Горация.

- *Salvator femininus*²¹, – насмешливо произнес Джеральд.
- А почему бы нет? – сказал Беркин.
- Никаких возражений, если это поможет. А на ком ты хочешь жениться?
- На женщине.
- Уже неплохо, – сказал Джеральд.

Беркин и Джеральд последними вышли к завтраку. Гермiona же любила, чтобы все вставали рано, страдая при мысли, что ее день может сократиться, – она не хотела обкрадывать себя. Гермiona словно брала время за горло, выдавливая из него свою жизнь. Утром она была бледная и мрачная, как будто о ней забыли. Но в ней все равно чувствовалась сила, воля никогда ее не покидала. Молодые люди, войдя в столовую, сразу же почувствовали напряжение в атмосфере.

Подняв голову, Гермiona произнесла нараспев:

- Доброе утро! Хорошо спали? Я очень рада.

И отвернувшись, не дожидаясь ответа. Беркин, прекрасно ее знающий, понял, что она решила его не замечать.

– Берите что хотите с сервировочного стола, – сказал Александр голосом, в котором слышались недовольные нотки. – Надеюсь, еда еще не остыла. О Боже! Руперт, выключи, пожалуйста, огонь под блюдами. Спасибо.

Когда Гермiona сердилась, Александр тоже принимал властный тон. Он всегда подражал сестре. Беркин сел и окинул взглядом стол. За годы близости с Гермioniной он привык к этому дому, этой комнате, этой атмосфере, но теперь все изменилось: он чувствовал, что все здесь ему чуждо. Как хорошо он знал Гермionу, молча сидевшую с прямой спиной, погруженную в свои мысли, но не терявшую при этом ни силы, ни власти! Он знал ее как свои пять пальцев – так хорошо, что это казалось почти безумием. Трудно было поверить, что он не сходит с ума и не находится в зале властителей в одной из египетских гробниц, где мертвые восседают с незапамятных времен, внушая благоговейный ужас. Как досконально изучил он Джошуа Мэттесона, безостановочно что-то бубнящего грубоватым голосом в несколько жеманной манере, всегда нечто умное, всегда интересное, но никогда – новое; все, что он говорил, было давно известно, как бы свежо и умно это ни звучало. Александр, современный хозяин, снисходительный и раскованный; фройляйн, так очаровательно со всеми соглашавшаяся, как ей и положено; изящная графиня, все понимающая, но предпочитающая вести свою маленькую игру, бесстрастная и холодная, как ласка, которая следит за происходящим из укрытия: она развлекается, ничем себя не выдавая; и наконец мисс Брэдли, скучная и услужливая, Гермiona обращалась к ней с холодным и снисходительным презрением, такое отношение перенимали и остальные – все они были давно известны Беркину, и общение с ними напоминало игру, в которой роли фигур никогда не менялись, в ней были ферзь, кони, пешки, и они вели себя, как сотни лет назад, – те же фигуры двигались в одной из бесконечных комбинаций. Сама игра всем известна, и то, что она все еще существует, – сущее безумие, она исчерпала себя.

А вот на лице у Джеральда блуждала довольная улыбка, игра забавляла его. Гудрун внимательно и враждебно следила за происходящим, широко раскрыв глаза, – игра занимала ее, но одновременно вызывала отвращение. Лицо Урсулы говорило о легком удивлении, будто что-то на подсознательном уровне ранило ее. Неожиданно Беркин встал и вышел из комнаты.

- С меня хватит, – сказал он себе.

Гермiona бессознательно уловила смысл его ухода. Она медленно подняла глаза и увидела, как Беркина уносит внезапный прилив. Волны разбивались прямо о ее сердце. Спасла ее только несгибаемая механическая воля – Гермiona осталась сидеть за столом, произнося с рассеянным видом редкие фразы. Но тьма уже окутала ее – как затонувший корабль, она

²¹ Спаситель жен (*лат.*).

опускалась на дно. Для нее это было таким же концом, она гибла во мраке. Однако нерушимый механизм воли продолжал работать, только он оставался живым.

– Мы пойдем купаться? – внезапно спросила она, оглядывая присутствующих.

– Прекрасная мысль! – поддержал ее Джошуа. – Утро превосходное.

– Чудесное, – поддакнула фройляйн.

– Да, надо искупаться, – сказала итальянка.

– Но у нас нет купальных костюмов, – возразил Джеральд.

– Возьмите мой, – предложил Александр. – Мне нужно в церковь, я веду там занятия.

Меня ждут.

– Вы образцовый христианин? – спросила графиня с неожиданным интересом.

– Нет, – ответил Александр. – Не могу считать себя таковым. Но верю в необходимость сохранения церковных обрядов.

– Они так прекрасны, – заметила фройляйн.

– О да! – воскликнула мисс Брэдли.

Все вышли на лужайку. Утро было солнечное и ласковое, такое утро бывает только в начале лета, когда жизнь в природе струится нежно, как воспоминание. Невдалеке мелодично звонили колокола, на небе ни облачка, лебеди казались белыми лилиями на воде, павлины длинными шагами важно переходили из тени на яркий солнечный свет. Хотелось замереть в экстазе от совершенства мира.

– До свидания, – попрощался Александр, отправляясь в церковь, и, весело помахав перчатками, исчез за кустами.

– Ну так что? – спросила Гермиона. – Будем купаться?

– Я не буду, – сказала Урсула.

– Ты не хочешь? – поинтересовалась Гермиона, пристально глядя на нее.

– Нет. Не хочу, – ответила Урсула.

– Я тоже не буду, – сказала Гудрун.

– А как насчет обещанного купального костюма? – спросил Джеральд.

– Ничего не знаю, – рассмеялась Гермиона, в ее смехе чувствовалось странное удовлетворение. – Платок подойдет, большой платок?

– Подойдет, – согласился Джеральд.

– Тогда побежали, – пропела Гермиона.

Первой на ее зов откликнулась маленькая итальянка, изящная и проворная, как котенок, ее белые ножки мелькали на бегу, головка в золотистом шелковом платке слегка клонилась к земле. Миновав ворота, она побежала по склону вниз, у самой воды остановилась и, бросив на землю купальные принадлежности, замерла, глядя на лебедей, которые плыли к берегу, удивленные ее появлением. Тут же подбежала мисс Брэдли, темно-синий купальный костюм делал ее похожей на большую сочную сливу. Затем появился Джеральд в красном шелковом платке на бедрах и с полотенцем через плечо. Он смеялся и не спешил войти в воду – со стороны можно было подумать, что он красуется перед остальными, разгуливая на солнышке, – нагота шла ему, хотя его кожа была очень белой. Подошел сэр Джошуа в плаще; последней была Гермиона, величественно и грациозно выступавшая в длинной накидке из алого шелка, ее волосы стягивала золотисто-алая косынка. Походка, белые ноги, высокая фигура с безупречно прямой спиной были очень красивы. Царственно передернув плечами, она позволила накидке соскользнуть на траву. Она пересекла лужайку, как призрачное видение, медленно и величественно приближаясь к воде.

Три больших пруда террасами спускались в долину, водная гладь красиво серебрилась на солнце. Минувя невысокий каменный заслон и мелкие камни, вода падала вниз, на следующий уровень. Лебеди уплыли к противоположному берегу, воздух был напоен ароматами водяной растительности, легкий ветерок нежно ласкал кожу.

Джеральд нырнул следом за сэром Джошуа и поплыл в дальний конец пруда. Там он, выбравшись из воды, уселся на каменную стену. Раздался плеск воды, и вот уже маленькая графиня рыбкой заскользила к нему. Теперь они уже вдвоем сидели на солнышке, скрестив на груди руки, и дружно смеялись. К ним подплыл сэр Джошуа и встал рядом, по грудь в воде. Несколько позже к маленькому обществу присоединились Гермиона и мисс Брэдли, все они уселись рядком на дамбе.

– Как пугающе они выглядят, правда? Просто ужасно, – говорила Гудрун. – Словно доисторические ящеры. Огромные ящеры. Взгляни на сэра Джошуа. Ты видела что-нибудь подобное? Он, несомненно, пришел к нам из первобытного мира, когда по земле ползали огромные ящеры.

Гудрун в смятении смотрела на сэра Джошуа, стоявшего по грудь в воде, – длинные, с проседью, мокрые волосы свисали на глаза, шея вросла в полные грубоватые плечи. Он разговаривал с мисс Брэдли, та, крупная, пухлая и мокрая, возвышалась над ним, сидя на каменной стене, и казалось, в любой момент могла соскользнуть в воду, подобно одному из тех лоснящихся морских львов, которых можно видеть в зоопарке.

Урсула молча следила за происходящим. Джеральд, сидя между Гермионой и итальянкой, заливался счастливым смехом. Золотистыми волосами, плотной фигурой, всем своим смеющимся обликом он напоминал Диониса. К нему склонилась Гермиона, в ее грации было нечто тяжелое и зловещее: казалось, она не владеет собой. Джеральд ощущал исходящую от нее опасность – пароксизмы безумия. Но он только смеялся и часто поворачивался к маленькой графине, которая в ответ дарила ему улыбки.

Они все разом бросились в воду и поплыли, как стадо тюленей. Гермиона плыла медленно и важно, ощущая себя раскованно и свободно; Палестра двигалась в воде бесшумно и быстро, как ондатра; Джеральд скользил по водной глади быстрой белой тенью. Один за другим они вышли на берег и направились к дому.

Джеральд приостановился и заговорил с Гудрун.

– Вы не любите воду? – спросил он.

Гудрун испытующе посмотрела на стоявшего перед ней в небрежной позе мужчину, капли воды блестели на его коже.

– Напротив, очень люблю, – ответила она.

Он помолчал, ожидая продолжения.

– Вы умеете плавать?

– Умею.

Уловив иронию в ее ответах, Джеральд не спросил, почему она не присоединилась к ним. Он отошел, впервые почувствовав себя уязвленным.

– Почему вы не пошли с нами плавать? – спросил он ее позже, когда вновь предстал перед ней с иголки одетым молодым англичанином.

Смущенная его настойчивостью, она ответила не сразу.

– Не люблю теряться в толпе.

Джеральд рассмеялся, эти слова, похоже, нашли отклик в его душе. А ее своеобразная манера выразиться очаровала. По непонятной причине эта женщина отождествлялась для него с подлинной реальностью. Ему хотелось подходить под ее стандарты, соответствовать ее ожиданиям. Он знал, что только ее критерии важны. Все остальные гости не имели никакого значения, какое бы социальное положение они ни занимали. Джеральд ничего не мог изменить, он был обречен стремиться соответствовать ее критериям, ее представлениям о мужчине и человеке.

После обеда, когда все остальные разошлись кто куда, Гермиона, Джеральд и Беркин задержались, чтобы закончить дискуссию, завязавшуюся за столом. Этот довольно умозритель-

ный разговор касался нового порядка, нового образа мира. Если допустить, что привычный социальный уклад вдруг рухнет, что может возникнуть из хаоса?

Величайшая общественная идея, заявил сэр Джошуа, – социальное равенство людей. Нет, возразил Джеральд, главное, чтобы каждый человек смог реализовать свои способности, надо дать возможность ему это сделать, и тогда он будет счастлив. Объединяющая идея – сам труд. Только труд, процесс производства связывает людей. И пусть связь эта механическая, но ведь и общество – механизм. Выключенные из трудового процесса люди существуют сами по себе и могут делать все, что хотят.

– Вот как! – воскликнула Гудрун. – Тогда нам не обязательно иметь имена, будем как немцы – просто герр Обермайстер и герр Унтермайстер²². Представляю себе – «Я миссис управляющий шахтами Крич, я миссис член парламента Роддайс, я мисс учительница рисования Брэнгуэн». Прелестно.

– Все будет гораздо лучше, мисс учительница рисования Брэнгуэн, – сказал Джеральд.

– Что будет лучше, мистер управляющий шахтами Крич? Отношения между вами и мной, *par exemple*²³?

– Вот именно! – воскликнула итальянка. – Отношения между мужчиной и женщиной!

– Это не относится к сфере общественных отношений, – произнес Беркин насмешливо.

– Конечно, – подтвердил Джеральд. – Между мною и женщиной не возникают общественные вопросы. Тут только все личное.

– И сводится оно к десяти фунтам, – сказал Беркин.

– Значит, вы не считаете женщину равноправным членом общества? – спросила Урсула.

– Почему? Если речь идет об общественных отношениях, женщина – такой же член общества, как и мужчина, – ответил Джеральд. – Но в сфере личных отношений она полностью свободна и может поступать как считает нужным.

– А не трудно совмещать обе эти ипостаси? – задала вопрос Урсула.

– Совсем не трудно, – ответил Джеральд. – Совмещение происходит совершенно естественно, что мы и наблюдаем повсеместно в наши дни.

– Хорошо смеется тот, кто смеется последний, – заметил Беркин.

Джеральд сердито свел брови.

– Я разве смеялся? – сказал он.

– Если б, – вступила наконец и Гермиона, – мы только могли осознать, что в духе мы одно целое, все в нем равны, все братья, тогда остальное стало бы не важным, ушли бы злоба, зависть и борьба за власть, ведущие к разрушению, к одному разрушению.

Ее слова были встречены полным молчанием, почти сразу же гости встали из-за стола и стали расходиться. И вот тогда Беркин разразился гневной речью:

– Все совсем не так, а как раз наоборот, Гермиона. Духовно мы все разные и далеко не равны – одни только социальные различия зависят от случайных материальных условий. Если хочешь, абстрактно мы равны, но это чисто арифметическое равенство. Каждый человек испытывает голод и жажду, имеет два глаза, один нос и две ноги. На этом уровне люди равны. Но духовно все разные, и дело тут не в большей или меньшей высоте духа. При устройстве общества надо учитывать оба уровня. Ваша демократия – абсолютная ложь, а братство людей – чистый вымысел, если иметь в виду не чисто арифметическое равенство. Все мы на первых порах питаемся молоком, а впоследствии едим хлеб и мясо, все хотим ездить в автомобилях – тут начинается и заканчивается наше братство. И никакого равенства.

А я сам, кто я такой, и какое отношение ко мне имеет пресловутое равенство с другими мужчинами и женщинами? В области духа я так же далек от них, как одна звезда от другой, –

²² Старший мастер и младший мастер (*нем.*).

²³ Например (*фр.*).

и в количестве, и в качестве. Вот что должно лежать в основе общественного устройства. Ни один человек не лучше любого другого – и не потому, что все равны, а потому, что люди принципиально различаются между собой, их невозможно сравнивать. Стоит начать сравнивать, и один человек покажется гораздо лучше другого: проступит неравенство, обусловленное самой природой. Мне хотелось бы, чтобы каждый получил свою долю мирового богатства, и тогда я был бы избавлен от всяческих притязаний и мог бы со спокойной совестью сказать: «Ты получил что хотел – вот твоя часть. А теперь, болван, займись своим делом и не мешай мне».

Гермиона злобно пожирала его глазами из-под приспущенных ресниц. Беркин физически ощущал исходящие от нее яростные волны ненависти и отвращения ко всему, что он говорил. Эти мощные черные волны излучало ее подсознание. Гермиона воспринимала его слова только подсознанием – сознательно их не слыша, словно была глухой, – она просто не обращала на них внимания.

– Несколько отдаст манией величия, Руперт, – добродушно произнес Джеральд.

Гермиона что-то невнятно пробормотала. Беркин отступил назад.

– Забудьте об этом, – вдруг проговорил он глухим голосом, из которого разом ушел пыл, приковывавший внимание присутствующих, и вышел из комнаты.

Но через некоторое время его стали мучить угрызения совести. Он вел себя жестоко и несправедливо с бедной женщиной. Ему захотелось сделать для Гермионы что-то хорошее, помириться с ней. Он доставил ей боль, проявил мстительность. Надо загладить вину.

Беркин вошел в ее будуар – уединенную комнату, утопавшую в мягких подушках. Гермиона сидела за столом и писала письма. Она подняла глаза, рассеянно глядя, как он подошел к дивану и сел. И снова уткнулась в бумаги.

Беркин взял толстый том, который уже листал прежде, и стал дотошно изучать справку об авторе. К Гермионе он был обращен спиной. Та уже не могла целиком сосредоточиться на письмах. Мысли ее путались, сознание обволакивала темнота; она старалась удержать контроль над собой – так пловец борется с сильным течением. Но, несмотря на все усилия, она проиграла: тьма поглотила ее сознание, она чувствовала, что у нее разрывается сердце. Ужасное напряжение все нарастало, появилось жуткое ощущение, что ее замуровывают.

И тут Гермиона поняла, что стеною было присутствие Беркина – оно разрушало. Если стену не сломать, ее самое ждет страшный конец – ее просто замуруют. Беркин был этой стеною. Нужно во что бы то ни стало сломать стену, уничтожить эту ужасную преграду – то есть уничтожить его, Беркина, отгораживавшего ее от жизни. Сделать это необходимо, или же она погибнет в страшных мучениях.

Гермиону сотрясали болезненные конвульсии, как будто ее било током и множество вольт прошли через нее. Она остро ощущала молчаливое присутствие мужчины в комнате – он казался ей чудовищной, отвратительной помехой. От вида его сутулой спины и затылка разум ее мутился, дыхание перехватило.

Сладострастная дрожь вдруг пробежала по рукам Гермионы – ей открылось, как получить наслаждение. Трепещущие руки были исполнены силы, громадной, непреодолимой силы. Какое наслаждение в силе, какое блаженство! Наконец-то она насладится сполна, и эта минута все ближе! Она ощущала ее приближение, испытывая невероятный ужас, муку и острое блаженство. Ее рука сама опустилась на красивое лазуритовое пресс-папье в виде шара, стоявшее на письменном столе. Медленно поднимаясь, она перекачивала его рукой. Сердце ее было объято чистым пламенем, она действовала бессознательно, в трансе. Подойдя к мужчине, она некоторое время, охваченная экстазом, стояла за его спиной. Он же, находясь в ее власти, не двигался и ни о чем не догадывался.

Затем в порыве, молнией пронзившем ее тело – этот порыв принес ей сказочное блаженство, неописуемое наслаждение, – она со всей силой обрушила тяжелый шар из полудрагоценного камня на его голову. Сжимавшие камень пальцы смягчили удар, пришедшийся на

ухо. Тем не менее голова мужчины рухнула на стол, уткнувшись в книгу, которую он просматривал. Боль от ушибленных пальцев вызвала у Гермiony судорогу острого наслаждения. Но дело было не завершено. Она еще раз занесла руку над неподвижно лежащей на столе головой. Нужно размозжить эту голову прежде, чем экстаз достигнет своего апогея. Сейчас важнее всего довести до конца этот чувственный экстаз, перед которым тысячи жизней, тысячи смертей не имеют значения.

Гермиона не спешила, рука ее двигалась медленно. Только благодаря сильной воле Беркин очнулся, поднял голову и взглянул на Гермiony. В занесенной руке он увидел лазуритовый шар. В левой руке – и он вновь со страхом осознал, что эта женщина – левша. Поспешным движением, словно укрываясь в норе, Беркин прикрыл голову толстым томом Фукидида, и тут его настиг новый удар, чуть не сломавший ему шею.

Беркин был потрясен, но не испуган. Он повернулся к Гермione, испепелив ее взглядом, опрокинул стол и отошел в другой конец комнаты. Себе он казался разбитым вдребезги стеклянным сосудом, он словно разлетелся на тысячи осколков. Однако движения его были спокойными и четкими, душа сохраняла ясность и безмятежность.

– Ты не сделаешь этого, Гермiona, – тихо вымолвил он. – Я не позволю тебе.

Она стояла перед ним – высокая, красная от злобы, напряженная – и судорожно сжимала в руке камень.

– Пропусти меня, – сказал Беркин, подходя ближе.

Гермиона отступила, будто кто-то отодвинул ее рукой, но продолжала следить за ним – лишенный силы падший ангел.

– Это бессмысленно, – сказал Беркин, проходя мимо нее. – Умру ведь не я. Слышишь?

Выходя из комнаты, он не спускал с Гермiony глаз, опасаясь нового нападения. Пока он настороже, она не осмелится двигаться. Это лишало ее силы. И он ушел, оставив ее одну.

Гермиона словно застыла на месте, это состояние длилось довольно долго. Потом нетвердым шагом подошла к дивану, легла и забылась тяжелым сном. Проснувшись, она помнила о случившемся, но ей казалось, что она всего лишь ударила Беркина: он ее мучил – она ударила. Так поступила бы на ее месте каждая женщина. Значит, она была полностью права. По большому счету она права, Гермiona не сомневалась в этом. Она, чистая и непогрешимая, сделала то, что нужно было сделать. Да, она права, она чиста. С ее лица не сходило восторженное, почти религиозно-экстатическое выражение.

Плохо соображающий Беркин действовал, однако, вполне целенаправленно – вышел из дома, пересек парк, двигаясь дальше – на открытый простор, к горам. Солнечный день померк, накрапывал дождь. Беркин все шел, пока не достиг девственного уголка долины, там густо рос орешник, все утопало в цветах, вересковые пустоши сменялись рощицами из молодых елочек со свежей зеленью на лапках. Было довольно сыро; внизу, в хмурой, или казавшейся хмурой, долине бежал ручеек. Беркин понимал, что не обрел ясность рассудка, – он словно блуждал во мраке.

И все же он к чему-то стремился. Находясь на склоне сырого холма, густо поросшего кустарником и цветами, он почувствовал себя счастливым. Ему хотелось дотронуться до каждого цветка, пропитаться насквозь молодой зеленью. Беркин снял с себя одежду и сел голый среди примул, цветы щекотали его ступни, ноги, колени, руки, подмышки. Он лег плашмя на землю, ощутил цветы грудью, животом. Касания растений были легкими, прохладными, еле уловимыми, он, казалось, впитывал в себя их нежность.

Однако они были слишком уж воздушными. Беркин прошел по высокой траве к поросли молодых елочек – не выше человеческого роста. Когда он продирался сквозь них, ветки его больно хлестали, холодные капли скатывались с деревьев на живот, колючки ранили поясницу. Там был и чертополох, он тоже колот его, но не очень больно: ведь движения Беркина были легкими и осторожными. Как хорошо, как прекрасно, как благодатно опуститься на землю и

кататься по только что распустившимся клейким гиацинтам, или лечь на живот, чувствуя, как тебя ласкает шелковистая влажная трава, легкая, как дыхание, чья ласка нежнее и сладолюбивее прикосновения женщины, или уколоться бедром о сочные иголки молодых елочек, почувствовать, как тебя по плечу легко стегнула ветка орешника, прижаться грудью к серебристому стволу березы, ощутить ее гладкость, прочность, все ее живительные узелки и складки – как это хорошо, как все хорошо, замечательно. Ничто с этим не сравнится, ничто не принесет такого наслаждения, как это ощущение кровного слияния с юной, свежей зеленью. Как повезло ему, что она, как и он, ждала встречи с ним, как он доволен, как счастлив!

Вытираясь платком, он думал о Гермione и ее поступке. Висок все еще болел. Впрочем, какое это имело значение? Ни Гермiona, ни прочие люди сейчас для него не существовали. Было только это сладостное одиночество, такое восхитительное, неожиданное и незнакомое. Как он ошибался, думая, что ему нужны люди, женщина. Нет, женщина ему совсем не нужна. Листья, примула, деревья – вот что прекрасно и желанно для него, вот что наполняет его и заставляет кровь бежать быстрее. Как безмерно обогатился он, каким счастливым стал!

Гермione была права в своем желании его убить. Она совсем не нужна ему. Зачем он притворялся, что может иметь дело с людьми? Его мир здесь, ничто и никто не нужен ему, кроме этих милых, нежных, чутких растений и себя самого, его живого «я».

Но в мир нужно возвращаться. С этим ничего не поделаешь. Однако это не так страшно, когда знаешь, где твое истинное место. А он теперь знал. Здесь его дом, здесь его брачное ложе. Весь остальной мир не имеет к нему отношения.

Беркин стал подниматься по склону, задаваясь вопросом, не сошел ли он с ума. Даже если и так, безумие ему дороже здравого смысла. Он гордился своим безумием, оно делало его свободным. Ему претило вечное благообразие человечества, оно казалось просто омерзительным. Он предпочитал только что обретенный мир безумия – такой чистый, утонченный и радостный.

Одновременно Беркин испытывал в душе и легкую печаль – давали знать о себе остатки старой морали, согласно которой каждый человек должен вливаться в человечество. Но он устал и от морали, и от людей, и от всего человечества. Сейчас он был влюблен в нежную, мягкую зелень, такую спокойную, такую совершенную. Он справится с этой печалью, расстанется со старой моралью, новое состояние сделает его свободным.

Беркин ощущал, что боль в голове нарастает с каждой минутой. Сейчас он уже шел по дороге к ближайшей железнодорожной станции. Лил дождь, а шляпы на нем не было. Но ведь сейчас не редкость чудачки, которые не надевают в дождь шляпу.

Он задумался, не вызвана ли его печаль, эта тяжесть на сердце, мыслью о том, что кто-то мог видеть, как он лежит голый в зарослях. Какой же страх испытывал он перед человечеством, перед другими людьми! Этот страх граничил с ужасом, с чем-то вроде ночного кошмара. Если бы он оказался один на острове, как Александр Селкирк, в окружении только животных и растений, тогда этой тяжести, этого дурного предчувствия не было бы и он оставался бы свободным и счастливым. Любви к растениям достаточно, чтобы не испытывать одиночества, быть радостным и безмятежным.

Нужно послать письмо Гермione: она может начать беспокоиться, а он не хотел этого. Придя на станцию, Беркин написал следующее:

«Я еду в город и пока не собираюсь возвращаться в Бредэлби. Но зла на тебя не держу и не хочу, чтобы ты казнила себя за то, что ударила меня. Скажи остальным гостям, что мой отъезд – просто проявление дурного характера. Ты была права, ударив меня, – ведь ты этого хотела, я знаю. Так что покончим с этим».

Однако в поезде ему стало плохо. Каждое движение причиняло нестерпимую боль, его тошнило. С вокзала он брел до такси как слепой, нащупывая землю под ногами, – и только остатки воли поддерживали его.

Неделю или две он провалялся дома, но Гермione об этом не сообщил, и она думала, что он просто дуетя. Между ними произошел полный разрыв. Гермione витала в облаках и не сомневалась в своей правоте. Она жила, считаясь только с собой, и была убеждена в непогрешимости своих поступков.

Глава девятая. Угольная пыль

Возвращаясь домой, ближе к вечеру, после школьных занятий, сестры Брэнгуэн спустились вниз по холму мимо живописных коттеджей Уилли-Грин и подошли к железнодорожному поезду. Шлагбаум был опущен – невдалеке громыхал товарный состав. Сестры слышали хрипкое пыхтение маленького паровозика, неспешно катившегося меж насыпей. Одноногий сторож выглядывал из сигнальной будки у путей, как краб из панциря.

В то время как молодые женщины стояли в ожидании, подъехал Джеральд Крич на рыжей арабской кобыле. Он уверенно и непринужденно сидел в седле, с удовольствием ощущая коленями легкую дрожь животного. Джеральд очень живописно (так казалось Гудрун) смотрелся на изящной рыжей кобыле, чей длинный хвост развевался на ветру. Подъехав к поезду, он поздоровался с сестрами и, поглядывая в сторону, откуда должен был показаться состав, стал ждать, когда поднимут шлагбаум. Гудрун иронично улыбнулась при появлении гарцующего красавца, но ей было приятно смотреть на него. Джеральд был хорошо сложен, держался естественно, на загорелом лице четко выделялись светлые жесткие усы, в устремленных вдаль голубых глазах вспыхивали огоньки.

Пыхтение медленно приближавшегося, еще невидимого паровоза слышалось все отчетливее. Кобыле это не понравилось. Она попятилась назад, как будто неизвестный шум причинял ей боль. Джеральд заставил лошадь вернуться и встать у самого шлагбаума. Резкие свистки паровоза усугубили положение. Повторяющиеся громкие звуки непонятного происхождения пугали кобылу, ее трясло от испуга. Она отпрянула, как опущенная пружина. На лице Джеральда появилось яростное, упрямое выражение. Он вновь заставил лошадь подчиниться.

Шум усиливался, паровозик уже показался, его железные буфера яростно лязгали. Кобыла подскочила, как капля воды на раскаленной сковородке. Урсула и Гудрун в страхе вжались в колючий кустарник. Однако Джеральд силой вернул лошадь на прежнее место. Казалось, он заставляет кобылу двигаться против воли, воздействуя на нее как магнитом.

– Вот болван! – громко крикнула Урсула. – Почему он не отъедет и не пропустит поезд?

Гудрун смотрела на Джеральда как замороженная, ее зрачки расширились. А он, яростно возбужденный, упрямо боролся с вращавшейся на месте лошадью, которая хоть и крутилась волчком, не могла ни пойти против воли человека, ни справиться с ужасом, который вызывал в ней тяжелый стук колес медленно катившего по рельсам состава – одна товарная платформа за другой, одна за другой.

Локомотив вдруг резко затормозил, словно его заинтересовала эта сцена, и железные буфера продолжавших двигаться по инерции и наезжавших друг на друга платформ загремели, словно чудовищные цимбалы. Кобыла раскрыла пасть и медленно, как бы под действием сильного порыва ветра, поднялась на дыбы, суча копытами, будто отбивалась от страшного видения. Она вновь попятилась, и сестры непроизвольно прильнули друг к другу в страхе, что она может упасть на спину и раздавить всадника. Тот подался вперед, лицо его пылало от возбуждения. Наконец ему удалось заставить лошадь опуститься, он ее победил и вернул в прежнее состояние. Однако страх лошади не уступал воле всадника, и этот страх вновь отбросил ее от шлагбаума, и она опять закрутилась на задних ногах, будто угодила в водоворот. У Гудрун закружилась голова, она была в предобморочном состоянии, тошнота подкатывала к самому сердцу.

– Нет! Нет! Оставь ее! Оставь, ты, идиот! – закричала что есть силы Урсула, совершенно потеряв голову. Гудрун почувствовала прилив ненависти к сестре за то, что она вышла из себя. Голос Урсулы звучал слишком сильно и резко, это было просто невыносимо.

Лицо Джеральда приняло упрямое выражение. Казалось, он слился с лошадью, вновь вынудив ту вернуться. Тяжело дыша, она оглушительно ржала, ноздри ее – два раскаленных

отверстия – были расширены, пасть широко раскрыта, глаза горели безумием – отталкивающее зрелище. Но человек почти с механическим упорством не ослаблял поводья и словно врос в животное. И всадник, и лошадь взмокли в этой ожесточенной схватке. Однако со стороны казалось, что Джеральд спокоен и холоден, как солнечный луч зимой.

А товарные платформы тем временем продолжали грохотать, медленно двигаясь одна за другой, одна за другой, и все напоминало дурной бесконечный сон. Буфера гремели и лязгали, лошадь уже по инерции била копытами и пятилась назад – сейчас, когда всадник показал свою силу, ее страх отступил; поднимаясь на дыбы, кобыла беспорядочно и жалко сучила ногами, а он, плотно обхватив ее ногами, так что они казались одним телом, заставлял ее опуститься.

– Она в крови! Она в крови! – кричала Урсула, почти обезумев от ненависти к Джеральду. Она одна, будучи полной противоположностью мужчине, понимала, что он делает.

Гудрун увидела струйки крови на боках лошади и побледнела как мел. И тут же блестящие шпоры безжалостно вонзились в кровавую рану. Все поплыло перед глазами Гудрун, сознание ее отключилось.

Когда она пришла в себя, душа ее была спокойна и холодна, будто окаменела. Состав все еще шел, грохоча, по путям, между лошадьё и всадником продолжалась борьба. Но к Гудрун это уже не имело отношения, она была от всего отчуждена, стала жесткой, холодной и равнодушной.

Показался крытый вагон с охраной, грохот понемногу стихал, появилась надежда, что невыносимый шум прекратится. Находящееся в шоковом состоянии животное дышало тяжело и как бы бессознательно, человек же, похоже, обрел спокойную уверенность – воля его так и осталась несломленной. Вагон с охраной поравнялся с шлагбаумом, он двигался медленно, охранник с любопытством следил за сценой на дороге. Этот человек из крытого вагона помог Гудрун увидеть происходящее его глазами, увидеть как мимолетную живую картинку из вечности.

За уходящим составом, казалось, тянулся шлейф из благодатной, сладостной тишины. Как прекрасна тишина!

Урсула с ненавистью провожала поезд взглядом. Сторож стоял в дверях домика, дожидаясь, когда можно будет открыть шлагбаум. Но Гудрун опередила его, бросилась к шлагбауму и, оказавшись перед борющимися всадником и лошадьё, отодвинула засов и развела две части перекладины – одна отъехала в ту сторону, где стоял сторож, а с другой Гудрун выбежала вперед. Неожиданно Джеральд ослабил поводья, и лошадь сделала большой прыжок к путям, чуть не сбив Гудрун. Но та не испугалась. Джеральд резко отдернул лошадь, и тогда Гудрун выкрикнула не своим, резким и пронзительным голосом – так кричат чайки или гадалки на обочине дороги:

– А вы гордец!

Ее слова прозвучали отчетливо и убежденно. Джеральд, борясь с танцующей на пяточке лошадьё, удивленно и заинтересованно взглянул на молодую женщину. Но тут кобыла отбила копытами на шпалах чечетку и понесла всадника большими неровными прыжками по дороге.

Обе женщины смотрели им вслед. Сторож заковылял к шлагбауму, стуча деревянной ногой по шпалам. Он задвинул засов. Затем, повернувшись к женщинам, сказал:

– Молодой человек – хороший наездник, умеет добиться своего.

– Но почему он не отвел лошадь подальше, не подождал, пока не пройдет поезд? – выкрикнула с жаром Урсула. – Идиот, и упрямый к тому же. Неужели он думает, что мучить лошадь – проявление мужества? Ведь она живое существо, как можно над ней издеваться?

Воцарилось молчание. Сторож покачал головой и сказал:

– Да, кобыла что надо, просто красавица, настоящая красавица. Его отец никогда жестоко не обращался с животными, никогда. Они очень разные – Джеральд Крич и его отец, совсем разные.

Все опять замолкли.

– Но зачем он это делает? – не унималась Урсула. – Зачем? Неужели он считает, что поступает благородно, издеваясь над чутким животным, которое раз в десять тоньше чувствует, чем он?

Вновь воцарилось напряженное молчание. Сторож покачал головой, всем своим видом показывая, что знает больше, чем говорит.

– Думаю, он хочет приучить кобылу ко всему, – ответил он. – Чистокровная арабская лошадь не похожа на наших лошадей, совсем не похожа. Говорят, ее привезли из самого Константинополя.

– Вот как! – воскликнула Урсула. – Лучше бы ей остаться у турок. Не сомневаюсь, там с ней обращались бы лучше.

Мужчина вернулся в сторожку и сел пить чай из жестяной кружки, а женщины пошли дальше по тропинке, проложенной в мягкой черной пыли. В сознании Гудрун запечатлелся образ мужчины, как бы вросшего в живую плоть животного: сильные, властные бедра белокурого всадника сжимают трепещущие бока, не дают лошади воли; спокойная, неукротимая, магнетическая воля исходит от его чресел, бедер и икр, воля охватывающая, обволакивающая и заставляющая лошадь безусловно повиноваться, и это хладнокровно навязанное подчинение ужасно.

Сестры шли молча, по левую сторону от них высились шахты и копры; темневшая ниже железная дорога напоминала гавань, в которой стояли на якоре неподвижные вагоны.

Неподалеку от второго переезда, проходившего поверх переплетения множества блестящих рельсов, находилась ферма, она принадлежала угольному предприятию; на огороженном участке земли у дороги лежал огромный моток железной проволоки и большой ржавый котел идеально круглой формы. Рядом бродили куры, несколько цыплят пилят, пытаясь сохранить равновесие, из кормушки, спугнув трясогузок, которые летали теперь над вагонами.

По другую сторону переезда, прямо у путей, насыпали горку сероватых камней для ремонта дороги, там же стояла телега, мужчина средних лет с бакенбардами, опершись на лопату, разговаривал с молодым человеком в крагах, стоящим рядом с лошадью. Оба смотрели в сторону переезда.

Мужчины видели приближавшихся женщин – маленькие фигурки, ярко освещенные лучами предзакатного солнца. На обеих были светлые летние одежды веселой расцветки. Урсула надела оранжевый вязаный жакет, Гудрун – бледно-желтый. На Урсуле были чулки канареечного цвета, на Гудрун – ярко-розовые. Фигурки женщин словно плыли, сверкая, по широкому простору переезда; белый, оранжевый, желтый и розовый цвета переливались в жарком воздухе, насыщенном угольной пылью.

Мужчины стояли неподвижно на жаре, наблюдая за женщинами. У того, что постарше, энергичного коротышки, было жесткое лицо, его собеседнику, молодому рабочему, было около двадцати трех лет. Они молча смотрели на приближавшихся сестер. Те подошли ближе, потом поравнялись с мужчинами и затем стали удаляться по той же пыльной дороге, по одну сторону которой стояли дома, а по другую – росла молодая, но уже запыленная пшеница.

Мужчина постарше, тот, что с бакенбардами, сказал похотливо молодому:

– А она ничего. Как думаешь, за сколько согласится?

– Ты про какую? – охотно отозвался молодой, посмеиваясь.

– Про ту, что в красных чулках. Что скажешь? Я отдал бы недельное жалованье за пять минут с ней – правда, всего за пять минут!

Молодой человек снова рассмеялся.

– Представляю, что скажет твоя женушка, – сказал он.

Гудрун повернулась и посмотрела на мужчин. Эти люди, которые стояли рядом с кучей серой гальки и пялились на нее, были ужасно убоги. Особенно противен был коротышка с бакенбардами.

– А ты девчонка что надо, – сказал коротышка как бы в пространство.

– Ты правда считаешь, что это стоит недельного жалованья? – не верил молодой.

– Считаю? Да я прямо сейчас выложил бы денежки...

Молодой парень оценивающе посмотрел вслед Гудрун и Урсуле, как бы прикидывая, можно ли пожертвовать ради одной из них недельным жалованьем, потом недоверчиво покачал головой.

– Да нет, – сказал он. – Думаю, дело того не стоит.

– Это ты зря, – возразил пожилой. – Клянусь Богом, я бы согласился.

И он возобновил работу лопатой.

Девушки шли теперь между домами из темного кирпича, с крышами из шифера. Насыщенный золотой цвет близкого заката сказочно раскрасил шахтерский поселок; уродство, побежденное красотой, действовало одурманивающе. Особенно колоритно роскошный свет преобразил черные от угольной пыли дороги; сияющий конец дня сотворил волшебство с мерзостью запустения.

– Это место наделено отталкивающей красотой, – сказала Гудрун, явно сопротивляясь этому очарованию. – Ты ощущаешь ту же густую жаркую прелесть, что и я? Она дурманит меня.

Сестры шли по району шахтерских застроек. Кое-где на задних дворах можно было видеть шахтеров, которые в такой жаркий вечер мылись прямо на улице, их широкие молескиновые брюки держались на бедрах. Те шахтеры, что уже привели себя в порядок, сидели на корточках, привалившись к стенам; расслабившись после трудового дня, они болтали или молчали, наслаждаясь отдыхом. Их голоса звучали энергично и грубовато, местный говор как-то особенно ласкал слух, теплом окутывая Гудрун. Район был насыщен естеством занимающихся физическим трудом мужчин, притягательным сочетанием труда и мужественности. Сами обитатели этого не чувствовали, потому что ничего другого не знали.

Но Гудрун ощущала это отчетливо, хотя и с примесью отвращения. Она никогда не могла понять, в чем отличие Бельдовера от Лондона и Южной Англии, почему здесь иначе себя чувствуешь и будто живешь в другом измерении. Теперь она знала: тут мир сильных мужчин, которые работают под землей и большую часть жизни проводят во мраке. В их голосах она слышала волнующий, чувственный отзвук этого мрака, отзвук опасного и могущественного подземного мира, бесчеловечного и бездушного. Звучание этих голосов напоминало шум загадочных машин, тяжелых, густо смазанных механизмов. Чувственность тоже была какая-то механическая, холодная и жесткая.

Каждый вечер, возвращаясь домой, Гудрун ощущала одно и то же: ей казалось, что ее захлестывает мощная волна разрушительной силы, волну порождали тысячи энергичных, работавших под землей шахтеров-полуроботов, она была по разуму и сердцу, вызывая к жизни губительные и грубые желания.

Гудрун постоянно испытывала ностальгию по этому месту. Она ненавидела его, знала, что это Богом забытый уголок земли, жизнь в котором уродлива и тошнотворно бессмысленна. Иногда она спасалась бегством, как новоявленная Дафна, прячась, правда, не в дереве, а в автомобиле. Однако ностальгия преследовала ее. Она стремилась сродниться с духом этого места, мечтала, чтобы ей здесь было хорошо.

Вечерами Гудрун тянуло на главную улицу города, безобразную и как бы извечно существовавшую, на ней присутствовала особенно густая атмосфера агрессивной мрачной грубости. Там было много шахтеров. Они держались с достоинством, которое можно было назвать извращенным, в их поведении, при некоторой скованности, была своеобразная красота, блед-

ные и подчас изможденные лица хранили рассеянно-отсутствующее выражение. То были жители другого мира, обладавшие особым очарованием, звук их голосов напоминал невыносимый шум работающего станка, от него можно сойти с ума быстрее, чем от пения древних сирен.

В пятницу вечером она вместе с простыми женщинами ходила на рынок: по пятницам шахтерам платили жалованье. Ни одна женщина не оставалась в этот вечер дома, мужчины тоже все были на улице, они делали покупки с женами или проводили время с приятелями. Тротуары были заполнены людьми, небольшой рынок на вершине холма и главная улица Бельдовера были черны от толп мужчин и женщин.

Когда темнело, на рынке включали керосиновые светильники, от них становилось жарко, они отбрасывали розоватый отблеск на суровые лица покупательниц и бледные, с отсутствующим выражением лица мужей. Воздух разрывался от криков и обрывков разговоров, густые людские потоки текли к рыночной толчее. Магазины раскалялись от бравших их приступом женщин, мужчины же – шахтеры самого разного возраста – заполняли улицы. Деньги тратились без счету.

Повозки застревали в этой толчее. Чтобы привлечь к себе внимание, кучеру приходилось кричать, тогда толпа расступалась. Повсюду, на проезжей части и на перекрестках, молодые люди из отдаленных районов болтали с девушками. Двери пивных были распахнуты, внутри горел яркий свет, мужчины постоянно сновали туда-сюда; они окликали друг друга, подходили, собирались в кружки и все время что-то обсуждали, горячо обсуждали. Нестройный шум ведущихся вполголоса споров – в основном об угольных разработках и политике – вибрировал в воздухе, как неотлаженный механизм. Эти голоса чуть не доводили Гудрун до обморока, пробуждая в ней болезненно-ностальгическое желание, почти одержимость, то, что невозможно утолить.

Вместе с другими девушками округи Гудрун ходила взад-вперед по ближайшей к рынку улице длиной двести пейсов²⁴. Она знала, что это вульгарно и родители осудили бы ее, но ничего не могла с собой поделать: ее влекло туда, ей надо было находиться среди этих людей. Иногда она заходила в кинотеатр и сидела там в окружении простолюдинов – неотесанных, пошлых. Но ее почему-то тянуло к ним.

Как и у остальных местных девушек, у нее появился «ухажер». Он был электриком, одним из тех, кого пригласили на работу в соответствии с новыми идеями Джеральда. Это был серьезный, умный человек, ученый, увлекающийся социологией. Он снимал жилье в одном из коттеджей Уилли-Грин и жил там один. Это был благовоспитанный человек, настоящий джентльмен и хорошо обеспеченный к тому же. Его квартирная хозяйка рассказывала, что в его спальне стоит большая деревянная лохань; придя с работы, он ведро за ведром льет в нее воду и моется, надевает каждый день чистую рубашку, свежее белье и шелковые носки; в том, что касается гигиены и туалета, он был на высоте, но во всем остальном вполне зауряден и неинтересен.

Гудрун все это знала. До семейства Брэнгуэн слухи и сплетни доходили в обязательном порядке. Поначалу Палмер был приятелем Урсулы. На его бледном, утонченном, серьезном лице Гудрун заметила то ностальгическое выражение, которое так хорошо понимала. Его тоже тянуло бродить по улицам в пятницу вечером. Они стали гулять вместе – так между ними возникла дружба. Палмер не был влюблен в Гудрун, на самом деле ему нравилась Урсула, но по каким-то необъяснимым причинам будущего у них не было. С Гудрун ему нравилось проводить время: он видел в ней единомышленника. Она тоже не испытывала к мужчине никаких особых чувств. Он был ученый и потому нуждался в женщине, которая поддерживала бы его. Однако его отличала бесстрастность – его достоинства были сродни отлаженности превосходно

²⁴ 1 пейс = 76,2 сантиметра.

работающего механизма. Он был слишком холоден, чтобы по-настоящему любить женщину, слишком эгоистичен. К мужчинам он относился неоднозначно. Каждого из них в отдельности он недолюбливал и презирал. Но в совокупности восхищался ими так же, как механизмами. Да они и казались ему еще одним видом машины – только непредсказуемым, ненадежным.

Гудрун бродила по улицам с Палмером или шла с ним в кино. Когда он отпускал насмешливо-язвительные колкости, его удлиненное, бледное, утонченное лицо загоралось. Так они и существовали – с одной стороны, два изошренных интеллектуала, а с другой – два существа, преданных людям, – ассоциирующих себя с измученными жизнью шахтерами. Казалось, души Гудрун, Палмера, молодых повес и пожилых людей с изможденными лицами хранят одну и ту же тайну. Все они сознавали свою скрытую мощь, потенциальную, разрушительную силу и роковую нерешительность, что-то вроде подпорченной воли.

Иногда Гудрун словно просыпалась, смотрела на свою жизнь новыми глазами и видела, что та ее засасывает. Тогда ею овладевали презрение и ярость. Она чувствовала, что становится похожей на остальных, смешивается с толпой, мертвеет. Это чувство было ужасным. Она задыхалась и, покинув Бельдовер, с головой уходила в работу. Но вскоре ей удавалось освободиться от этого жуткого чувства. И она вновь ехала домой – в мрачную и притягательную страну. И в очередной раз попадала под власть чар.

Глава десятая. Альбом для рисования

Как-то утром сестры писали этюды, устроившись в укромном уголке на берегу озера Уилли-Уотер. Гудрун добралась вброд до каменистой отмели и сидела там, как буддист, неотрывно глядя на водоросли, их сочная зелень покрывала весь илистый спуск. Она видела только ил, мягкий, сырой ил, из его разлагающейся прохлады росли водоросли – густые, мощные, мясистые, стройные, налившиеся соком; они выбрасывали листья под прямым углом, их цвета варьировались от темно-серого до темно-зеленого с темно-красными и бронзовыми разводами. Гудрун ощущала их сочную плоть своим чувственным зрением, она знала, как они прорастают из грязного ила, как растут дальше из самих себя, как им удастся быть такими крепкими и сочными.

Урсула наблюдала за бабочками, они во множестве вились у воды: маленькие синие бабочки, внезапно возникнув из ничего, оказывались в сверкающем блеске мироздания; крупный черно-красный экземпляр, сидя на цветке, подрагивал нежными крылышками, подрагивал возбужденно, вдыхая чистый пьянящий утренний воздух; две белые бабочки затеяли возню низко над землей, их окружало сияние, ах, нет! – когда они подлетели ближе, стало видно, что никакого нимба не было – просто кончики крылышек были окрашены оранжевым, это и создавало иллюзию. Урсула встала и пошла куда глаза глядят, двигаясь так же свободно и неосознанно, как бабочки.

Гудрун, отрешившись от всего на свете, постигала тайну рождения водорослей; согнувшись над альбомом, она рисовала, подолгу не поднимая головы, но иногда, почти неосознанно, начинала вглядываться в прямые голые мясистые стебли. Она была боса, шляпка лежала на берегу напротив отмели.

Из состояния оцепенения ее вывели удары весел. Гудрун оглянулась и увидела лодку, яркий японский зонтик и мужчину в белом, сидящего на веслах. Женщина в лодке была Гермiona, а мужчина – Джеральд. Гудрун поняла это мгновенно, ее тут же охватила сильная *frisson*²⁵ предчувствия, кровь пульсировала в венах интенсивнее и яростнее, чем обычно.

Джеральд был ее спасением от депрессии, в которую ее повергали бледные обитатели подземелья, шахтеры-роботы. Он вырвался из грязного ила. Он был хозяином. Гудрун видела его спину, движение мускулов под белой рубашкой. Более того – подаваясь вперед при каждом взмахе весел, он, казалось, оставлял за собой белый след. Как будто к чему-то тянулся. Блестящие белокурые волосы электрическими разрядами сверкали на фоне неба.

– Здесь Гудрун, – отчетливо донесся голос Гермiony. – Подплывем и поговорим с ней. Хорошо?

Оглянувшись, Джеральд увидел девушку, стоявшую у воды и смотревшую на него. Машинально, не думая о ней, он направил лодку в ту сторону. В его мире, мире его сознания Гудрун еще ничего не значила. Джеральд знал, что Гермione доставляло особое удовольствие нарушать социальные условности, – по крайней мере так это внешне выглядело, и он сделал то, что она просила.

– Здравствуй, Гудрун, – пропела Гермiona, называя девушку по имени, сейчас это было модно в ее кругу. – Что ты здесь делаешь?

– Здравствуй, Гермiona. Рисовала.

– Рисовала? – Лодка подошла еще ближе и уткнулась носом в песок. – Можно взглянуть? Мне бы очень хотелось.

Сопротивляться желанию Гермiony было невозможно.

²⁵ Дрожь (*фр.*).

– Видишь ли, – неохотно отозвалась Гудрун, она терпеть не могла показывать незаконченную работу, – пока тут нет ничего интересного.

– Вот как? И все же покажи, пожалуйста.

Гудрун протянула альбом. Джеральд потянулся за ним из лодки. В этот момент он вдруг вспомнил последние слова Гудрун, обращенные к нему у переезда, вспомнил взгляд, которым она смотрела на него, когда он сидел на непокорной лошади. Джеральд почувствовал прилив гордости: он знал, что в каком-то смысле она находится в его власти. Между ними протянулась живая нить, хотя они и не отдавали себе в этом отчета.

А Гудрун, словно очарованная, видела только его тело, таинственное и обманчивое, словно блуждающий огонек; оно тянулось к ней, впереди рука – как стебель. Чувственное волнение от его присутствия почти доводило ее до обморока, мысли путались. Мужчина покачивался в лодке, как луч света. Лодку немного снесло в сторону. Джеральд оглянулся и поднял весло, чтобы вернуть ее на место. Созерцание плавного движения лодки в мягко сопротивляющейся воде доставляло изысканное наслаждение, граничащее с экстазом.

– Так вот что ты нарисовала, – сказала Гермиона, вглядываясь в растения на берегу и сравнивая их с зарисовкой Гудрун. Та посмотрела в направлении, куда указывал длинный палец Гермионы. – Ты ведь их нарисовала, не так ли? – повторила Гермиона, требуя подтверждения.

– Да, – ответила автоматически Гудрун, не проявив особого внимания.

– Дай и мне, – попросил Джеральд, протягивая руку за альбомом. Гермиона словно не расслышала этих слов: ему не следует обращаться с подобной просьбой, пока она сама рассматривает рисунки. Но его воля не уступала по силе ее, и Джеральд решительно коснулся альбома. Гермиона испытала некоторый шок, произвольный прилив отвращения к мужчине. Она разжала державшие альбом пальцы прежде, чем Джеральд его ухватил, и альбом, ударившись о борт, упал в воду.

– Ну вот! – протянула Гермиона не без злорадного торжества. – Мне так жаль, ужасно жаль. Ты сможешь достать его, Джеральд?

Последние слова прозвучали откровенной насмешкой, вызвавшей у Джеральда острую неприязнь к Гермионе. Он свесился через борт и потянулся к воде, ощущая нелепость своей позы с задранной задом.

– Не стоит беспокоиться, – донесся до него резкий голос Гудрун. Похоже, ее слова были обращены к нему. Но он глубже погрузил руку в воду – лодку сильно качнуло. Гермиона, однако, сохраняла спокойствие. Наконец Джеральд поймал альбом и вытащил, с альбома стекла вода.

– Как мне жаль! Не могу передать, – повторила Гермиона. – Боюсь, это моя вина.

– Это пустяк, правда. Уверяю, совершенный пустяк, – громко, со значением произнесла Гудрун. Лицо ее пылало. Она нетерпеливо протянула руку, желая получить альбом и покончить с этим. Джеральд передал ей альбом. Он не вполне владел собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.